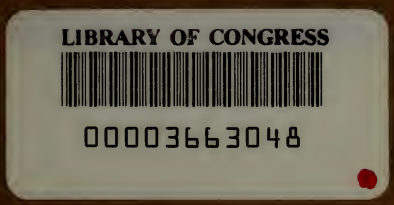
PG 3337
.K84 A6
1862



Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

CPO

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н. И. Куракина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія И. А. Горчакова.
1862.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Нѣсколько словъ объ отношеніи литературы къ общественной жизни и о пользѣ гласности.
II. Находка.
III. Три рода любви.
IV. Смотритель (очеркъ).
V. Голубчикъ (физіологическій очеркъ).
VI. Переписка двухъ друзей по «новой грамматикѣ»
VII. Выгодная женидьба.
VIII. Пріемышъ (быль).

Стихотворенія.

1. Ты помнишь ли?
2. Зимній вечеръ (элегія).
3. Послѣдняя весна (элегія).
4. Ночь.
5. Сирота.
6. Игрокъ.
7. Пріемный день.
8. Разочарованіе.
9. Мои воспоминанія.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н. И. Куракина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія И. А. Горчакова.

1862.

PG3337
.K84 A6
1862

Одобрено Цензурою. С. Петербургъ. 20 Мая 1862 года.

88-150247
EP35
6-15-88

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЛИТЕРАТУРЫ КЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И О ПОЛЬЗѢ ГЛАСНОСТИ.

Постоянное стремленіе человѣчества къ чему то лучшему, ясно высказываетъ, что потребности прошлаго-былаго къ намъ не примѣнимы, что намъ нужно и нужно многое, чего мы не могли достигнуть чрезъ извращенность взгляда людей, готовящихъ насъ къ будущему. Раскройте любой журналъ, начиная отъ Петербургскаго Вѣстника, до аристократически-толстыхъ «Отечественныхъ Записокъ» вездѣ усмотрите, что въ нашей общественной жизни еще многаго не достаетъ, что рутинность еще царитъ въ нашихъ понятіяхъ. Одна только «Домашняя бесѣда», усиливается примирить наши земные помыслы съ жизнью неземною, и представляетъ намъ типы, въ родѣ извѣстнаго Ивана Яковлевича, пресловутаго студента холодныхъ водъ, какъ онъ самъ лично о себѣ выразился. Что же намъ нужно? До-Петровскіе прапрадѣды наши довольствовались не

многимъ: толстымъ брюхомъ и широкою бородою. Умъ считался тогда чѣмъ-то зависящимъ отъ физическаго устройства человѣка, а не отъ его нравственныхъ началъ. По этому Маржеретъ и другіе иноземцы, служившіе въ рейтерахъ Алексѣя Михайловича, описывая въ своихъ мемуарахъ бытъ Руси и русскихъ, ясно говорятъ о незрѣлости тогдашняго общества. Обиліе монастырей давало не рѣдко пріютъ тунеядству; мало образованное духовенство не указывало безграмотному народу исходнаго пути изъ этого рутиннаго состоянія. Крестьянинъ былъ какою-то живою собственностію своего барина и земскихъ ярыжекъ, по этому, не имѣя прочной осѣдлости, онъ неимѣлъ и усердія къ полевому труду; работая по принужденію, онъ непріязненно смотрѣлъ на землевладѣльца, вольнаго распоряжаться не только его личностію, но и личностію его семейства: его жены, дѣтей. Тогдашній барскій дворъ былъ чѣмъ то въ родѣ настоящей конной площади. Подобное положеніе общественной жизни текло до Петровскаго періода. Тутъ только этотъ народъ съ большимъ трудомъ могъ проснуться для новой реформы. Долго впрочемъ русскія бороды не поддавались лезвію нѣмецкой бритвы; долго длиннополые кафтаны не уступали сукна, прикрывавшаго ноги православныхъ отъ пятъ до колѣнъ. Наконецъ все это выстриженное, выбритое, перекроенное по нѣмецки, начало сближаться съ Европою.

Сближаясь болѣе съ образованными державами Запада, мы усвоивали себѣ ихъ понятія и потребности. Все, чего намъ не доставало, очень рѣзко бросилось въ глаза Петру и его сотрудникамъ по ре-

формѣ. Отсутствіе училищъ держало большинство русскихъ въ оковахъ невѣжества. Самое учрежденіе регулярнаго войска и флота указывало на необходимость изученія для насъ математическихъ наукъ и фортификаціи; дипломатическія сношенія ознакомили насъ съ другими державами: съ ихъ рѣчью, нравами и исторіею, а слѣдовательно въ насъ родилась и потребность литературы. Тутъ у насъ измѣнился кудреватый церковный шрифтъ, перешедшій къ намъ изъ Греціи, на шрифтъ болѣе удобопонятный гражданскій. Родилась потребность слѣдить за общественною жизнію, учреждены типографія и газета, редакціею которой занялся самъ Преобразователь. Впервые появилась сатира, представителемъ которой былъ Кантеміръ. Но и послѣ этого еще долго старыя понятія и представители ихъ сопротивлялись нововведеніямъ, однако съ каждымъ десятилѣтіемъ, болѣе и болѣе теряя своихъ ревностныхъ защитниковъ, наконецъ и совсѣмъ уступили поле битвы. Неговоря о дворянствѣ, даже нѣкоторые представители изъ низшаго класса, какъ-то Посошковъ, поняли превосходство новыхъ учрежденій. На поприщѣ русской словесности появился, хотя и бездарный, но усердный труженикъ науки, Третьяковскій, ученикъ знаменитаго Ролленя, начавшій разработывать у насъ впервые правила словесности. Жажда науки проникла и въ нашъ отдаленный Сѣверъ, гдѣ сынъ бѣднаго рыбака, Михаилъ Ломоносовъ, не смотря на дальній путь, безъ средствъ, въ суровое время года, пустился въ Москву искать образованія. Тогдашнее Московское ученое общество не могло вполнѣ удовлетво-

рить пылкимъ желаніямъ юноши и онъ отправился за границу, тамъ, пользуясь лекціями лучшихъ профессоровъ Германіи, онъ, первый изъ русскихъ, затронулъ занимавшіе въ то время Европейскихъ ученыхъ вопросы; первый въ звучномъ и правильномъ стихѣ, не похожемъ на вирши Василія Кирилловича, воспѣлъ тогдашнюю современную жизнь. Съ этой поры Россія начала уже имѣть свою литературу, академію и ученыхъ. Сочиненія стали печататься на родномъ языкѣ, доступномъ большинству, а не на мертвомъ латинскомъ.

Такимъ образомъ не смотря на тайную канцелярію розыскныхъ дѣлъ, на тяжелое время регенства Бирона, наука въ Россіи продолжала имѣть своихъ хранителей и хотя не быстро, но все-таки подавалась впередъ. Въ блестящій вѣкъ Екатерины II явились поэты: Державинъ, сатирикъ Фонъ-Визинъ и столь извѣстный своими трагедіями Сумароковъ. Сама Императрица, не смотря на свою обширную политическую дѣятельность, удѣляла время и на литературныя занятія. Гуманный взглядъ Бецкаго коснулся необходимости устроить у насъ воспитательные дома для призрѣнія сиротъ. Въ высшемъ обществѣ появились дамы, сочувствовавшія распространенію наукъ; представительницею ихъ была княгиня Дашкова. Кромѣ того, въ молодомъ поколѣніи явились жаркіе поклонники всего, что только было въ образованной Европѣ лучшаго, нещадившіе ни средствъ, ни даже собственной свободы, для того, чтобы познакомить соотечественниковъ съ новыми идеями образованнѣйшихъ народовъ: къ числу этихъ людей

безспорно принадлежали Новиковъ и за нимъ Радищевъ.

Это время можно во всѣхъ отношеніяхъ назвать эпохой быстрой возмужалости Россіи. Прославленная побѣдами знаменитыхъ вождей: Румянцева, Потемкина, Суворова и Орлова, она заняла въ средѣ Европейскихъ державъ почетное мѣсто, въ слѣдствіе чего цѣлыя области отторгнутыя отъ Турціи и Польши были присоединены къ Россіи, что еще болѣе увеличило ея могущество и богатство. Законодательство также приняло еще болѣе положительный характеръ: дворянство получило Наказъ о правахъ и вольностяхъ; остальнымъ сословіямъ Государства также дано болѣе правильное устройство. Дворъ отличался богатствомъ, даже роскошью, вслѣдствіе чего развилось стремленіе къ изящному, что послужило поощреніемъ для молодыхъ художниковъ, питомцевъ въ только что учрежденной академіи художествъ: живопись, архитектура и скульптура имѣли уже многихъ талантливыхъ дѣятелей, украсившихъ столицу произведеніями искусства. Ученые и литераторы другихъ государствъ перестали смотрѣть на Россію, какъ на страну варварскую, многіе художники и ремесленники стремились въ нее, какъ въ страну обѣтованную, гдѣ безъ особеннаго труда можно было, если не нажить богатство, то прожить безбѣдно.

При такомъ положеніи и такой обстановкѣ общества очень естественно, что и литература одѣтая въ блестящій французскій кафтанъ, получившая входъ въ чертоги великолѣпныхъ вельможъ того времени, удалилась отъ истинной цѣли — учить народъ, говорить правду,

бросилась на ложный путь хвалебныхъ гимновъ, слезоточивыхъ элегій и до приторности нѣжныхъ идиллій.

Но время шло, измѣнились понятія и взгляды, прежніе дѣятели удалились со сцены и ихъ мѣсто заняли новые таланты. Спѣсь баръ для многихъ дѣлалась невыносимою; безрасчетная роскошь богачей привела многія имѣнія и крестьянъ въ разстройство. Рабская привычка походить во всемъ на иноземцевъ, воспитаніе молодыхъ людей и развившееся въ то время взяточничество—заставили литературу особенно приняться за сатиру. Тогда появилась «Адская Почта», въ которой Петиметры и всевозможные фаты того времени, даже пріютившіеся въ теплыхъ и отдаленныхъ мѣстахъ старосвѣтскіе помѣщики — консерваторы и другіе подобные типы, выведены были на судъ общества. Многимъ было не понутру такое направленіе нашей литературы и нѣкоторые литераторы поплатились за свои воззрѣнія.

Подошедшая въ это время французская революція, со всѣми ея ужасами, потрясла Европу. Броженіе умовъ отразилось и въ Россіи. Бурная трагедія взволновала весь Западъ; полились потоки крови; загремѣли дотолѣ неслыханныя битвы, необходимость родила героевъ. Тутъ то еще болѣе развилась у насъ потребность слѣдить за ходомъ политическихъ событій; литература оживилась, число журналовъ увеличилось, направленіе ихъ сдѣлалось болѣе серьёзнымъ, дѣльнымъ: въ нихъ выразился взглядъ на причины, подготовившія революцію. Вниманіе нашей читающей публики было возбуждено въ высшей степени; всѣ слѣдили за ходомъ событій: какой будетъ всему этому исходъ? Это обу-

реваемое страстями время, кончилось пожаромъ Москвы, сокрушеніемъ силъ Франціи, взятіемъ Парижа. Съ окончаніемъ кровавой драмы, когда уже патріотическій жаръ поостылъ въ ратоборцахъ, побѣдители вынесли съ собою изъ побѣжденнаго города и его понятія, и какъ то глубже начали отыскивать нить всѣхъ этихъ происшествій; отыскивали тайныя причины, произведшія весь этотъ взрывъ. Литература всѣхъ народовъ приняла болѣе серьёзное, философское направленіе. Это направленіе было не чуждо и насъ.

Литература сдѣлалась главнымъ двигателемъ общества и приняла на себя тонъ обличенія. Общественные вопросы порождались одинъ за другимъ. Исторія строже стала анализировать событія, а писатели бросили толковать о нѣжныхъ сценахъ любви, свирѣпыхъ разбойникахъ, но стали отыскивать лицъ, дѣлающихъ злоупотребленія подъ видомъ благочинія.

Съ этого времени почти все прошедшее, когда-то восхищавшее нашихъ дѣдовъ своимъ мишурнымъ блескомъ, сдѣлалось занимательнымъ для внуковъ, только со стороны историческаго своего значенія. Предъ ними ярко обрисовалась пустота баснословно раззорительныхъ баловъ, заученной вѣжливости этикета и вообще легкаго взгляда на жизнь. Тогда многіе почувствовали печальные результаты невнимательности къ участи бѣднаго класса соотечественниковъ, породившіе за собою множество тунеядцевъ. Все это указало на необходимость составленія свода всѣхъ разрозненныхъ узаконеній, до того времени примѣнявшихся къ дѣлу по произволу дѣлопроизводителей, постигшихъ отлично способъ

ловленія въ мутной водѣ рыбы. И вотъ, трудами учрежденной для того коммисіи, въ 1832 году у насъ готовъ былъ Сводъ Законовъ, въ основаніе котораго, начиная съ уложенія Царя Алексѣя Михайловича, вошли, кромѣ всѣхъ указовъ, нѣкоторыя начала иностранныхъ узаконеній. Судить о достоинствахъ свода, какъ труда быстро созрѣвшаго, мы предоставляемъ людямъ, имѣвшимъ тяжебныя или уголовныя дѣла, или гг. дѣлопроизводителямъ, какъ спеціалистамъ, но только скажемъ, что современная литература указала на многіе недостатки, какъ въ судопроизводствѣ, такъ и въ устройствѣ нѣкоторыхъ учрежденій. Все это очень естественно: ничто не можетъ лучше и вѣрнѣе указать на недостатки какъ время, опытность и общественное мнѣніе. Начало этихъ улучшеній мы уже начинаемъ прозрѣвать и въ наше время.

Такими-то путями и съ помощію гласности, мы наконецъ приблизились къ настоящему періоду нашей общественной жизни, но и тутъ, при всей гуманности современныхъ взглядовъ, при всей развитости журналистики, намъ еще случается встрѣчать въ печати воззрѣнія почти что враждебныя гласности. Журналистика наша, вмѣсто того, чтобы слѣдовать одной цѣли, единогласно ею одобренной, уже начала расходиться въ понятіяхъ и доброе начало стало дѣлаться началомъ спорнымъ. Журналисты мало по малу начали отставать отъ новыхъ воззрѣній и обращаться къ журнальной полемикѣ, стали выставлять уже не столько необходимость искорененія зла, публичнымъ обличеніемъ, сколько внѣшность всякаго журнала, численность и авторитетъ

сотрудниковъ и даже достоинство бумаги и обертки. Заманчивыя объявленія посыпались со всѣхъ сторонъ, въ которыхъ прежде всего вычислялись тысячи подписчиковъ. Всякій благомыслящій читатель, сколько нибудь знающій журнальную механику, конечно съ горькою улыбкою смотритъ на подобные происки представителей нашей образованности.

Въ составъ нашего общества, какъ и всякаго другаго, очевидно входятъ люди избравшіе себѣ ту или другую дѣятельность. По этому у насъ есть и врачи, и архитекторы, и инженеры, и технологи и другіе, которые преимущественно занимаются предметами, относящимися къ ихъ спеціальности. Но литературѣ не достаточно посвящать только имъ свою дѣятельность, потому что они можно сказать только частицы общей суммы общества; необходимо обратить вниманіе на то, что можетъ занять большинство народа, въ средѣ котораго не рѣдко бываютъ сцены насилія, неуваженія правъ ближняго, взяточничество и проч. Конечно очень многимъ изъ нихъ, обиженнымъ чьимъ либо самоуправствомъ, пріятно было-бы прочесть подробное осужденіе, какого нибудь г-на, обличеннаго въ дѣланіи безнаказанно разныхъ прижимокъ и поборовъ. Да, едвали не должна большая часть литературныхъ произведеній посвящаться собственно обличенію дѣйствій неблагонамѣренныхъ людей.

Журналистика раздѣляясь во взглядахъ о пользѣ гласности, вдаваясь въ полемику и усвоивая себѣ одностороннее направленіе, не сдѣлаетъ ничего на пользу общества, не искоренитъ зла, которое въ послѣднее

время благодаря гласности, стало не такъ самонадѣянно, а только напомнитъ блаженныя времена Ѳаддея Венедиктовича, когда въ полной силѣ гремѣла журнальная брань. Теперь уже и то многіе стали считать каждый публично обличенный дурной поступокъ какимъ-то своеволіемъ, деспотическимъ самоуправствомъ и даже какимъ-то тяжкимъ для обличаемаго наказаніемъ, какъ выразился о томъ г. Ципринусъ, представившій еще въ доказательство своихъ словъ всѣмъ будто бы извѣстный случай съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который, бывъ такимъ образомъ опозоренъ, впалъ въ отчаяніе, причинившее ему болѣзнь и смерть. Но вѣдь въ числѣ этихъ многихъ, недовольныхъ обличительною гласностію могутъ находиться и такіе, отношенія которыхъ къ обществу только и можетъ контролироваться обличеніемъ. Возмемъ, въ примѣръ какого нибудь начальника и подчиненнаго. Чрезъ происшедшую между ними, не говоря, служебную, а даже домашнюю размолвку, первый имѣетъ всѣ шансы надѣлать послѣднему непріятности и если не предложитъ подать въ отставку, что будетъ со стороны его еще очень деликатно, то просто на просто уволитъ отъ службы и чрезъ то лишитъ человѣка быть можетъ послѣдняго куска хлѣба. И въ этомъ случаѣ со стороны начальника всегда даже готовъ будетъ отвѣтъ: не исправенъ по службѣ; дѣла запущены. И мало ли еще что, всего не выскажешь. Чѣмъ вы другимъ можете аппелировать противъ такого поступка? Только строгое обличеніе, судъ общественнаго мнѣнія могутъ предупредить такія случайности. Далѣе, васъ просто притѣсняетъ богатый

или значительный человѣкъ, что встрѣчается не рѣдко не только въ провинціяхъ, но и въ столицахъ. Вы, чувствуя себя обиженнымъ, жалуетесь на него мѣстному блюстителю благочинія. Блюститель, зная своихъ обывателей, усматриваетъ изъ вашей жалобы, что споръ вашъ затѣвается съ лицомъ вліятельнымъ, или съ лицомъ, отъ котораго онъ имѣетъ постоянный доходъ. Дѣло ваше онъ старается замять, затянуть или даже, чего оборони Боже!—представить васъ виновнымъ;—а это все такъ возможно! Но вотъ вы втянуты хитро сплетенными объявленіями въ акціонерныя компаніи, убиваете послѣднія деньги на покупку акцій, а въ результатѣ не прочитываете даже и въ газетахъ ничего, чтобы обѣщало вамъ хоть малую прибыль, кромѣ того только, что директоры устраиваютъ публичные обѣды, пьютъ шампанское, и, подражая англичанамъ, говорятъ спичи. Чѣмъ же вы можете и тутъ остановить такое самовольное распоряженіе вашею собственностью, какъ не тою же обличительностью. А всѣ наши публичные частные концерты, литературные вечера, дѣлаемые въ пользу бѣдныхъ, приносили ли бы они существенную пользу для послѣднихъ, когда бы ихъ учредители не боялись суда общественнаго? Едва ли! Развѣ только свѣчнымъ заводчикамъ.

Хотя вся эта грустная картина все еще рисуется и передъ нашими глазами, но наши художники-литераторы: Гоголь, Щедринъ и другія свѣтлыя личности въ литературномъ мірѣ, познакомивъ насъ съ нравственно уродливыми провинціальными типами, положили прочное начало лучшему будущему. Въ ихъ произве-

деніяхъ мы видимъ, что у насъ могутъ еще существовать Чичиковы. «Филантропъ» Некрасова очень ясно представилъ намъ взглядъ нѣкоторыхъ благотворителей на благотворимыхъ ими. «Записки изъ Мертваго Дома» Федора Достоевскаго вскрываютъ передъ нами трупы живыхъ людей.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что мы хотя и довольно уже созрѣли, но работы еще очень много впереди. Къ чему же намъ не идти впередъ, не разработывать того, за что съ такимъ жаромъ принялись. Пусть для нѣкоторыхъ всякое публичное обличеніе, по ихъ понятіямъ было и будетъ казаться зломъ, но число людей съ такими воззрѣніями уже значительно уменьшилось. Человѣкъ несправедливо обвиненный передъ публикою въ печати, всегда можетъ оправдаться предъ нею гласно. Повторяю: на пашнѣ рожь созрѣла, но осталось еще собрать ее, смолотить, спечь, чтобы эта рожь была бы достояніемъ всѣхъ. Пусть же процвѣтаетъ, и еще болѣе развивается между нами слово правды.

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?

(Посвящ. Ник. Алекс. Бур...ну).

Ты помнишь ли товирищъ дѣтства
Про тѣ былыя времена,
Чѣмъ наша жизнь была полна;
И выходъ нашъ изъ малолѣтства
Ты помнишь ли?

Ты помнишь ли всю грусть прощанья
И тотъ послѣдній дѣтства день?
Везли учиться. . . . страхъ и лѣнь
Смѣнили всѣ очарованья...
Ты помнишь ли?

Тотъ день, когда въ мундирѣ новомъ
Надѣтымъ только въ первый разъ,
Къ роднымъ спѣшили напоказъ
Мы съ гордымъ и веселымъ взоромъ.
Ты помнишь ли?

Потомъ когда сошлись съ тобою
Забывши прочій школьный кругъ,
Я сталъ тебѣ товарищъ, другъ,
Что говорили межъ собою
Ты помнишь ли?

Гостинцы, время какъ дѣлили;
Свободной пользуясь порой,
Какъ потихоньку мы съ тобой
Табакъ въ трубу тогда курили.
Ты помнишь ли?

Какъ планы часто составляли
Сражаться ѣхать на Кавказъ
И какъ потомъ героевъ-насъ
Обоихъ въ карцеръ запирали
Ты помнишь ли?

Какъ въ классѣ часто мы мечтали
Любить, рисуючи при томъ
Головки женщинъ, какъ потомъ
Мы по угламъ за то стояли
Ты помнишь ли?

Тогда ни почесть, ни богатство
Не возмущали наши дни:
Съ безпечностью текли они
И прочно было наше братство.
Не правда ли?

НАХОДКА.

Многіе не хвалятъ холостую жизнь, напротивъ,—жизнь холостяка, жизнь широкая,—размашистая, ничѣмъ не связанная. Эхъ! еслибы при этой жизни, да штатное мѣсто, ну хоть помощника столоначальника? Блаженство! Такъ думалъ чиновникъ Петръ Ильичъ Бѣлобровъ, имѣвшій виды на эту почетную должность.

Бѣлобровъ былъ человѣкъ не богатый, учился на мѣдныя деньги, но, какъ говорится на канцелярскомъ нарѣчіи, былъ усердный работникъ, за то и находился на хорошемъ счету у своего начальства. Но вотъ несчастіе, дороги къ его повышенію не перебѣгалъ заяцъ, а что-то заколодило; восемь лѣтъ шолъ Бѣлобровъ по этой дорогѣ честно и неутомимо, не разъ страдалъ отъ этого грудью, а все не могъ достигнуть по службѣ желаемой цѣли. Подавались объ немъ и докладныя записки, въ которыхъ выставлялась его примѣрная нравственность и дѣятельность, но ничто не помогало, все предавалось забвенію, а вакансіи замѣщались людьми по рекомендаціи какого нибудь дядюшки, или

тетушки. Вотъ что было камнемъ преткновенія для Бѣлоброва на пути къ повышеніямъ.

Мечты его были прерваны приходомъ двухъ товарищей: Козлова и Жаркова, съ которыми Бѣлобровъ находился постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ, ходилъ къ нимъ на чай и даже игрывалъ, какъ они выражались, въ преферанчикъ, въ префирочку, но только по маленькой.

— А!... дорогіе гости! воскликнулъ поднимаясь съ дивана и подавая руки товарищамъ, Бѣлобровъ — какими судьбами?.... вотъ разодолжили, такъ разодолжили!

Гости сняли шинели, покрякивая потерли руки, потому что время было зимнее и единогласно замѣтили про свирѣпость мороза.

— А вотъ я прикажу поставить самоварчикъ, такъ и отогрѣетесь, замѣтилъ хозяинъ.

Гости безъ церемоніи присѣли къ столу, а хозяинъ отправился хлопотать на счетъ самоварчика.

Бѣлобровъ квартировалъ у нѣмки Каролины Карловны Кнордъ, промышлявшей отдачею комнатъ въ наймы для холостыхъ, со столомъ и мебелью, въ видахъ взаимной выгоды, какъ для жильцовъ, такъ и для Каролины Карловны. Она по этой причинѣ держала кухарку—чухонку, замѣчательную между прочимъ особеннымъ устройствомъ носа, который, вѣроятно въ слѣдствіи не дурно проведенной молодости до того исказился, что въ настоящее время скорѣе походилъ на пуговку съ малиновымъ отливомъ. Отливъ этотъ, нерѣдко переходилъ въ фіолетовый цвѣтъ и служилъ

положительнымъ доказательствомъ въ ея преданности къ народному напитку,—шведской водкѣ.... Ну, да кто не безъ слабостей?

Впрочемъ жильцы Каролины Карловны были довольны прислугой, мало обращали вниманія на носъ кухарки, вѣроятно потому что у всякаго изъ нихъ былъ въ виду свой обожаемый носикъ....

Скоро самоварчикъ появился въ комнатѣ Петра Ильича и запѣлъ свою заунывную пѣсенку, наполняя комнату паромъ. Вскорѣ распространился и ароматическій запахъ китайскаго произрастенія—чая, конечно дешеваго, по средствамъ хозяина, нельзя было требовать лучшаго.

— Ну что новаго? спросилъ Петръ Ильичъ у товарищей, наполняя ихъ стаканы согрѣвающею влагою.

— Что новаго? да прежде всего сообщу тебѣ объ окончательномъ утвержденіи Зоркина помощникомъ къ Хвалынскому, проговорилъ Жарковъ.

— Экую сказалъ новость! замѣтилъ Козловъ, да это и безъ тебя всѣ знаютъ и давно ожидали.

— Ну ужъ нѣтъ! Зоркинъ и въ уѣздномъ курса не окончилъ.

— Такъ зять его окончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, а ты знаешь, кто онъ и на какомъ счету у начальства.

— Эхъ господа видно мнѣ то ужъ и не дождаться должности помощника, съ грустію сказалъ хозяинъ и повѣсилъ голову.

— За то ты числишься по списку первымъ кандидатомъ, съ усмѣшкой замѣтилъ Козловъ.

— Первымъ кандидатомъ! иронически повторилъ Бѣлобровъ, прибавъ еще ко всѣму этому, что на трехъ докладныхъ обо мнѣ запискахъ, имѣются отмѣтки самаго начальника: имѣть въ виду при первой вакансіи.

— Что за роскошь! цѣлыя три собственноручныя обязательства! цѣлые три документа!—да я и не подозрѣвалъ, чтобы его пр-во былъ такъ щедръ на обезпеченія, добавилъ Козловъ.

— Полно шутить, съ неудовольствіемъ сказалъ Жарковъ.

— Да господа, тяжело, право тяжело, испытывать на себѣ подобныя вещи и особенно въ наше время, проговорилъ снова хозяинъ, и гдѣ же это начало всеобщаго улучшенія? одни только слова и слова.

— Ну, вотъ и зафилософствовался! нѣтъ братъ, ты объ этомъ лучше и не разсуждай, съ энтузіазмомъ, перебилъ его Жарковъ, много замѣтно и въ нашей сферѣ положительныхъ улучшеній. Но вѣдь нельзя же заразъ смыть всю прежнюю грязь нашей обстановки и вдругъ вырвать съ корнемъ то, что уже такъ окрѣпло съ давняго времени.

— Ну, а Зоркины?

— Чудакъ!.... конечно и Зоркинымъ нельзя исчезнуть вдругъ, быть можетъ, они еще нѣсколько времени будутъ преграждать служебный путь, для истинныхъ тружениковъ, но все таки доброе начало во многомъ уже есть, и это достаточная польза, а впереди?....

— А впереди друзья, что будетъ, то будетъ! Не намъ гадать о томъ, перебилъ Козловъ, а лучше поблагодаримъ судьбу, что по милости этого ожидаемаго—

впереди — мы все же и теперь не походимъ на какого нибудь заштатнаго бѣдняка Гнорина или Ломтикова.

— А что они? съ живостію спросилъ Жарковъ.

— Да въ самомъ жалкомъ положеніи, попрежнему нигдѣ не могутъ получить работы и кормятся чрезъ общество снабженія бѣдныхъ пищею!

Долго продолжался подобный разговоръ. О чемъ тутъ не трактовали наши чиновники и какихъ не выводили умозаключеній! Съ боемъ восьми часовъ, Бѣлобровъ вспомнилъ о дежурствѣ.

— Ахъ господа, извините, я и забылъ про дежурство. Досадно, право досадно, а какъ бы мы пріятно провели сегоднишній вечеръ, съиграли бы и въ преферчикъ, но дѣлать нечего, надо одѣваться, и то опоздалъ.

— Какой же ты скряга, ни разу не наймешь за себя дежурить, а я расположился было козырнуть сегодня у тебя, съ неудовольствіемъ сказалъ Козловъ.

— Ну да ладно, найдемъ когда нибудь свободное время, а сегодня и у меня занятія есть, застегивая на глухо вицъ-мундиръ, проговорилъ Жарковъ.

Не долги были сборы товарищей, накинувъ свои ватныя шинелишки, опушенныя жиденькими бобровыми воротничками, всѣ трое двинулись въ путь. На лѣстницѣ посвѣтила имъ кухарка, съ пуговичнымъ носомъ. Въ комнатѣ Бѣлоброва стало тихо и темно.

Въ концѣ года во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ

дѣятельность обыкновенно усиливается. Составляются отчеты, заканчиваются книги, денежныя суммы свѣряются и перечисляются, выводятся остатки, и пр.; по этому многіе чиновники приходятъ заниматься по вечерамъ. Точно такъ было и въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ имѣлъ счастіе служить Бѣлобровъ.

По приходѣ въ должность, Бѣлобровъ и Жарковъ, застали многихъ сослуживцевъ за самою усердною работою.

Скрипъ перьевъ раздавался по всѣмъ направленіямъ. Сальныя свѣчи казеннаго заготовленія, пылали и распространяли, свойственный лишь имъ, запахъ и къ досадѣ экзекутора, на нѣкоторыхъ столахъ горѣли еще лишнія свѣчи. Даже его превосходительство, занимался въ своемъ кабинетѣ, мылилъ нѣкоторымъ бывшимъ въ то время у него подчиненнымъ головы, за разныя неисправности. Чтобы высказать въ глазахъ начальства полное усердіе къ службѣ, дѣятельность чиновниковъ не имѣла предѣловъ, тѣмъ болѣе, что въ перспективѣ предвидѣлся раздѣлъ остаточныхъ суммъ.

Скромно занялъ Бѣлобровъ мѣсто дежурнаго чиновника, пересчиталъ и записалъ входящія бумаги, потомъ, отъ нечего дѣлать, сталъ писать на бумагѣ, служившей подкладкою;—«помощникъ столоначальника Бѣлобровъ» любуясь замысловатостію своего росчерка. Изъ такого пріятнаго препровожденія времени, вывело его появленіе Жаркова.

— Ого, пріятель, замѣтилъ Жарковъ, всматриваясь въ вычурные росчерки, которыми испещрялъ

Бѣлобровъ подкладку, да ты въ самомъ дѣлѣ не попади въ помощники.... вакансія опять открылась!

— Что ты! быть не можетъ!

— Ну, не вѣрь пожалуй, а уже идетъ распоряженіе объ отставкѣ Богарева.

— Да что это пришла ему за фантазія добровольно лишить себя содержанія.

— Для насъ съ тобой конечно въ этомъ не можетъ быть разсчета, но вѣдь Богаревъ не безъ средствъ... я слышалъ онъ коммерціей заняться хочетъ. Вотъ истинно современный человѣкъ,—умница! Такой братъ человѣкъ вездѣ полезенъ будетъ... Ну, что задумался! Теперь смотри, не зѣвай. Самъ лично генерала попроси,—Богъ дастъ и получишь мѣсто.

А что и въ самомъ дѣлѣ не попроситься ли, подумалъ Бѣлобровъ по уходѣ Жаркова. Но, у Бѣлоброва была одна изъ тѣхъ тяжелыхъ натуръ, которыя безъ толчка, ни на что не рѣшаются. «Какъ! думалъ онъ, прямо просить генерала, вѣдь это не по формѣ;.. а что завтра скажетъ обо мнѣ Сила Ивановичъ... нѣтъ! ужъ лучше никого не обходить, а идти по порядку. Ну, а если я?...» и Петръ Ильичъ вдругъ неожиданно остановился на этомъ словѣ, потому что впереди направляло къ нему шаги другое я, но уже болѣе представительное,— особа его превосходительства.

Бѣлобровъ вытянулся ровнѣе образцоваго ординарца, глаза его выразили такую готовность къ услугамъ, что казалось хотѣли выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ.

Все это чрезвычайно нравилось и льстило самолю-

бію его пр—ва, которое, т. е. самолюбіе, равносильно было съ другою страстію его, весьма рѣдкою въ мужчинѣ, — кокетствомъ; изъ угожденія этой послѣдней страсти, онъ носилъ ватированный корсетъ, злые язычки поговаривали даже, что и икры его пр—ва, были тоже покупныя. Что же дѣлать; природа не устраиваетъ всѣхъ одинаково! По этому, отъ чего же богатому человѣку и не прибѣгнуть къ искусству портнаго, парикмахера и дантиста.

— А что есть пакеты на мое имя?

— Есть ваше пр—во и одинъ весьма нужный, кланяясь и подавая конверты, отвѣтилъ Бѣлобровъ.

Тутъ его пр—во досталъ изъ кармана шелковый фуляръ и сталъ протирать себѣ очки; при этомъ движеніи, изъ кармана незамѣтно выскользнула записка. Протерши очки, онъ осмотрѣлъ печать весьма нужнаго пакета, потомъ вскрылъ его, и по мѣрѣ чтенія, на устахъ его проявлялась улыбка самодовольствія. Въ этомъ пакетѣ было письмо одного близкаго пріятеля, въ которомъ тотъ между прочимъ просилъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, подающимъ большія надежды въ будущемъ, но еще нигдѣ не служившемъ;... не найдетъ ли его пр—во возможнымъ открыть карьеру этому человѣку, въ завѣдываемомъ имъ присутственномъ мѣстѣ. Рекомендаціей молодому человѣку служили его «блистательныя качества»...

Его пр—во въ ту же минуту отправился въ свой кабинетъ, потребовалъ секретаря и приказалъ немедленно отвѣтить просителю, что подъ его завѣдываніемъ есть

вакансія помощника столоначальника, на которую онъ съ удовольствіемъ помѣститъ рекомендуемаго человѣка.

Секретарь былъ такъ неосторожень, что замѣтилъ своему начальнику на счетъ резолюціи, данной на одной изъ докладныхъ записокъ о Бѣлобровѣ, «имѣть въ виду при первой имѣющей открыться вакансіи».

— Имѣть въ виду, ну значитъ... имѣть въ виду! и довольно.... отрывисто сказалъ начальникъ.

Секретарь тотчасъ же принялся за исполненіе даннаго ему приказанія.

Не прошло и получаса, какъ письмо было готово, со всѣми изъявленіями истиннаго почтенія и совершенной преданности, подписано генераломъ и тотчасъ же отправлено Бѣлобровымъ съ экстреннымъ курьеромъ. О, если бы зналъ онъ, да вѣдалъ какую бумагу отправляетъ, но она не жгла ему рукъ, не говорила, что съ этимъ отправленіемъ, быть можетъ онъ еще на долго, на долго отсрачиваетъ осуществленіе своей завѣтной мечты о штатной должности.

Много думъ и мыслей пробѣжало въ головѣ Петра Ильича, по случаю полученнаго отъ Жаркова извѣстія. Чего то онъ не передумалъ! Наконецъ нѣсколько успокоившись, сталъ онъ, отъ нечего дѣлать, прислушиваться, то къ ходу стѣнныхъ часовъ, то къ разсказамъ сторожей о походахъ, о близкой наградѣ и сырости березовыхъ дровъ, которые слыли за дрова горнаго заготовленія и даже о китѣ, на которомъ будто бы земля держится.... Вдругъ глаза его упали на какую то записку, валявшуюся на полу, у стола; онъ остановился, приподнялъ ее, посмотрѣлъ на адресъ;

рука начальника, взглянулъ на оплатку и оплатка съ его вензелемъ; повернулъ еще нѣсколько разъ записку и носъ его ощутилъ благоуханіе. Мысли Петра Ильича помутились при этой оказіи. Чтобы это была за записка, какого она содержанія? возвратить ли ее лично начальнику и кстати напомнить о себѣ, или доставить по принадлежности и Петръ Ильичъ прочиталъ адресъ, записка была къ M-me Pigeon. Эхъ, кабы прочитать о чемъ и кому пишетъ его пр—во, должно быть, что нибудь интересное и заключивъ тѣмъ свои тревожныя думы,—Петръ Ильичъ на этотъ разъ не утерпѣлъ,... рѣшился вскрыть записку.... Но судьбѣ не угодно было ввѣрить ему сердечныя тайны его начальника, записка была написана по французски, а Петръ Ильичъ весьма ограниченно зналъ этотъ языкъ. Какъ ни старался онъ проникнуть въ смыслъ интересной рукописи, но могъ разобрать одно только вступленіе, которое по его переводу выходило въ родѣ этого: мой милый ангелъ или моя дорогая душа.... потомъ, уразумѣлъ онъ еще заключеніе, состоявшее изъ словъ «pour toute la vie, votre serviteur» и въ подписи имени генерала съ особенно злодѣйски-соблазнительнымъ розчеркомъ, доселѣ имъ еще невиданнымъ ни на одной форменной бумагѣ. Однако для него и этого было довольно. Въ головѣ у него вертѣлись разныя мысли, но пріѣхавшій курьеръ съ бумагами вывелъ его изъ размышленій. Петръ Ильичъ ошеломленный сдѣланнымъ открытіемъ, даже не на мѣстѣ росписался въ полученіи принесеннаго ему конверта. Отдѣлавшись кое-какъ отъ курьера, онъ бережно сложилъ за-

писку, наложилъ опять оплатку и увѣрившись, что не замѣтно и слѣдовъ его любопытства, снова сталъ раздумывать, возвратить ли эту записку начальнику, или.... Тутъ Петру Ильичу пришла счастливая мысль представить ее самой генеральшѣ, да кстати попросить ея ходатайства о помѣщеніи на штатную должность. Вздумано, сдѣлано.

Его пр—во жилъ на казенной квартирѣ, освѣщаемой и отопляемой на казенный счетъ. При квартирѣ его постоянно дежурили сторожъ и курьеръ, первый для работъ на кухнѣ, хотя у его пр—ва были и свои люди, но они, какъ генеральскіе, не терпѣли черной работы, а послѣдній, т. е. курьеръ, во ожиданіи экстренныхъ посылокъ, постоянно спалъ въ передней, или любезничалъ съ горничными.

Съ трепетомъ, подошелъ Петръ Ильичъ къ дверямъ квартиры начальника, дрожащею рукою взялся за ручку колокольчика и, собравшись съ духомъ, позвонилъ. На звонъ вышелъ лакей и окинувъ Бѣлоброва испытующимъ взглядомъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ихъ пр—во у себя?

— Уѣхали! и лакей хотѣлъ уже прихлопнуть двери передъ самымъ носомъ Петра Ильича.

Такая безцеремонность лакея была не новостью; развѣ только съ болѣе важными особами, онъ былъ обходительнѣе, но и тутъ изъ расчета на праздничную благодарность, которая, для прислуги значительныхъ людей, представляетъ порядочный доходецъ, въ особенности же у богатаго лица. При весьма достаточномъ содержаніи, одѣтый съ барскаго плеча, обезпеченный во всемъ необходимомъ, онъ можетъ почесться счастливцемъ, въ сравненіи съ какимъ нибудь бѣднякомъ, живущимъ скудными средствами, достаточными развѣ для того, чтобы не умереть съ голоду, квартирующимъ въ сырой и не всегда топленной комнатѣ и то гдѣ нибудь въ глуши, гдѣ почти всегда непроходимая грязь, отсутствіе въ зимнее время фонарей, гдѣ ужасающіе не привычныхъ пѣшеходовъ мостки, грозятъ на каждомъ шагу, если не совершеннымъ калѣчествомъ, то по крайней мѣрѣ возможностію переломить ногу, чему и бывали примѣры

— А ея пр—во у себя? вновь спросилъ Бѣлобровъ.

— Да на что вамъ? ея пр—во никого не принимаютъ въ это время.

— Мнѣ нужно передать имъ письмо.

— Пожалуйте я передамъ.

— Нѣтъ мнѣ велѣно отдать имъ лично.

Лакей вновь съ изумленіемъ осмотрѣлъ Бѣлоброва, въ особенности принимая во вниманіе довольно позднее время, но видя въ рукѣ Петра Ильича запечатанную записку, не осмѣлился на отрѣзъ отказать въ его домогательствѣ. Сдѣлавъ не довольную мину, лакей, отправился доложить генеральшѣ о требованіи

Бѣлоброва. Вскорѣ до слуха Петра Ильича достигъ женскій голосъ: «проси».

На роскошномъ диванѣ, облокотясь на вышитую подушку, сидѣла ея пр—во и перелистывала новѣйшій французскій романъ. Маленькая красноглазая болонка покоилась на ея колѣняхъ и лѣниво помахивала пушистымъ хвостомъ. На столѣ у дивана стояла прекрасная карсельская лампа, разливавшая на окружающіе предметы матовый свѣтъ. Ея пр—ву было уже около 40 лѣтъ, но можно было предполагать, что она была въ свое время красавицей. Его пр—во въ нѣкоторыхъ случаяхъ безмолвствовалъ предъ супругою и, какъ говорится, былъ у нея подъ башмакомъ.

— Отъ кого? спросила генеральша при появленіи Петра Ильича и при этомъ искоса взглянула на вошедшаго.

— Ваше пр—во, сладенькимъ голосомъ, началъ было говорить Бѣлобровъ.... Ея пр—во при этомъ удостоила его прищуреннымъ взглядомъ и голосъ Петра Ильича пресѣкся, почтительные поклоны замѣнили продолженіе рѣчи.

— Что вамъ угодно? уже ласковѣе спросила генеральша, замѣтивъ на Бѣлобровѣ форменный полукафтанъ и такую особенную къ ея особѣ почтительность.

Вмѣсто отвѣта, Петръ Ильичъ снова нѣсколько разъ поклонился и подалъ письмо.

Посмотрѣвъ адресъ, ея пр—во замѣтила Бѣлоброву, что записка адресована не къ ней и что напрасно онъ принялъ на себя трудъ безпокоить ее. Услышавъ

скромное объясненіе Петра Ильича, какимъ образомъ эта записка попала къ нему на дежурствѣ и какъ онъ, замѣтивъ эту оброненную драгоцѣнность, не смѣлъ держать ее у себя даже минуты и за отъѣздомъ генерала, счелъ долгомъ представить записку немедленно ея пр—ву, генеральша еще нѣсколько разъ взглянула на записку и не перемѣняя тона, но нѣсколько протяжнѣе замѣтила снова, что все таки ближе всего слѣдовало передать записку секретарю.

—Ваше пр—во, я при этомъ разсчитывалъ на счастіе увидѣть лично милостивую особу вашу и попросить о себѣ вашего ходатайства. Вотъ ужъ восемь лѣтъ я нахожусь на службѣ, былъ представляемъ неоднократно къ должности младшаго помощника столоначальника, но до настоящаго времени не получилъ мѣста; жалобно переминаясь проговорилъ, Бѣлобровъ.

— Это не мое дѣло, уже перемѣняя тонъ замѣтила ея пр—во.

— Я бѣдный человѣкъ..... имѣю престарѣлую мать и двухъ малолѣтнихъ сестеръ на своемъ содержаніи.... не откажите! Петръ Ильичъ неимовѣрно лгалъ, на счетъ семейства, съ цѣлію разжалобить генеральшу.

— Удалитесь! уже серьознымъ тономъ проговорила ея пр—во.

Петръ Ильичъ совершенно растерялся, заговорилъ что то въ родѣ благодарности и чуть было не зашелъ въ спальню генеральши, устроенную въ совершенно противуположной сторонѣ отъ входа, но при этомъ случаѣ генеральскій лакей напомнилъ ему про двери.

Выбравшись изъ квартиры начальника, Петръ Ильичъ

долго не могъ придти въ себя. Чортъ возьми, думалъ онъ, нужно же было случиться такой оказіи, и при этомъ ударилъ себя по лбу.

Не помнилъ онъ какъ пришелъ въ дежурную комнату и къ удивленію сторожа потрясъ его самымъ дружескимъ образомъ за руку, между прочимъ спросивъ:

— Ну что Кузьмичъ, все у насъ благополучно?

Тутъ онъ на просторѣ вникнулъ въ злополучное свое положеніе. Вотъ, думалъ онъ, пропалъ я, совсѣмъ пропалъ, нечего и мечтать о мѣстѣ.... Экая злая, безжалостная судьба,... никогда и ни въ чемъ нѣтъ удачи...

Между тѣмъ генеральша, по уходѣ Петра Ильича, вновь посмотрѣла на адресъ оставленной записки, что то смутно припомнилось ей.... и менѣе чѣмъ черезъ минуту, записка, выдававшая секреты мужа, такъ долго благополучно имъ скрываемые, была распечатана. По мѣрѣ чтенія, лицо ея пр-ва начало принимать выраженіе, очень знакомое многимъ мужьямъ, погрѣшающимъ противъ супружеской вѣрности. Щеки ея, до того времени блѣдныя, загорѣлись румянцемъ негодованія, записка дрожала въ ея рукѣ, наконецъ она не выдержала, сбросила съ колѣнъ болонку и такъ не осторожно, что любимица ея взвизгнула. Пройдясь нѣсколько разъ вдоль залы, ея пр—во проговорила нѣсколько энергическихъ восклицаній на модномъ парижскомъ діалектѣ, въ которыхъ высказалась вся ея досада, досада женщины глубоко обиженной. При этомъ, у нея родилось подозрѣніе: не прочиталъ ли услужливый чиновникъ эту записку, выставлявшую въ невыгодномъ

свѣтѣ ея семейныя отношенія и вслѣдъ за этимъ она потребовала Бѣлоброва.

Перепуганный, онъ не зналъ что подумать объ этомъ требованіи. Сердце такъ прыгало у него въ груди, что Петръ Ильичъ не шутя боялся за благосостояніе своихъ внутренностей.

Успокоивъ себя по возможности, Петръ Ильичъ вновь появился въ залѣ ея пр—ва. На лицѣ генеральши было уже спокойное выраженіе. Какъ женщина свѣтская, она очень хорошо умѣла скрыть волненіе и даже улыбнулась при появленіи Бѣлоброва.

— Молодой человѣкъ! я обдумала ваше положеніе,... сочувствуя бѣдности вашей и семейнымъ обстоятельствамъ, я готова принять въ васъ участіе, но достаточно ли вы образованы и опытны для занятія просимой вами должности. Гдѣ вы воспитывались? знаете какой нибудь изъ иностранныхъ языковъ?

— Къ сожалѣнію не знаю.... учился я на мѣдныя деньги, но что касается до дѣлопроизводства, особенно въ нашемъ столѣ, могу сказать, что въ теченіи восьми лѣтъ, я такъ свыкся съ порядкомъ, что большую часть дѣла едва ли не помню на-изусть.

Ея пр—во вздохнула свободнѣе, а нашъ герой едва удерживалъ свой восторгъ въ границахъ приличія, при такомъ счастливомъ оборотѣ дѣла. Онъ готовъ былъ разцѣловать ручки генеральши.

— И такъ ваше воспитаніе и знанія весьма ограничены,.... но это еще не бѣда, сказала ея пр—во не много подумавъ. Я сама никогда ни о комъ не прошу мужа, но вы разжалобили меня и я рѣшилась на-

писать объ васъ письмо къ графинѣ N... по ея ходатайству вы надѣюсь получите мѣсто.... Но только нельзя ли обойтись безъ личныхъ благодарностей, выразите ее лучше хорошимъ исполненіемъ предстоящихъ вамъ, новыхъ обязанностей. Ваша фамилія?

— Бѣлобровъ, ваше пр—во, Петръ Ильичъ, Коллежскій секретарь.

— Прощайте М-г. Бѣлобровъ.... надѣйтесь, и ея пр—во сдѣлала рукою жестъ ясно указывавшій на двери.

Петръ Ильичъ раскланялся самымъ чувствительнымъ образомъ и удалился вполнѣ довольный и счастливый.

Тускло горѣла свѣча въ дежурной комнатѣ и только изрѣдка слышался однообразный храпъ сторожа. Петръ Ильичъ, вошедши въ дежурную комнату, взглянулъ на часы, которыхъ стрѣлка показывала десять. «Ну» подумалъ Бѣлобровъ, «сколько перемѣнъ случилось со мной въ продолженіи какихъ нибудь двухъ часовъ? А что если моя покровительница проговорится что эту записку вручилъ я?» и холодный потъ снова выступалъ на лицѣ Петра Ильича. «Ну какой же я дуракъ, что ей за прибыль губить меня за мою же услугу? и онъ снова успокоивался.»

Обдумывая то и другое, Петръ Ильичъ расположил-

ся на диванѣ, но Морфей долго не хотѣлъ принять его въ свои объятія. Въ мысляхъ его было настоящее смѣшеніе вавилонское; изъ такого полубденія и полусна, выводили его кровопійцы, обитавшіе въ сокровенныхъ швахъ дивана. Но всему свое время и Петръ Ильичъ наконецъ дождался утра, а вмѣстѣ съ нимъ и смѣны.

Смѣнившись съ дежурства, Бѣлобровъ въ короткое время успѣлъ сбѣгать домой, залпомъ выпить три стакана жиденькаго чая, отпустить какую то любезность своей хозяйкѣ Каролинѣ Карловнѣ, очень дружелюбно обошелся съ малинопуговичнымъ носомъ и вновь прибылъ на службу, на обычно занимаемое мѣсто.

Бурно волновались у него въ головѣ воспоминанія минувшаго дня, и ничто не могло вывести его изъ такого положенія, даже пришедшій столоначальникъ его Григорій Петровичъ Дурковъ, самый смиреннѣйшій и недальновиднѣйшій изъ всѣхъ властей, замѣтилъ ему о его особенной задумчивости.

Въ это время подошелъ къ нему Жарковъ.

— Посмотри, проговорилъ онъ, подавая Бѣлоброву руку, вѣдь говорилъ вчера, проси самъ лично генерала, — не слушалъ, такъ вотъ и кандидатъ на вновь открывшееся мѣсто. Тутъ онъ указалъ ему молодаго человѣка, о которомъ наканунѣ Бѣлобровъ отправилъ начальническое увѣдомленіе. Тотъ уже объяснялся съ помощникомъ секретаря по поводу своего назначенія. Тутъ начали подходить къ нему другіе товарищи съ увѣдомленіемъ о Зоркинѣ. Досадно было Петру Ильичу выслушивать подобныя увѣдомленія— и онъ нѣсколько разъ про себя даже пѣнялъ на ге-

неральшу, которая вѣроятно не успѣла въ скорости исполнить своего обѣщанія, а онъ опять долженъ будетъ упустить мѣсто. Какъ вдругъ молодой человѣкъ ожидавшій прихода начальника, былъ нечаянно чѣмъ то озадаченъ подошедшимъ къ нему въ то же время секретаремъ, и Бѣлобровъ былъ поздравленъ этимъ же секретаремъ съ повышеніемъ въ должности. Радость Петра Ильича была выше всякихъ границъ, онъ тутъ же хотѣлъ броситься и расцѣловать такого дорогого вѣстника, но тотъ къ счастію былъ довольно высокаго роста, а потому восторгъ Петра Ильича выразился только въ животрепещущемъ вопросѣ:

— Я думаю не пойти ли мнѣ тотчасъ поблагодарить его пр—во, за его милость?

— Его пр-во больны, сегодня никого не принимаютъ, замѣтилъ на это довольно громогласно секретарь.

— Его пр—во нездоровы? что съ ними? быстро подойдя къ секретарю и съ участіемъ спросилъ одинъ изъ чиновниковъ.

— Точно такъ Владиміръ Ларіоновичъ, поспѣшилъ отвѣтить секретарь, со вчерашняго вечера изволили еще почувствовать себя дурно, должно быть простудились, да и у ея пр — ва вновь мигрень открылся.

— Скажите! глубокомысленно замѣтилъ стоявшій тутъ же другой изъ начальниковъ, должно быть дѣйствительно нынче ужъ такое повѣтріе. Вотъ и моя жена постоянно хвораетъ, частенько, пріѣхавши изъ

должности, застаешь ее въ истерикѣ и всегда съ домашнимъ докторомъ.

Одинъ только новый помощникъ столоначальника Петръ Ильичъ Бѣлобровъ, смиренно вслушиваясь въ разговоръ начальствующихъ особъ, не раздѣлялъ съ ними этихъ мнѣній, одному ему только было возможно объяснить настоящую причину болѣзни его пр—ва и его дражайшей половины.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(Элегія.)

И мятель и вьюга воетъ
Снѣгомъ занесло окно,
Сердцу грустно, сердце ноетъ,
Разболѣлося оно.

Разболѣлось и былое
Жадно вспомнилъ я,
Все предстало мнѣ родное,
И моя семья:—

Какъ сбиралась у камина,
Какъ сладка была ихъ рѣчь!
Нѣтъ о томъ теперь помина
Голосъ ихъ замеръ, далечъ.

Вьется вьюга и сугробы
Навѣваетъ на поля;
Нѣтъ родныхъ и ихъ ужъ гробы
Пріютила мать земля.

*

Скучно, скучно противъ воли
Слушать вихря вой,
И таить: страданья, боли
Все въ груди одной.

Нѣтъ родныхъ и даже друга
И того то нѣтъ!
Замѣтай же злая вьюга
Мой житейскій слѣдъ!

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА.

(Элегія).

Природа празднуетъ,—ожившіе лѣса
Одѣлись въ новый зеленѣющій уборъ,
Свободно дышетъ грудь и нѣги полный взоръ
Вперяется въ безоблачныя небеса.
Красавица весна! твое очарованье
Миритъ меня съ природой иногда,
Я забываю грусть безплоднаго труда
И всѣ, что вынесъ я страданья!
Забывшися смотрю въ сосѣдній домъ,
Гдѣ—весны ровесница жила
Я съ дѣтства съ нею былъ знакомъ,
Любилъ ее;... но вотъ въ постель слегла!...
Открыли ихъ балконъ и близь окна,
Передо мною вновь явилася она!
Я жадно такъ смотрѣлъ, но узнавалъ....
Цвѣтущее лицо, что юностью цвѣло,
На поцѣлуй манило и звало,
Мертвѣло;.... я душой страдалъ.

Страдалъ не отъ того, что собственное горе
Меня осилило,— я къ горестямъ привыкъ,
Ужъ мнѣ знакомъ обманъ, знакомъ страстей языкъ,
Но для чего же ей разцвѣтши,— вянуть вскорѣ.
И жадно впился я въ ея прощальный взглядъ,
Хотѣлъ хоть вздохъ груди изсохшей уловить
Весна ея прошла, ужъ не вернуть назадъ!
А думала бѣдняжечка любить!...

ТРИ РОДА ЛЮБВИ.

(Сцены изъ вседневной жизни).

Дѣйствующія лица.

Василій Ивановичъ Кроликовъ,—повѣренный по дѣламъ, молодой человѣкъ пріятной наружности.

Пелагея Ивановна, его сестра.

Иванъ Ивановичъ Пырковъ, человѣкъ пожилой, имѣющій въ свѣтѣ довольно большой вѣсъ, за то—дома никакого.

Елизавета Макаровна,—жена его, женщина около 30 лѣтъ, съ претензіею казаться годами десятью моложе.

Дама подъ вуалью.

Аннушка—дѣвушка, повидимому принадлежавшая когда то къ торговому сословію и имѣвшая прежде деньжонки, въ настоящее же время имѣющая двухъ малолѣтнихъ дочерей и одного сына.

Казимирычъ, отставной унтеръ, промышляющій отдачею въ наймы небольшихъ комнатъ.

Зетъ, жилецъ его.

Лакей Ныркова.

СЦЕНА I.

Утро. Довольно богатая гостиная, убранная съ большимъ вкусомъ, по срединѣ круглый столъ, за которымъ сидитъ Елизавета Макаровна и разливаетъ чай. Иванъ Ивановичъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, — читаетъ Journal de Débats и куритъ сигару.

Ныырковъ *(отрываясь отъ чтенія и подавая женѣ своей допитый стаканъ)*.—Мегçi мамочка, *(нерѣшительно)* нельзя ли душеночикъ другой стаканъ, да послаще?

Ныркова *(сердито)*.—Пожалуста безъ нѣжностей. И откуда у васъ эти глупыя названія, я вамъ разъ навсегда сказала, чтобы вы никогда не смѣли надѣлять меня подобными эпитетами.

Ныырковъ *(нѣжно)*.—Ну за что же другъ мой сердиться, вѣдь это я такъ, любя.

Ныркова *(надуто)*. —Хороша любовь, ни одной моей просьбы неможете исполнить.

Ныырковъ *(поспѣшно)*.—Когда же я тебѣ въ чемъ нибудь отказывалъ?

Ныркова—А что вы мнѣ скажете про дѣло Волкова? Вчера мнѣ разсказывали о вашемъ рѣшеніи.

Ныырковъ—Но, mon ange! ты сама не знаешь, чего просишь: дѣло совершенно не правое. Всѣ присутствующіе противъ Волкова; къ тому же—онъ собственными показаніями, много себя запуталъ! Чтожъ я могу для него сдѣлать?

Ныркова *(съ ироніею)*.—Всѣ противъ него! А вы то что? да вы-бы стыдились говорить мнѣ это. *(Ныырковъ вздыхаетъ и молчитъ)*.

Ныырковъ—Впрочемъ я что могъ, то сдѣлалъ для

Волкова! Чрезъ мое содѣйствіе, дѣло его еще два года можетъ протянуться *(хочетъ закурить сигару)*.

Ныркова *(замѣтивъ его движеніе)*.—Пожалуста перестаньте курить. У меня и такъ сегодня разстроены нервы!

Нырковъ.—Помилуй душечка! Это совсѣмъ другой сортъ,—настоящія гаванскія!

Ныркова.—Для меня это рѣшительно все равно. Я васъ только покорнѣйше прошу сегодня, при мнѣ, ничего некурить. А если непремѣнно хотите, то можете отправиться въ свой кабинетъ.

Нырковъ *(оставляя сигару и принимая налитый стаканъ чаю)*. Зачѣмъ же другъ мой! Я лучше на время оставлю курить, если тебѣ это неправится). *(Пьетъ чай,—послѣ нѣкотораго молчанія)*, такъ вотъ за что ты на меня сердишься.... не приняла даже вчера въ свою комнату!...

Ныркова.—Я кажется не мѣшаю вамъ проводить ночи въ клубахъ, такъ не нарушайте же и вы моего спокойствія.

Нырковъ.—Ну, не сердись мой ангелъ! Право я ничего не могу сдѣлать для Волкова. Нынче и времена уже не тѣ стали. Такъ строго за всѣмъ слѣдятъ.

Ныркова.—Такъ за чѣмъ же вы по прежнему заставляете меня собирать подать съ вашихъ подчиненныхъ? Прекрасныя выбрали ширмы! нечего сказать!

Нырковъ.—Да какъ-же безъ этого покрыть расходы наши, вѣдь ты не хочешь жить иначе?.... Да и что

это за подать—это благодарность, приносимая ими отъ души, по доброй волѣ.

Ныркова.—Хороша воля?.... Какъ это у васъ хватаетъ духу мнѣ говорить про это *(съ обѣихъ сторонъ молчаніе)*.

Нырковъ *(отодвигая допитый стаканъ)*.—Благодарю mon ange! *(хочетъ взяться за газеты)*.

Ныркова.—Вамъ кажется уже пора въ должность. Сегодня засѣданіе.

Нырковъ *(оставляетъ газеты и смотритъ на часы)*.—Да, да, уже одинадцать, пора.

Ныркова *(звонитъ, входитъ лакей)*. Ивану Ивановичу пролетку заложить, да поскорѣй. *(человѣкъ низко кланяется и уходитъ)*.

Нырковъ *(вставая съ кресла говоритъ тихо)*.—А коляска для тебя нужна мой другъ?

Ныркова *(отрывисто)*.—Да, нужна!

Нырковъ.—Но....

Ныркова *(прерывая)*.—Пожалуста безъ но! *(съ сердцемъ)*. Послушайте Иванъ Ивановичъ, вы кажется рѣшились сердить меня сегодня. Смотрите! будьте осторожнѣе.

Нырковъ. — Ну полно, успокойся. Ты знаешь я всегда съ тобой во всемъ согласенъ *(подходитъ къ ней и цѣлуетъ ея руку, потомъ въ раздумьѣ ходитъ по комнатѣ)*.

Ныркова *(послѣ нѣкотораго молчанія)*. — Надѣюсь, что хотя просьба моя о Кроликовѣ не останется безъ вниманія *(смотря на него пристально)*. Въ состояніи ли вы исполнить хоть эту то просьбу?

Ныpковъ *(довольно скоро)*.—Кажъ же! какъ же! объ этомъ другъ мой и не безпокойся. Это такое пустяшное дѣло, да и не на большую сумму. Я уже говорилъ чтобы мнѣ его доложили, *(продолжаетъ ходить по комнатѣ, — входитъ лакей, и докладываетъ что лошади готовы)*.

Ныркова.—Вы кажется сегодня на обѣдъ отозваны къ Глушковымъ. Такъ можете туда отправиться. Я собираюсь сама къ cousine.

Ныpковъ.—Merçi mon ange, прощай (*цѣлуетъ ея руку)*. Я за тобой заѣду. *(Расходятся въ разныя стороны.—Гостиная пустѣетъ,—слышенъ черезъ нѣсколько минутъ звонокъ. Входитъ Кроликовъ, а за нимъ лакей)*.

Кpоликовъ *(лакею)*.—Такъ доложи любезный обо мнѣ *(лакей молча кланяется и уходитъ въ противуположную дверь. Кроликовъ поспѣшно подходитъ къ зеркалу и поправляетъ прическу)*. Ну слава Богу уѣхалъ, *(смотритъ на часы)* почти что часъ прокараулилъ у дома.... Что какъ она, въ духѣ ли сегодня? *(изъ другой комнаты слышно* «проси» *Кроликовъ быстро отходитъ отъ зеркала. Въ дверяхъ показывается снова лакей)*.

Лакей *(почтительно держа дверь полураскрывъ)*. —Въ уборную васъ просятъ съ!

(Кроликовъ входитъ въ уборную, Ныркова сидитъ на кушеткѣ и показываетъ видъ, что вышиваетъ. Кроликовъ подходитъ къ ней и съ застѣнчивостію вертитъ въ рукахъ шляпу.—Ныркова, какъ будто

не замѣчая его, продолжаетъ вышивать, стараясь придать лицу своему серьезное выраженіе).

Кроликовъ *(застѣнчиво).* — Можетъ быть Елизавета Макаровна.... я помѣшалъ вамъ,... я.... я....

Ныркова *(разражаясь звонкимъ смѣхомъ и вырывая изъ рукъ его шляпу)*—Ну просто ребенокъ! Да скоро ли я изъ тебя сдѣлаю свѣтскаго повѣсу? *(нѣсколько отодвигается и указываетъ Кроликову на мѣсто, возлѣ себя).* Ну что же стоишь! Садись! *(Кроликовъ осторожно возлѣ нея садится).* А какъ ты смѣлъ ослушаться и не придти ко мнѣ въ назначенный день?

Кроликовъ *(вкрадчивымъ голосомъ)*—Ахъ, Елисавета Макаровна, простите, я непосмѣлъ. У васъ было такое большое освѣщеніе. Я представлялъ себѣ, что вы просили меня изъ деликатности.

Ныркова *(шутливо взявъ его за ухо).* — То то представлялъ себѣ! *(смѣясь)* Ты знаешь кто твой теперь начальникъ? *(лукаво смотря на него)* Ну кто? Говори же! Я тебя спрашиваю.

Кроликовъ *(съ глупою улыбкою, чуть слышно произноситъ).*—Вы-съ!....

Ныркова *(продолжая смѣяться)*—Такъ какъ же ты могъ меня ослушаться? Вотъ и ошибся. Тогда у мужа были гости, а у меня никого не было, да и самой не было дома.

Кроликовъ *(показывая видъ удивленія).*—Какъ же это? Зачѣмъ же вы велѣли мнѣ въ тотъ день явиться къ вамъ?

Ныркова.—Enfin! да для тебя я была дома *(подви-*

гаясь къ нему ближе). Ну что у тебя новаго, какъ идутъ твои дѣла? *(быстро взявъ его за руку)*. Знаешь что? Я всегда сожалѣю о тѣхъ несчастныхъ, которые довѣряютъ тебѣ хлопотать по своимъ дѣламъ. Ну какой ты повѣренный? Посмотри хорошенько на себя? Вѣдь ты просто тряпка, слова сказать порядочно не умѣешь!

Кроликовъ *(улыбаясь)*.—Что вы Елизавета Макаровна? Какая же я тряпка!

Ныркова. — Вотъ какъ, да ты нынче пустился каламбурить!.. Ну смотри же у меня въ другой разъ слушаться, а то разсержусь. Я ужъ думала, что ты разлюбилъ меня и оттого не пришелъ.

Кроликовъ.—Васъ, васъ! да возможно ли это! Да смѣю ли... *(поправляясь)* могу ли я это сдѣлать.

Ныркова.—Смѣю! довольно забавно. *(весело)* Такъ ты продолжаешь еще любить меня?

Кроликовъ.—Я!... (*протяжно вздыхаетъ*).

Ныркова.—Ну? дальше!

Кроликовъ (*грустно*).—Не грѣшно ли вамъ Елизавета Макаровна смѣяться надъ моими чувствами. Или быть можетъ вы смѣетесь только надъ не свѣтскою передачею ихъ! Да и гдѣ же мнѣ передать вамъ ихъ такъ, какъ я это ощущаю въ себѣ. (*говоритъ съ жаромъ*) Я скажу вамъ только одно, когда я сижу подлѣ васъ, я самъ не понимаю, что со мной дѣлается? Какой то жаръ внутри, какая то сладость во всемъ существѣ, а душа!.... Нѣтъ! не возможно и выразить въ какомъ чудномъ настроеніи находится въ эту минуту душа моя!.. Вотъ кажется такъ бы все и сидѣлъ тутъ; всю жизнь былъ бы возлѣ васъ, да и умеръ бы здѣсь!

Ныркова (*смѣясь*). Ну послѣдняго пожалуй и не дѣлай (*смотря ему прямо въ глаза*). А я за тебя уже просила мужа, все будетъ сдѣлано для того семейства, какъ ты хочешь. (*отрывисто*) А что другъ твой Валеріянъ?

Кроликовъ (*принимая печальный видъ*). — Увы! никакъ не могу спасти его! по векселю уже наложено запрещеніе на послѣднюю его движимость, (*жалобно*) какъ ни старался, нигдѣ не могъ достать нужной для него суммы денегъ! вездѣ берутъ такіе большіе проценты, отстрочки недаютъ и бѣдняка вѣрно отправятъ въ долговое.

Ныркова—И тебѣ очень жаль его?

Кроликовъ (*со вздохомъ*). — Очень! вотъ кажется душу заложилъ бы, что бы спасти его, такой отъ добрый, честный малый!

Ныркова (*встаетъ съ кушетки, подходитъ къ бюро и вынимаетъ отъ туда пачку ассигнацій*).— Добрая душа! Ну мы обойдемся и безъ твоего дорогаго заклада (*передавая ему деньги*). Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, помоги ими твоему пріятелю. Да чуръ секретъ, смотри по дружбѣ не разболтай отъ кого досталъ деньги!

Кроликовъ (*неговоритъ ни слова и повидимому находится въ какомъ то остолбененіи*).

Ныркова.—Ну, что же, благодари?

Кроликовъ.—Какъ!.. что это!.. вы!.. вы хотите спасти его (*принимаетъ деньги и кладетъ ихъ на столъ*). Доброе, милое, очаровательное существо! да стою ли я тебя!.... что я говорю.... простите меня Елизавета

Макаровна.... это я.... право не я.... это душа моя говоритъ за меня!

Ныркова (*пожимая ему руку*).—Ничего! ничего! tête a tête я всегда рада! Твоя натянутость иногда мнѣ надоѣдаетъ. Ну въ сторону благодарности. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Забудемъ на время и твоего друга, теперь онъ спасенъ (*звонитъ—входитъ горничная*). Анюта я сегодня буду завтракать въ своемъ будуарѣ. Вели поставить два прибора, да скажи въ людской, что теперь меня ни для кого нѣтъ дома. (*Горничная уходитъ*).

Кроликовъ (*убирая со стола деньги*).—Право мнѣ кажется что это сонъ! Ужели все это правда? и я у васъ.... и другъ мой! и....

Ныркова (*взявъ его за руку*).—Не сонъ, а чистая дѣйствительность!.. (*въ комнатѣ раздается звонкій поцѣлуй*).

СЦЕНА II.

Полдень. Небольшая комната, на заднемъ планѣ у окна письменный столъ, по бокамъ два кресла. На лѣво обитая зеленымъ трипомъ кушетка, передъ дверью сосѣдней комнаты кровать, покрытая шерстянымъ одѣяломъ, возлѣ нея, шкапикъ съ умывательными принадлежностями. Выходная дверь нѣсколько полураскрыта и видѣнъ корридоръ.

Казимирычъ (*держитъ въ верху половую щетку, конецъ которой обвернутъ тряпками и обметаетъ со стѣнъ пыль*). Ну вотъ наконецъ то я

добрался и до пыли! Вѣдь эдакая подумаешь у людей прихоть и пыль то имъ мѣшаетъ! да и пыли то со всѣмъ нѣтъ, а подика какъ раскричался въ послѣдній разъ «даромъ я что ли, говоритъ плачу тебѣ за комнату, никогда дома говоритъ не живу, а и пыли не можешь обмести»; ну какая тутъ пыль! Просто филантропія какая то у этихъ господъ *(слышны по корридору шаги. Зетъ останавливается у полурастворенной двери и заглядываетъ въ комнату)*.

Зетъ. — Казимирычъ! смотри опять не позабудь у меня убрать! Да если придетъ бѣлая шляпка, такъ передай ей съ моего стола записку, *(взойдя въ комнату)* какая миленькая комната. А я сколько мѣсяцевъ живу у тебя и до сихъ поръ не зналъ о ея существованіи. Кто тутъ живетъ?

Казимирычъ *(продолжая обметать)* — Кто-съ? Да по истинѣ то сударь никто-съ, *(приподнимаясь на цыпочкахъ)* ишь куда грязь то забралась.

Зетъ—Какъ никто! Слѣдовательно она пустая? Ни кѣмъ не занята?

Казимирычъ *(оставляя обметать—подпирается щеткой)*. — Нѣтъ не пустая, а занята. Десять цѣлкачей получаю въ мѣсяцъ! Да и жилецъ то—золото! только что прописанъ у меня, а и дома то совсѣмъ не видно. Въ мѣсяцъ то разъ пять не болѣ побываетъ. Крутенекъ немножко, правда; иной разъ и ни къ чему привяжется. Ну ужъ нельзя и не услужить, денежный человѣкъ да и за квартиру исправно платитъ *(Зета нѣсколько подергиваетъ)*. Вотъ хоть бы напримѣръ сегодня срокъ, и ужъ навѣрно что пріѣдетъ.

Зетъ *(съ достоинствомъ)*.—Ты любезный не намекаешь ли ужъ на мою личность? Я поисправнѣе можетъ быть другихъ. Эка много задолжалъ, въ пять мѣсяцевъ не заплатилъ за три недѣли.

Казимирычъ — Не то сударь изволите вы разсуждать. А еслибъ знали вы, какъ съ насъ то требуютъ и дня не ждутъ. Гдѣ-жъ намъ то взять?

Зетъ *(разсматривая на письменномъ столѣ, дагерротипные портреты)*. — А кто жилецъ твой! Служащій, или нѣтъ?

Казимирычъ — Василій Иванычъ то? Да Богъ ихъ знаетъ, они со мною не говорятъ. Съ усами ходятъ-съ. Придутъ, пощёлкаютъ на щетахъ, съ мадамой посидятъ, да и уйдутъ.

Зетъ *(многозначительно)*. — Съ мадамой? а! И деньги говоришь имѣетъ?

Казимирычъ—Кажись что есть. *(тихо)* Никакъ и въ ростъ пускаютъ. Намѣднясь два заклада принялъ!

Зетъ *(дѣлая быстрое движеніе)*—Такъ чтожъ ты братецъ раньше мнѣ о немъ не говорилъ. Я бы и самъ призанялъ у него. Пожалуста, скажи когда онъ будетъ *(слышенъ сильный звонокъ)*.

Казимирычъ *(поспѣшно)*.—Да вотъ никакъ и они! Всегда изволятъ такъ звонить. *(выходятъ съ Зетомъ изъ комнаты, чрезъ нѣсколько минутъ входитъ въ комнату Кроликовъ, вслѣдъ за нимъ Казимирычъ)*.

Кроликовъ *(сердито)*—Это еще что, и двери настежъ *(обращаясь къ нему)*.—Ужъ этого я не люблю.

Казимирычъ.—Помилуйте! зачѣмъ же двери настежь

быть. Напрасно гнѣваться изволите. Все время была на замкѣ, а я сейчасъ для вашей милости здѣсь кое что убралъ, такъ не успѣлъ еще запереть!

Кроликовъ *(бросая на столъ портфель)*—Хорошъ хозяинъ! четыре дня стояла комната пустая, а когда придти мнѣ нужно, такъ вздумалъ убирать. Въ другой разъ будь поаккуратнѣе, а не то....

Казимирычъ.—Да я готовъ съ..., готовъ всегда служить вамъ! Вѣдь вы сударь наилучшій изъ моихъ жильцовъ.

Кроликовъ.—Ну, ну, безъ разсужденій. Возьми вотъ книжку, роспишись въ ней, и приходи получить за комнату деньги.

Казимирычъ.—Благодаримъ покорно-съ! *(кланяется и уходитъ)*.

Кроликовъ *(бросаясь на диванъ)*. — Фу! какъ усталъ. *(смотря на часы)* До трехъ часовъ промаялся. Ну, нечего сказать, была же и игра. Да и не даромъ; *(улыбаясь)* съ Полушкиныхъ за дѣло получилъ полсотни, у ней сегодня выудилъ двѣ сотни, всего двѣсти пятьдесятъ. Ну, можно было поактерить, вѣдь есть изъ за чего? *(задумываясь)* А Лиза право такъ себѣ.... и нравиться еще пожалуй можетъ,... особенно съ матеріальной стороны. *(смѣясь)* Вѣдь вотъ и не глупа, а вѣдь какъ можно провести!

Казимирычъ *(тихо входя)*.—Вотъ вамъ и росписная книжка. Извольте-съ получить.

Кроликовъ *(принимаетъ отъ него книгу, небрежно кидаетъ ее на столъ, потомъ медленно вынимаетъ изъ боковаго кармана деньги)*. — По-

лучи за комнату деньги. Да смотри, чтобъ не было впередъ, ни этихъ позднихъ обметаній, ни этихъ *(показывая на двери)* оплошностей!

Казимирычъ.—Ужъ не извольте безпокоиться. Все будетъ исправно. А вотъ-съ, осмѣлюсь подержать вамъ рѣчь. Тутъ черезъ двѣ стѣны сосѣдъ изволитъ быть. Ну знаете такой онъ парень то простой, да вотъ немножко издержался и за квартиру задолжалъ, а я на дняхъ ему и говорю, вотъ молъ у васъ заложца нѣтъ ли? Василій молъ Иванычъ денегъ дастъ! Ну, онъ конечно радъ-съ, хотѣлъ просить у васъ согласія *(переминаясь)* Ужъ не гнѣвайтесь, я такъ вѣдь по просту, да по нуждѣ сказалъ.

Кроликовъ.—Не прочь, не прочь. За чѣмъ не дать! пускай пожалуетъ! *(Казимирычъ кланяется и уходитъ, но тотчасъ же возвращается).*

Казимирычъ.—Забылъ-съ! со всѣмъ забылъ. Вчера письмо къ вамъ было. *(роется въ карманахъ)* Ахти! никакъ.... нѣтъ вотъ извольте! *(отдаетъ письмо и уходитъ.)*

Кроликовъ *(распечатываетъ письмо).* —А! отъ Груздева! Посмотримъ, что то пишетъ: *(читаетъ)* «Basile» такъ братъ честные люди съ своими товарищами не поступаютъ (*Кроликовъ про себя:—понятно*) самъ же обыгралъ, да пользуясь слабымъ положеніемъ человѣка взялъ съ него росписку и тотчасъ же ко взысканію. Подружески совѣтую тебѣ отстрочить этотъ долгъ; иначе братъ и я съ тобою съиграю шутку. Скажу Малыгину въ какихъ ты деньгахъ росписался за него и сколько ему отдалъ. Это вѣдь уронитъ твой

кредитъ. Смотри, подумай хорошенько. Меня не такъ легко забить, какъ ты забилъ многихъ изъ нашихъ. Стыдненько дѣлать такъ....» (*рветъ письмо*) Ахъ бестія еще грозитъ (*въ раздумьѣ*) А въ самомъ дѣлѣ! онъ вѣдь правъ,... я и забылъ про ту росписку. Скверно! (*вздыхая*) Ну нечего дѣлать, долженъ буду распроститься съ этимъ долгомъ!... вишь шельма какая, всегда сироту такого корчилъ, а тутъ выходитъ сущая кикимора. (*за дверью голосъ Зета*)—Позволите войти?

Кроликовъ (*молча встаетъ съ дивана и отворяетъ дверь*).

Зетъ (*раскланиваясь,—скороговоркой*).—Извините, помѣшалъ быть можетъ!... mille pardon, я вашъ сосѣдъ по корридору, Назаръ Назарычъ Зетъ. Прошу васъ быть знакомымъ. Ко мнѣ когда нибудь сбирайтесь! Такъ знаете, sans façons, распить бутылочку портвейну... закусить!...

Кроликовъ (*довольно сухо*).—Благодарю васъ, я ничего не пью. (*указывая на кресло*) Прошу садиться. Вѣроятно вы ко мнѣ по дѣлу?

Зетъ (*не слушая послѣднихъ словъ*). — Какъ! и вина не пьете. Какой шутникъ вы, право! Не угодно ли сигару?

Кроликовъ.—Не курю.

Зетъ. — И не курите, да это просто чудо. Я вамъ скажу, что въ наше время такого молодого человѣка и днемъ съ огнемъ не отыскать. Вотъ мы грѣшные, такъ всего вкушаемъ и исправно.... право!

Кроликовъ (*смотря на часы*).—Извините я сегод-

дня занятъ.... жду къ себѣ.... такъ не угодно ли мнѣ прямо объяснить, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Зетъ (*сконфузясь*).—То есть.... какъ! (*замѣтивъ рѣшительное движеніе Кроликова говоритъ поспѣшно*) Да! да! позвольте мнѣ ужъ прямо объясниться.

Кроликовъ (*смотря снова на часы*).—Я о томъ то и прошу васъ.

Зетъ (*медленно*). — Такъ вотъ-съ.... я слышалъ вы снабжаете деньгами! Позвольте же и мнѣ у васъ имѣть кредитъ. А вотъ я чѣмъ могу васъ обезпечить. (*кладетъ на столъ часы и портмоне*) Подъ это сколько вы можете мнѣ дать?

Кроликовъ (*разсматривая вещи говоритъ тоже медленно*).—Прежде всего скажу вамъ, что подъ нихъ я ничего вамъ не дамъ. Вѣдь я не ростовщикъ, а купить если хотите, такъ куплю у васъ эти вещи. Я скупаю все.

Зетъ (*озадаченый его отвѣтомъ*).—Какъ куплю? Я васъ не понимаю.... я эти вещи не продаю.

Кроликовъ (*разсматривая портмоне*).—Да такъ, что вещи я у васъ возьму, условлюсь съ вами въ платѣ, за тѣмъ вы росписку мнѣ дадите, что вотъ такого то числа. вы продали мнѣ то и то, за такую цѣну, а потомъ назначьте время, когда вы сами пожелаете купить ихъ у меня обратно и разумѣется за нѣсколько возвышенную уже цѣну.

Зетъ (*съ улыбкою*).—Такъ вотъ какъ-съ! а сколько вы примѣрно мнѣ за нихъ дадите?

Кроликовъ.—Да за часы могу вамъ дать я десять, а портмоне пожалуй у себя оставьте.

Зетъ (*весь превращаясь въ вопросительный*

знакъ).—Какъ? (*нерѣшительно*). Да мнѣ подъ часы одинъ Еврей давалъ двѣнадцать.

Кроликовъ. — Такъ совѣтую вамъ къ нему и обратиться.

Зетъ (*показывая портмоне*).—А портмоне, помилуйте вѣдь это золото! Смотрите пятьдесятъ шестая проба (*поворачивая портмоне съ другой стороны*) и съ этой стороны.

Кроликовъ.—Жалѣю васъ, кто это продалъ вамъ за золото? Вы ошибаетесь, это не проба. Тутъ видите ли искусно сдѣланъ настоящій годъ. Смотрите тысяча восемьсотъ, далѣе слѣдуетъ клеймо мастера, потомъ пятьдесятъ шестой—цифра восемьнадцать нѣсколько затерта. Вотъ и проба ваша! Я видѣлъ эти вещи въ рынкѣ и скажу вамъ (*смотря на него пристально*) такимъ порядкомъ выставлять годъ неслѣдовало бы вовсе, вѣдь золото такое и рубля не стоитъ, а другой по этой пробѣ дастъ и сорокъ.

Зетъ (*смѣшавшись—также разсматриваетъ портмоне*).—Скажите, а мнѣ его подарили въ день ангела. Вотъ ужъ никакъ не думалъ что портмоне мой накладной. Ишь вѣдь какія штуки! прошу покорно... годъ! дѣйствительно годъ.... и тысяча восемьсотъ! скажите?... а?

Кроликовъ (*сухо*). — Такъ вотъ-съ за вещи взять угодно вамъ одинадцать?... извольте!... а нѣтъ, такъ какъ хотите!

Зетъ (*обиженнымъ тономъ*).—Помилуйте одинадцать! Да это не возможно, я думалъ что вы дадите хоть семьнадцать, вѣдь я росписку дамъ!

Кроликовъ. — Одинадцать! Но когда придете покупать обратно ихъ черезъ мѣсяцъ, я продамъ вамъ эти вещи за двѣнадцать рублей, черезъ два мѣсяца за тринадцать, а черезъ три мѣсяца ужъ извините, не отвѣчаю могу ли вамъ ихъ возвратить. Въ такое долгое время быть можетъ я вынужденъ буду продать ихъ другому. (*раскланиваясь*) Извините я не могу заняться съ вами долѣе!

Зетъ.—Но, позвольте!...

Кроликовъ (*скоро*). — Извините не могу, теперь я очень занятъ.

Зетъ.—Такъ я приду условиться ужъ съ вами послѣ. (*сухо раскланивается и уходитъ*).

Кроликовъ (*подвигая къ столу кресло*). — Экая піявица, насилу отвязался. А я жду ее каждую минуту (*смотритъ на часы*) Уже четвертый въ исходѣ, а въ три хотѣла быть. Что нибудь задержало (*вынимаетъ изъ портфеля листъ бумаги и начинаетъ на немъ писать цифры*). Полтораста да двѣсти—триста пятьдесятъ, да у Любашина сто сорокъ—четыресто девяносто, да еще два раза по триста—шесть сотъ, итого у меня въ ростѣ—тысяча девяносто рублей, получилъ за нихъ проценты: пятнадцать, да двадцать—тридцать пять, да четырнадцать,—сорокъ девять, да за шестьсотъ шестьдесятъ рублей,—всего сто девять рублей въ мѣсяцъ;—браво, брависсимо! да эти двѣсти въ ходъ пущу, за нихъ буду имѣть двадцать рублей въ мѣсяцъ, да жалованья двадцать, всего сто сорокъ девять (*потираетъ руки*) хорошо! и очень даже, (*продолжая считать*) Изъ нихъ Малыгину, за тысячу, отдать

долженъ двадцать девять. (*раздумывая*) Вѣдь триста сорокъ восемь рублей плачу ему въ годъ за тысячу, многонько! не уменьшить ли плату? сказать дѣла идутъ не ладно, или... ну, чортъ его возьми, вѣдь чистенькихъ сто двадцать остается въ мѣсяцъ! можно еще жить.... Да спасибо еще Лизѣ право, на двадцать рубликовъ доходъ мой подняла ... Семейство, вотъ бѣда, связало по рукамъ и ногамъ! не будь его!... можно было бы получше жить.... да и копѣечку на черный день скопить. (*слышенъ звонокъ*) Вѣрно Варя (*прислушивается, по корридору раздаются шаги—въ дверяхъ слышится легкій стукъ*).

Кроликовъ.—Войдите (*входитъ дама подъ вуалью. Кроликовъ говоритъ ей серьезнымъ тономъ*) что ты такъ поздно? а я собрался было уйти. (*вошедшая не отвѣчаетъ*) Молчаніе, что это значитъ?... Да говори же? Ты знаешь я не любитель этихъ сценъ.... (*дама продолжаетъ молчать, Кроликовъ повелительно показываетъ ей на кресло*) Прошу васъ садиться! вы слышите? да совѣтую скорѣй раскрыть вашъ милый ротикъ. Опять пожаловали для поэтическихъ объясненій?

Дама (*садится на кресло и начинаетъ говорить сначала тихо, едва внятно, потомъ мало по малу голосъ ея возвышается до настоящаго звука*) Basile! я нынче не узнаю тебя. Ты ли тотъ, который еще такъ недавно клялся мнѣ въ вѣчной привязанности (*Кроликовъ беретъ небрежно первую попавшуюся со стола книжку и начинаетъ ее перелистывать*) Ты ли тотъ! который еще въ пос-

лѣднее наше свиданіе обѣщалъ мнѣ быть другомъ на всю жизнь, говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою искренностію о продолженіи нашихъ свиданій! И что жъ! теперь ты готовъ выгнать меня, и за что! за то что не много опоздала. Не была ли же я права умоляя тебя еще такъ не давно, избавить меня отъ этихъ тяжелыхъ свиданій!... А что отвѣчалъ ты мнѣ тогда.... Гдѣ же эта неограниченная привязанность (*съ энергіею*). Нѣтъ Василій, ты требуешь уже черезъ чуръ многого отъ моей любви, а самъ?... самъ не въ состояніи, ни понять, ни даже хоть въ половину оцѣнить ее!.. Да и мнѣ самой пора уже опомниться, образумиться и кинуть взглядъ на прошлое. И какую я могла найти въ тебѣ привязанность? Развѣ ты можешь уважать меня! уважать ту, которая обманула мужа, опозорила свое семейство, своихъ дѣтей, измѣнила клятвѣ, данной передъ престоломъ. Нѣтъ, ты долженъ презирать меня! Гони меня, гони! я этого стою (*плачетъ*).

Кроликовъ (*смягчаясь*). — Послушайте Варвара Львовна, скажите мнѣ только одно? къ чему ведутъ всѣ эти длинныя разсужденія, воспоминанія и наконецъ слезы... Я право начинаю думать, что вы съ нѣкотораго времени заразились романическими идеями вашего селадона старика. А черезъ это право вы ничего не выиграете. Любовь моя къ вамъ не прибавится и не убавится, къ чему же приходить читать мнѣ плачевные монологи. Я вамъ уже разъ выразился о моихъ понятіяхъ въ отношеніи нравственности и если вы не согласны съ ними,... то.... можете остаться

при вашихъ убѣжденіяхъ.... при вашемъ долгѣ, чувствахъ, обязанностяхъ.... Я даже согласенъ для прекращенія этихъ сценъ (*говоритъ протяжно*) разстаться съ вами, особенно если вы такъ настоятельно этого требуете; но конечно это не можетъ помѣшать намъ продолжать любить и уважать другъ друга. Жертва тутъ будетъ равна съ обѣихъ сторонъ! если только съ моей стороны не болѣе....

Дама (*сквозь слезы*). Нѣтъ Basile! не я, а ты это желаешь. Ты давно уже имѣешь намѣреніе разойтись со мною. Въ послѣднее время, ты не пощадилъ даже во мнѣ имени замужней женщины! (*Кроликовъ быстро встаетъ съ кресла и принимаетъ видъ оскорбленнаго человѣка. — Дама продолжаетъ говорить, но уже гораздо тише.*) Нѣкоторые намеки твоихъ друзей, нашихъ общихъ знакомыхъ, ясно выражаютъ нескромность твою въ отношеніи ко мнѣ.

Кроликовъ (*съ досадой*). Въ этомъ Варвара Львовна, вы ошибаетесь болѣе всего! Я бы лучше совѣтывалъ вамъ, слѣдить хорошенько за собою, нежели взводить на меня подобныя подозрѣнія. Вашею всегдашнею неосторожностію, вы сами открываете передъ всѣми ваши чувства и ваши отношеніи ко мнѣ. Одна постоянная ваша ревность возбуждаетъ уже множество различныхъ предосудительныхъ для васъ толковъ.. А я едва ли позволю себѣ когда нибудь сдѣлать въ этомъ случаѣ какую либо неосторожность!... (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ—съ обѣихъ сторонъ непродолжительное молчаніе*).

Дама.—Но, зачѣмъ же ты постоянно мучишь меня такою суровостью! Зачѣмъ смѣешься надо мною?

Кроликовъ.—Я смѣюсь; съ чего же ты это взяла?

Дама.—Въ послѣдній разъ ты не былъ здѣсь, а мнѣ прислалъ условный знакъ? А ты знаешь всю опасность, всю трудность выхода моего изъ дому!... И вотъ сегодня также оставляя больнаго сына! спѣшу сюда. А ты, ты встрѣчаешь меня какъ?

Кроликовъ (*нѣжно взявъ ее за руку.*)—Ну, полно, полно, я былъ не въ духѣ, разсерженъ! Прости меня. Я не буду больше обижать тебя!... А въ послѣдній разъ, ни какъ не могъ быть дома. У графа цѣлый день писалъ (*цѣлуя ея руку*). Ну ты простишь мнѣ эту вспышку?... Простишь, не правдали? (*ласкаясь къ ней*) Ну, да. Скажи же, да!

Дама (*едва слышно*).—Къ несчастію не въ силахъ не простить тебя.... Прощаю, да! Но Basile, пойми какъ трудно мнѣ переносить все это!... (*снимаетъ шляпку*).

СЦЕНА III.

Вечеръ. Довольно большая комната, на право отъ дверей диванъ, обтянутый ситцевою матеріею, по обѣимъ сторонамъ его табуретки, покрытыя таковымъ же ситцемъ; въ углу большой на четырехъ ножкахъ столъ, прикрытый разноцвѣтною клеенкой, надъ нимъ большая кіота, съ нѣсколькими образами, обдѣланными фольгой, нѣсколько по одаль по срединѣ стѣны круглый столъ и маленькій туалетъ съ зеркаломъ, на лѣво отъ дверей израсцовая лежанка, а надъ ними нѣсколько картинъ лубочнаго произведенія, но въ золоченыхъ рамкахъ, возлѣ нихъ маленькіе стѣнные часы. Сестра Кроликова сидитъ у круглаго столика и шьетъ, по другую сторону сидитъ Аннушка, на полу играютъ нѣсколько дѣтей (бьютъ часы).

Аннушка.—Ахти! ни какъ ужъ девять! А его все нѣту-ти, что за напасть такая! Пелагея Ивановна неужли и сегодня не придетъ?

Пелагея Ивановна (*удушливо кашляя*). — Кто? братъ? Сегодня-то пожалуй что придетъ.

Аннушка.—Ну, скажите моя голубушка! Какой же онъ хозяинъ. Вѣдь вотъ ни какъ ужъ третій день, какъ глазъ не кажетъ. Хоть на робятъ пришелъ бы заглянуть. Родные кажется!.... (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Да вотъ и денегъ нѣтъ, лавочнико-тъ нашъ отправился въ деревню, а новый въ долгъ то не даетъ! Ну, что мы будемъ дѣлать? (*качаетъ головою и задумывается*).

Пелагея Ивановна.— Придетъ, такъ и на расходъ дастъ, о чемъ тутъ горевать, не въ первый разъ ему три дня не приходить (*впродолженіи нѣкотораго времени кашляетъ—потомъ на минуту оставляетъ работу и выпрямляется*). Охъ! тяжело, грудь опять заломило.

Аннушка.—Да бросьте вы моя родная—работу то вашу. Вчера безъ отдыха, почти что сутки прописали, сегодня тоже не вставая съ мѣста шьете. Ужъ быть бѣдѣ! Кажись вы нарочно морите себя, моя голубушка. Иль жизнь то не мила вамъ стала!

Пелагея Ивановна (*поспѣшно*).—Что ты! Господь съ тобою. Морить буду я себя (*послѣ нѣкотораго раздумья*). Я просто тружусь и хочу брату угодить, ты знаешь какъ онъ сердится, когда чего я не окончу къ сроку (*кашляетъ—съ обѣихъ сторонъ продолжительное молчаніе*).

Аннушка.—Матушка Пелагея Ивановна, скажи моя милая, ты больше разумѣешь! Что Елисей-отъ Назарычъ говорилъ, намедни, не ужъ то правда?

Пелагея Ивановна (*улыбаясь*). — Что братъ жениться хочетъ? Чудная ты какая! Назарычъ просто надъ тобой смѣется, а ты ему и вѣришь. Ужъ Василію ли жениться. Это не по немъ. Братъ свободу любитъ. Да гдѣ жъ и средства? На жалованье то одно не уживешь! Назарычъ тебя дразнитъ?

Аннушка.—Какъ средствъ мало. У него голубушка бываютъ временемъ вѣдь много денегъ. Намеднись все считалъ—считалъ, и счету нѣтъ!

Пелагея Ивановна. — Такъ развѣ это его деньги. Вѣдь это все коммисіи (*кашляетъ*).

Аннушка (*со вздохомъ*). — Охъ! матушка! Ужъ больно мнѣ-то тяжелы всѣ эти коммисіи! Какъ вспомню я сердечная и про свою лавчонку, такъ сердце кровью обливается. Она была вѣдь также у меня въ коммисіито этой, а гдѣ теперь? Нѣтъ, тутъ добру не быть. Же-

нять его... Непремѣнно женятъ (*плаксивымъ голосомъ*). Что съ дѣтьми-то тогда будетъ? (*начинаетъ всхлипывать;—дѣти, увидя это, начинаютъ также кричать. Пелагея Ивановна унимаетъ ихъ.—У дверей слышится нѣсколько громкихъ звонковъ, все на минуту утихаетъ,—Аннушка бросается опрометью къ двери, въ комнату входитъ Кроликовъ, довольно сильно пошатываясь*).

Кролшковъ (*бросаетъ на диванъ шляпу и самъ разваливается на немъ—его обступаютъ дѣти*). Воть и я!... Ну, что вы бѣсенята. А! что-о! пряниковъ небось хотите! вотъ я вамъ дамъ. (*сердито*) Пошли всѣ вонъ, пора вамъ спать. (*къ Аннушкѣ*) Ты что стоишь розиня ротъ? Что-о! Отъ чего дѣти не спятъ? А! Ну-ка скажи отъ чего? Я твердилъ уже тысячу разъ чтобы ихъ укладывали раньше! Ну что стоишь, пошла, давай мнѣ ужинать щей, каши что ли. (*хлопая въ ладонь*) Ну! живѣй!

Аннушка (*про себя*).—Царица Небесная. Никакъ опять хмѣльной! (*уходитъ*).

Кроликовъ (*къ сестрѣ*). — А вы что? вы съ! Я спрашиваю васъ! вы что?

Пелагея Ивановна (*тихо*).—Ничего братецъ. какъ видите работаю. (*кашляетъ*).

Кроликовъ.—Ну такъ, опять закашляли! Опять про вашу грудь мнѣ запоете. (*поспѣшно*) А копіи мои готовы?

Пелагея Ивановна.—Готовы братецъ, вотъ вамъ десять всѣ. (*передаетъ бумаги*)

Кроликовъ.—Ну, вотъ за это молодецъ! Спасибо за

исправность. (*разсматриваетъ*) Великолѣпно. Да я тебя въ начальники произведу. Ишь! двадцать листовъ написала! браво, браво!

Аннушка (*накрываетъ на столъ*).—За то съ ранняго утра до четырехъ часовъ ночи просидѣли.

Кроликовъ (*кричитъ на нее*).—Молчать! Не спрашиваютъ, такъ не суйся! А то видала эти виды (*показываетъ ей сжатую руку;—къ сестрѣ*) Ну, а рубашки Славина подвигаются къ концу.

Пелагея Ивановна.—Да братецъ, дошиваю! (*прикрываетъ ротъ платкомъ и сдерживаетъ кашель*).

Кроликовъ (*ласковѣе*).— Ну, вотъ и это хорошо. работаешь исправно. Не даромъ хлѣбъ мой ѣшь! (*Пелагея Ивановна снова кашляетъ*) А у доктора была! Что онъ! какъ грудь твою находитъ?

Пелагея Ивановна. — По прежнему и снова жиру прописалъ. Велѣлъ ложиться спать пораньше, а утромъ часъ ходить.

Кроликовъ (*сердито*). Ну да, да! Лежебокою быть! Ахъ вы сударыня! Стыдились бы передавать мнѣ это. Ишь раньше спать ложиться, работать же когда! А? (*кричитъ*). Я спрашиваю васъ когда работать. Вамъ только бы на братниныхъ харчахъ сидѣть! Что?

Пелагея Ивановна (*тихо*).—Да я и работаю братецъ.

Кроликовъ.—Такъ что же вы бредите. Пораньше спать ложится, скажите, нѣжности какія. Ну, пошли всѣ спать! (*топая ногами*). Пошли! я вамъ велю. Прочь съ глазъ моихъ!(*къ Аннушкѣ*) и ты пошла, нѣтъ впрочемъ стой! Подай настойку.

Аннушка. — Какую-съ Василій Ивановичь? третьяго-съ дня изволили сами всю выпить.

Кроликовъ. — Что-о! изволилъ самъ всю выпить? (*прикладываетъ руку ко лбу и нѣсколько минутъ думаетъ—потомъ говоритъ отрывисто*) Такъ убирайся же и ты. Мнѣ ничего не нужно (*всѣ уходятъ, Кроликовъ остается одинъ и продолжаетъ говорить самъ съ собою*). Ну жизнь ужъ нечего сказать. Хлопочешь день и ночь, а дома водки даже нѣтъ. Да я васъ просто на просто повѣшу. (*кричитъ*) Да! да!... всѣхъ васъ повѣшу! заморю! (*протягивается на диванъ и что то бормоча засыпаетъ. Въ комнату входитъ на цыпочкахъ Аннушка и начинаетъ его потихоньку раздѣвать. Кроликовъ храпитъ, изъ другой комнаты изрѣдка слышится удушливый кашель и стоны Пелагеи Ивановны. Аннушка нѣсколько раздѣвши Кроликова, старательно подкладываетъ подъ голову его подушку и гаситъ свѣчу.*)

НОЧЬ.

Пробила полночь, городъ спитъ,
Замолкла стукатня дневная,
Лишь сторожъ грустно прокричитъ:
Слушай! и тишина ночная
Опять торжественна кругомъ.
На небѣ звѣздочки сверкаютъ,
И будто бы напоминаютъ
О мірѣ лучшемъ и другомъ.
Прекрасенъ отдыхъ мнѣ природы!
Когда чуть чуть струятся воды
И полусонная волна,
Лучемъ луны позлащена!
Но часто въ этотъ часъ покоя,
Природѣ всей на перекоръ,
Выноситъ человѣкъ другое,
Во всемъ встрѣчая лишъ укоръ.

Вотъ пышный предо мной чертогъ
Гдѣ роскошь взоры поражаетъ,
Рядъ слугъ владѣльца окружаетъ,
Но прихотливый полубогъ
Смежить свои не можетъ очи,
И тамъ безъ сна проводитъ ночи.
Припомнитъ юности лѣта,
Когда безпечная мечта
Была чужда любостяжанья,
Когда счастливая любовь
Живила юношества кровь;
Потомъ всѣ грязныя желанья,
Стремленье къ деньгамъ, эгоизмъ,—
Ну словомъ весь матерьялизмъ.
—То образъ матери родной
Предстанетъ съ тягостнымъ укоромъ,
Какъ онъ, забывъ бытъ прежній свой,
Велѣлъ прогнать съ крыльца съ позоромъ,
За то, что мать была бѣдна,
Что въ жалкомъ рубищѣ она
Явилася въ его чертоги.
И всѣ видѣнья мрачны, строги,
Неумолимы какъ судьба....
Да,—жизнь всегдашняя борьба!...

Но вотъ вдали, гдѣ свѣтъ мрачнѣе,
Гдѣ въ покачнувшихся домахъ
Жильцы другъ друга по бѣднѣе;
Гдѣ въ холоду на чердакахъ
Семьи оборванныя жмутся;
Гдѣ за кусокъ насущный бьются,
Неся не благодарный трудъ,—

И тамъ вѣдь люди же живутъ?
Но такжель имъ спокойно спится?
Нѣтъ бѣдность тоже не легка,
Жестка постеля бѣдняка,
Да и во снѣ все бѣдность снится.
—Проснется ль утро,—ясный Фебъ
Озолотитъ востокъ зарею,
Бѣднякъ проснется той порою,
Но что добудетъ онъ на хлѣбъ?
Быть можетъ, съ жалкою семьею,
Ему придется голодать,
Иль рубище въ залогъ отдать!...

Нѣтъ, наша жизнь полна страданья,
Все не спокоенъ человѣкъ,
Спокоенъ тотъ, кто отжилъ вѣкъ,
Его не мучитъ ожиданье
Какъ день грядущій встрѣтитъ онъ,
Не слышитъ совѣсти онъ муки;
Лежитъ крестомъ сложивши руки
И не пробуденъ вѣчный сонъ.
Надъ нимъ въ часъ ночи безмятежной
Луна печальная взойдетъ,
И ива желобно и нѣжно
Пѣснь колыбельную споетъ.
Спокойно ближніе собраты
Лежатъ подъ сѣнію креста,
Чужда имъ міра суета.
Вотъ гдѣ крѣпчайшимъ сномъ объяты!...

*

Въ часъ утра солнышко взойдетъ,
Его восходъ никто не встрѣтитъ;
На жизнь тамъ жизнью не отвѣтятъ,—
Лишь только птичка запоетъ!...

СМОТРИТЕЛЬ.

(Очеркъ).

Въ восьмилѣтнюю мою службу, не замѣчательную впрочемъ по своему значенію, случалось мнѣ, однако, замѣчать многое. Служилъ я одно время по хозяйственной части вѣдомства министерства N... Другой, грѣхомъ, подумаетъ: «хлѣбное мѣсто», — а я, положа руку на сердце, скажу: «ни, ни!» не отъ того, чтобы я не искусился принять посильной благодарности (соблазнъ силенъ), но прямодушно скажу: не давали, тоже по незначительности моего мѣста. Вотъ секретарь нашъ, Петръ Лукичъ Закрученко,—это другая статья, личность знаменательная; а идоломъ всѣхъ подрядчиковъ и идеаломъ взяточничества былъ смотритель и командиръ служительской роты, отставной капитанъ Захватаевъ. Объ немъ-то и хочу я кое-что разсказать.

Мирно прошолъ Филиппъ Антонычъ Захватаевъ военное поприще; враги не тревожили нашу матушку

Русь извнѣ, одни внутренніе караулы, парады, разводы и отчасти волокитство занимало въ то время военныхъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, судьба, однако, сжалилась надъ капитаномъ, доставивъ ему случай сломать гдѣ-то ногу. Долго лечился Филиппъ Антонычъ, а, между тѣмъ, та-же судьба, въ лицѣ одного генерала, заботилась объ его будущности. Въ то время, какъ на одрѣ болѣзни стоналъ Захватаевъ, предмѣстникъ его, нашъ бывшій смотритель, разставался съ душою; а что странно, при жизни всѣ говорили о немъ, что онъ человѣкъ бездушный и еще кое-что... Тутъ-то поднялась у насъ кутерьма... и какая!... и Климъ Герасимовичъ и Антонъ Игнатьевичъ и... и... много ихъ было, такъ вотъ штурмомъ и лезли на смотрительское мѣсто.—Да и кто не пожелалъ-бы пріютиться—въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ?... А насмѣшница судьба всѣмъ натянула носъ и вывела храмающаго Филиппа Антоныча.

Помню, какъ впервые явился къ намъ Захватаевъ, человѣкъ такъ-себѣ, мизерный, ковыляя костылемъ и потряхивая капитанскими эполетами, какъ воробей въ холодное время крылышками. Такой онъ былъ тихій, застѣнчивый, какъ будто ангелъ во плоти. Наши канцелярскіе дипломаты уже заговорили: «ну, что это будетъ за смотритель!» — но ошиблись... Сошелся Филиппъ Антонычъ съ нашимъ секретаремъ, съ своимъ помощникомъ, даже очень дружелюбно обошелся съ вахтеромъ и фельдфебелемъ служительской роты— люди необходимые. Сдѣлавъ для людей значительныхъ обѣдъ, онъ достойнымъ образомъ вступилъ въ от-

правленіе своихъ обязанностей и на первыхъ же порахъ сталъ уже показывать свои способности.

Торги на ремонтное исправленіе и всякаго рода поставки назначались у насъ, обыкновенно, въ лѣтнее время; не смотря на это, наше присутственное мѣсто не могло однако похвалиться своею исправностью. У насъ заведено было такъ: назначутъ, бывало, освидѣтельствовать полы, такъ ужъ гнилыя половицы отыскиваются наизустъ, потому- что они заранѣе извѣстны. И пишетъ архитекторъ Карлъ Карловичъ Грумъ смѣту, а члены подписываютъ журналъ о настилкѣ половъ. Потомъ обратятъ вниманіе на наружность зданія, отковырнутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ штукатурку, опять смѣта и журналъ — и ну охорашивать зданіе. Такъ-какъ мѣсто наше было подвѣдомственное, то испрашивалось разрѣшеніе на производство и утвержденіе торговъ и начиналась съѣдающая время переписка.

По отпечатаніи объявленія о вызовѣ къ торгамъ, соберутся, бывало, представители нашей ремесленной дѣятельности—бородки. Между ними какъ вьюнъ увивается прежній подрядчикъ, охорашивая клинообразную бороду и отверзая медоточивыя уста, онъ не забывалъ спросить у Ѳедулыча о сожительницѣ, у Силантьича о дѣтищахъ и оттащить того и другаго къ сторонкѣ ради коммерческой стачки,

— Силантьичъ, отецъ родной, не нагрѣвай!

— А што?

— Да такъ, почтеннѣйшій, почествуемся,—и рука

прежняго подрядчика инстинктивно достаетъ бумажникъ.

— Маловато, судырь мой, чай ремонція-то изрядная! Посмотри-ка въ кондиціи, да въ смѣтку...

— Не по тебѣ, Силантьичъ, свяжутъ! ей, ей свяжутъ!

— Да что-же ты такъ привязался къ ремонціи-то.

— Да я ужь тово...

— Гм... промычитъ бывало Силантьичъ и подобные ему—и дѣло слажено.

Начнется торгъ, тамъ переторжка и окончится вся эта кукольная комедія въ живыхъ лицахъ, и самодовольно охорашиваетъ свою клинообразную бородку счастливый подрядчикъ. По смѣтѣ, напримѣръ, ремонтное исправленіе обойдется въ 5 т. руб., сбросятъ 20% и дѣло въ шляпѣ: подрядчикъ въ барышѣ, торгующіеся угощены и съ калымомъ; смотритель и архитекторъ задарены—первый ни на что не смотритъ, а послѣдній дальше своихъ очковъ не видитъ! Снесутся съ высшимъ начальствомъ и ждутъ, пока оно признаетъ цѣны выгодными и пришлетъ въ разрѣшеніе предписаніе, а между тѣмъ на дворѣ сентябрь и дождливая погода, — тогда-то начинаютъ и штукатурить и красить.

Какъ духъ, отверженный небомъ и землей, носится въ пресловутой койкѣ мужикъ-маляръ вдоль стѣнъ зданія: и закрашиваетъ и замазываетъ онъ язвы, а усердный дождь смываетъ вохру... Пройдетъ мимо хорошій хозяинъ, посмотритъ, пожметъ плечами и усмѣхнется. Что же касается половъ—половицъ пять

гнилыхъ замѣнятъ новыми и ремонтное исправленіе окончено, освидѣтельствовано и зданіе приведено въ надлежащій порядокъ.

— Эге, молодецъ, не промахъ парень!—говорятъ, бывало, канцелярскіе дипломаты, а у Филиппа Антоныча появился конь и экипажъ, появилось солидное брюшко, а на лицѣ выразилось собственное самосознаніе. Каретникъ и шорникъ Гужевъ, сваривая шины и перебивая подушки на старыхъ курьерскихъ телѣжкахъ, бивши челомъ его высокоблагородію, подарилъ сани... Экономъ былъ Филиппъ Антонычъ во всѣхъ статьяхъ. Вотъ хоть-бы поставка дровъ, примѣрно тысячи три сажень, ну, какъ тутъ не по экономить, т. е. не погрѣть себѣ руки!... Требуются обыкновенно дрова березовыя, одно-поленныя и не подмокшія... И поѣдетъ, бывало, Филиппъ Антонычъ къ извѣстнымъ поставщикамъ, этакъ, хоть къ Тихону Еловому, на томъ основаніи—нельзя-де не позаботиться объ интересахъ казны.

— Ну, что Тихонъ Калинычъ, какъ у васъ дрова?

— Плохо, сударь, ваше высокоблагородіе, жгутся!

— А отъ чего-бы?

— Да видишь, ваше высокоблагородіе, въ Ладожскомъ -о каналѣ мелководье, барки-то и остановились... Да вамъ какихъ? чай со всячиной! — прибавитъ лукавый купчина.

— Гмъ! чистыхъ березовыхъ, однополенныхъ.... раздумывая и протяжно прошепелявитъ Филиппъ Антонычъ.

— По кондиціи-то?

— Да!...

— Да вѣдь, ваше высокоблагородіе, можно и тово... со всячинкой?... а залежалые есть...

— Цѣны-то, цѣпы-то, Калинычъ, нужно по снесть.

— Да ужь въ эвтомъ, ваше высокоблагородіе, не сумлѣвайтесь, дрова-то хошь по нынѣшнимъ временамъ и дорогеньки... мы уже и стакнулись по чемъ пускать... да ужь и вашу-то милость нельзя не уважить... Такъ вы ужь только позаботьтесь составленіемъ торговъ, да признаніемъ цѣнъ-то высокими, а ужь со мной сойдемся, поставку выполнимъ хозяйственнымъ образомъ... Ни вамъ, ни мнѣ не будетъ убыточно.

— Ну, и ладно... по рукамъ, Калинычъ!...

— А на счетъ кладки я приставлю надежнаго человѣка, молодецъ, каналья: изъ 2-хъ саженей выложитъ три...

Состоится, бывало, поставка и выставятъ дрова, снаружи — заглядѣнье!... береза, чистая береза! а внутри? Ну, да у насъ объ этомъ мало заботились, у насъ, какъ во многихъ библіотекахъ, были-бы хороши обертки на книгахъ, а о содержаніи не заботятся... Такъ и съ дровами: освидѣтельствуютъ, бывало, лицевую сторону и одобрятъ...

Отпускалось въ наше мѣсто около 300 руб. сер. на медикаменты для поданія скорѣйшей помощи заболѣвающимъ чиновникамъ и сторожамъ, цѣль-то, какъ видите, прекрасная, да исполненіе не соотвѣтствовало цѣли, а деньги выводились въ расходъ.—Гдѣ бѣдному чиновнику лечиться дома, въ сырой и нетоплен-

ной квартирѣ; какую ему держать діету, когда нужда, безъ прописанія доктора, часто сажаетъ его на самую строгую, по неволѣ уходитъ въ больницу, тамъ хотя и не сыто кормятъ, но за то въ теплѣ. А у насъ, бывало, выведутъ: для поданія первоначальной помощи, до отправленія въ больницу, употреблено на медикаменты чиновнику Жохову столько-то — и дѣло свято.

А о сторожахъ и говорить нечего: такъ-какъ они вольнонаемные, то, въ случаѣ болѣзни, выдадутъ паспортъ, отберутъ аммуницію и отпустятъ въ чемъ попало, а въ утѣшеніе прибавятъ: выздоровѣешь-де, приходи вновь, опредѣлимъ. Между тѣмъ фельдфебелю это и на руку, къ нему тотъ-часъ являются канкидаты изъ отставныхъ служивыхъ, и онъ за посильную благодарность рекомендуетъ его высокоблагородію новичка. А такихъ перемѣнъ въ году случается довольно. Впрочемъ до этой статьи доходовъ Филиппъ Антонычъ не касался, по той логической истинѣ: гдѣ хлѣбъ ломаютъ, тамъ и крошки сыплются.

Тонкій былъ механикъ Филиппъ Антонычъ, такая была свѣдущая натура, изъ всего выжималъ выгоды, и изъ освѣтительныхъ матеріаловъ и изъ курьерской конюшни, въ которой до 22-хъ лошадей; вѣдь имъ нуженъ фуражъ—овесъ, сѣно, солома; имъ нужны медикаменты, ветеринаръ; лошади хотя и скоты, но такъ-же заболѣваютъ. И мѣняютъ бывало, клячу на клячу; при этомъ ветеринаръ—безсловесное существо, его было дѣло только придумать болѣзни, и какихъ болѣзней не выдумаютъ: и мокрицу, и сапъ, и нога-

ми-то разбита, и чего-чего, благо лошади молчаливы... Зато, бывало, посмотришь на семейный бытъ Филиппа Антоныча—заглядѣнье: мебель отличная, дѣти одѣты какъ куколки; гувернантка француженка; жена одѣта въ шелкъ и бархатъ, да къ ней Филиппъ Антонычъ въ послѣднее время былъ какъ-то холоденъ; за то горничныя пользовались его благоволеніемъ, а въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ особенный вкусъ, почему я и не описываю ихъ благолѣпія. Столъ держалъ онъ превосходный, вина хорошія, чего еще нужно для блага человѣческаго?...

Прослуживъ нѣкоторое время по хозяйственной части и вдоволь насмотрѣвшись на особу Филиппа Антоныча, я пріискалъ себѣ другое мѣсто. Случилось мнѣ однако черезъ нѣсколько лѣтъ навѣстить мѣсто прежняго моего служенія, и вновь увидѣть Филиппа Антоновича; такъ переполнило его счастіе, что я съ трудомъ призналъ въ немъ жиденькаго капитана Захватаева.

СИРОТА.

Въ кругу всеобщаго движенья,
Среди надежды и сомнѣнья
Промчалась молодость моя; —
Осталось только сожалѣнье
Объ этихъ промелькнувшихъ дняхъ,
Измѣнахъ, радостяхъ, друзьяхъ!
И раздружившися съ мечтою
Гляжу на міръ я сиротою.

Любовь, мечталъ я, чудный даръ,
И полюбилъ тогда впервые;
Ей все отдалъ и чувства жаръ
И всѣ восторги огневые,
Она была—какъ сладкій сонъ
И такъ обманчива—какъ онъ!...
И раздружившися съ мечтою
Взглянулъ впервые сиротою.

Не вѣря въ вѣрность и любовь,
Предался жизни наслажденьямъ,
Среди пировъ, я мыслилъ вновь
Забуду все.... И заблужденьямъ
Казалось не было конца!...
Спустивъ имѣніе отца
И подружившись съ нищетою,
Въ нуждѣ остался сиротою.

При бѣдности припомнилъ я
Друзей, со мной дѣлившихъ счастье,
Подумалъ: кто какъ не друзья
Окажутъ теплое участье?...
Толкался долго въ ихъ дверяхъ
И разувѣрился въ друзьяхъ!
Придавленъ бѣдствій тяготою
Тогда сталъ полнымъ сиротою.

Такъ разувѣрившись во всемъ
И затаивъ души страданья,
Какъ всѣ пошелъ кривымъ путемъ
Обмана и любостяжанья.
Въ порывахъ сердца недвижимъ,
Сталъ нѣмъ къ страданіямъ чужимъ,
Все доброе назвавъ мечтою,
Я сталъ бездушнымъ сиротою!

ИГРОКЪ.

Жизнь безъ утѣхъ и наслажденій,
Къ тому-жъ,—при тощемъ кошелькѣ,
Рождаетъ много затрудненій
И только лишь ведетъ къ тоскѣ.

Такъ отъ чегожъ подъ часъ, порою,
И не потѣшиться игрою?
Не лучше ли на жизнь взирать
Съ веселой точки?... и играть!

Все смертно Божіе созданье,
Безсмертна вѣчность лишь Творца!
А доля смертнаго—страданье
Съ начала жизни до конца.

Такъ отъ чего-жъ подъ часъ, порою
Не позабавиться игрою?
Не лучше ли на жизнь взирать
Съ веселой точки?... и играть!

Есть капиталъ—дары природы:
Здоровье, младость и душа,
Но безъ гроша и въ эти годы
Жизнь не бываетъ хороша.

Такъ отъ чего жъ подъ часъ, порою
И не потѣшиться игрою?
Не лучше ли на жизнь взирать
Съ веселой точки?... и играть!

Къ чему здоровье? Есть больницы,—
Поправятъ кое-какъ изъянъ!
Къ чему и младость? Есть же лица,—
Цвѣтутъ при помощи румянъ.

Такъ отъ чего-жъ подъ часъ, порою
Не позабавиться игрою?
Не лучше ли на жизнь взирать
Съ веселой точки?... и играть!

Все промелькнетъ!... и всѣ утраты,
И всѣ житейскія волненья,
На жертву кинутся забвенью....
Тогда не нужно будетъ злата.

Такъ отъ чего-жъ подъ часъ, порою
И не потѣшиться игрою!
Не намъ уже на жизнь взирать
Иначе, . . . не играть!

ГОЛУБЧИКЪ.

(Физіологическій очеркъ).

Дѣла давно минувшихъ дней....
Пушкинъ

I.

Жилъ онъ въ одной изъ нашихъ отдаленныхъ улицъ, гдѣ, начиная съ пѣшеходныхъ мостиковъ, до строеній, все дышало страшною бѣдностію, даже нищетою. Прозывался онъ Сергѣемъ Петровичемъ Жилкинымъ, имѣлъ званіе благороднаго человѣка и хотя не получилъ фундаментальнаго образованія, за то въ изученіи практической жизни, былъ-ухъ какъ опытенъ! — Онъ зналъ нѣсколько французскихъ и нѣмецкихъ фразъ; умѣлъ взять нѣсколько акордовъ на гитарѣ и фортопьяно; безъошибочно могъ опредѣлить и различить личное я,—отъ постороннихъ; и довольно правильно спрягалъ и измѣнялъ глаголъ: «пріобрѣтать».

Въ женскомъ кругу, онъ слылъ за человѣка милаго и любезнаго, но угнетеннаго судьбою; въ мужскомъ—за артиста и bon vivan'a, а если кто сходился съ нимъ на болѣе короткую ногу, то въ скоромъ времени открывалъ въ немъ страшнаго пройдоху, или просто бестію. Я обыкновенно называлъ его: «голубчикъ!»

Да и какъ шло къ нему это милое названіе. Онъ былъ невысокаго роста, съ прекраснымъ лицомъ, карими глазами, съ чуднымъ мелодическимъ голосомъ, который такъ и лился къ вамъ въ душу, и съ самыми граціозными и утонченными манерами.

Квартировалъ онъ у Олимпіады Васильевны Любомирской, занимая у нее небольшую комнатку не только со столомъ, но даже и съ освѣщеніемъ. Олимпіада Васильевна постоянно была въ восторгѣ отъ своего квартиранта и до такой степени сочувствовала его добротѣ сердечной, что не смотря даже на свои небольшія средства, никогда не спрашивала у него платы за квартиру.

Утромъ вставалъ онъ всегда въ одинаковое время, около восьми часовъ, вставши, имѣлъ обыкновеніе, прежде всего, свидѣтельствовать свое почтеніе висѣвшему передъ его диваномъ зеркалу и иногда предлагалъ ему слѣдующіе вопросы: «что это, кажется, около этого глаза начинаетъ морщиться?» или «какая право досада! отчего это сегодня въ моей физіономіи выраженіе—одного только умиленія, а не преданности,» — и потомъ изъ всѣхъ силъ старался придать себѣ это выраженіе! Наконецъ порисовавшись вдоволь

передъ зеркаломъ, онъ отправлялся здороваться съ Олимпіадой Васильевной, которая, съ своей стороны, встрѣчала его всегда самою плѣнительною улыбкою.

Хаживалъ онъ прежде на службу въ какое то судебное мѣсто, да начальство не вполнѣ оцѣнило его способности, — почему вскорѣ и промѣнялъ онъ свое безпокойное служебное поприще, на болѣе спокойную независимую жизнь.

По утрамъ занимался онъ авдокатурою и, съ особенною смѣтливостію, умѣлъ дать тяжещемуся наиполезнѣйшій, для себя, совѣтъ, ни въ чемъ не уступать противной сторонѣ; составлялъ довольно гладкимъ слогомъ докладныя записки, прошенія, и все это—за самое умѣренное вознагражденіе.

Въ полдень отправлялся дѣлать proménade, на какую нибудь изъ главныхъ улицъ, при этомъ выходя изъ дому весьма внимательно раскланивался съ дворникомъ, а отошедши нѣсколько отъ дому, иногда подзывалъ къ себѣ извощика и сладенькимъ голоскомъ заводилъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Что вы свезете меня въ Морскую?

— Изволь баринъ! говорилъ извощикъ, нерѣдко озадаченный такимъ вѣжливымъ и приличнымъ тономъ.

— А сколько вы за это съ меня возьмете? спрашивалъ онъ снова.

Извощикъ частенько уже безъ ряду, усаживалъ къ себѣ такого ласковаго, добраго барина, предоставляя плату на его добрую волю, и ѣхалъ добрый баринъ на услужливомъ ванькѣ, продолжая изрѣдко обращаться къ нему съ отрывочными восклицаніями: — «Какъ

*

вы жестоко обращаетесь съ вашею лошадью;... она и безъ понужденія бѣжить хорошосъ;... вотъ тутъ, при поворотѣ;... прошу васъ осторожнѣе,...» Или,— «вы прекрасно везете,... не Ярославской ли вы губерніи?... имѣете вѣроятно жену?» и т. д. Подобный шутливый тонъ нерѣдко обозначалъ въ немъ душевное довольство и карманное благосостояніе; въ противномъ же случаѣ, онъ чаще всего безмолвствовалъ, держалъ себя надмѣнно и если совершалъ куда нибудь поѣздку, то часто оставлялъ своего возницу у проходныхъ воротъ, куда и скрывался невозвратно.

Послѣ прогулки онъ аккуратно являлся домой къ обѣду. Страстно глядѣлъ въ очи Олимпіады Васильевны, нашоптывалъ ей разныя нѣжности, уморительно описывалъ замѣченные имъ, во время прогулки, костюмы, съ восхищеніемъ отзывался о прекрасномъ изготовленіи ею блюдъ и наконецъ умаявшись отъ всѣхъ подобныхъ треволненій, отправлялся къ себѣ на покой и часа на два предавался въ объятія Морфея.

И какую имѣлъ онъ во всемъ аккуратность:—сказано и сдѣлано, и сдѣлано какъ сказано, вотъ что было всегдашнимъ его девизомъ, — мудрено ли, что послѣ всего этого и сама Олимпіада Васильевна не могла не заразиться такою его исправностію и безусловно не подчиниться ему во всемъ.

Послѣ обѣденнаго отдыха, онъ, или оставался дома и занимался преимущественно чтеніемъ полицейскихъ вѣдомостей, или, если находилъ то необходимымъ, отправлялся, конечно незваннымъ, куда нибудь на холостой карточный вечеръ и тутъ то иногда по-

казывалъ всѣ способности своей геніальной души. — Исчезалъ ли, напримѣръ, со стола съ деньгами кошелекъ, онъ всегда первымъ оказывался на подозрѣніи, но первый же и принималъ участіе въ розыскѣ утраченной вещи и,... его оставляли въ покоѣ. Случалось потомъ, что видѣли у него эту вещь — и деликатно замѣчали: «что это у васъ какъ будто знакомый кошелекъ?»—«Это!... да.... мнѣ знакомая барышня связала.... не хороша нынѣче погода,» прехладнокровно отвѣчалъ онъ. Даже при самомъ положительномъ обличеніи его въ какомъ нибудь черненькомъ поступкѣ, спокойствіе духа не оставляло его; всегда съ удивительною стойкостію ретировался онъ отъ всего,—обращаясь съ самою тонкою предупредительностію къ преслѣдовавшимъ его людямъ. Чаще всего при подобныхъ случаяхъ, онъ, какъ будто ничего не замѣчая, наводилъ разговоръ о какомъ нибудь Баронѣ Павлѣ, лучшемъ своемъ другѣ и пріятелѣ, съ которымъ каждый годъ собирался ѣхать заграницу, разсказывалъ про него какую нибудь забавную исторійку, не забывая при этомъ упомянуть о его достаткѣ, знатномъ происхожденіи и связяхъ, не упоминая однако никогда настоящей его фамиліи; и по прежнему насильно почти втирался въ порядочное общество, шутилъ, острилъ, занималъ всѣхъ, но при всемъ томъ никогда не измѣнялъ той горделивой и статной осанки, которою такъ искусно маскировался въ порядочныхъ кругахъ и въ серьозныхъ дѣлахъ и вообще вездѣ, велъ себя такъ, что невольно заставлялъ удерживаться каждаго — отъ произнесенія надъ

нимъ окончательнаго приговора, отказать ему отъ дома.

II.

Давно я потерялъ изъ виду моего «голубчика,» давно уже не встрѣчалъ его на холостыхъ вечеринкахъ, давно впрочемъ и самъ, сдѣлавшись семьяниномъ, пересталъ посѣщать ихъ. Какъ вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ однажды изъ г. Н* мой старый другъ и однокашникъ. Мы съ нимъ лѣтъ десять не видались. Ну слово за слово, о томъ-о-семъ, наговорились вдоволь и не замѣтно перешли къ воспоминанію о прежнихъ холостыхъ годахъ.

— «А помнишь Жилкина?» спросилъ меня пріятель.

— Голубчика то?... какъ не помнить, гдѣ онъ теперь? какъ поживаетъ?

— Уже свершилъ свой путь!... Представь, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ поступилъ къ намъ въ N* смотрителемъ больницы, да какъ было и зажилъ!... домкомъ, женою обзавелся, былъ вхожъ во всѣ лучшія дома,—да вотъ въ позапрошедшемъ году захворалъ!... полежалъ, полежалъ, — да и умеръ.

— Вотъ какъ! Смотрителемъ у васъ больничнымъ былъ, не безъ любопытства повторилъ я.

— Какъ же былъ, былъ и даже послѣ своей послѣдней продѣлки здѣсь, велъ себя препорядочно!

— Какой продѣлки?

— Да! вѣдь ты въ то время былъ въ отъѣздѣ и вѣроятно не знаешъ о ней?

— Ахъ! сдѣлай милость разскажи, я такъ всегда имъ интересовался.

И мой пріятель передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ о Жилкинѣ:

Дѣло было зимою. Шелъ однажды Жилкинъ по Невскому проспекту; погода была хорошая, легенькій морозъ не заставлялъ прогуливающихъ ежиться и кутаться въ шубы, напротивъ большинство гуляющихъ шло медленнымъ шагомъ, ни куда не торопясь, ни о чемъ не думая. Вдругъ поразилъ Жилкина прекрасный профиль одной изъ дамъ, одѣтой довольно изысканно и по видимому принадлежащей къ хорошему обществу. Жилкинъ нѣсколько разъ опережалъ ее, всматривался въ ея прекрасное личико, разрумяненное легкимъ морозцемъ и такъ изящно обрамленное черною бархатною шляпкою. Прекрасная незнакомка разумѣется не обращала на это никакого вниманія, не смотря даже и на то, что онъ шолъ почти по ея слѣдамъ, останавливался около тѣхъ магазиновъ, у которыхъ останавливалась она и наконецъ даже вошелъ за нею въ магазинъ одного изъ лучшихъ часовыхъ дѣлъ мастера. Дама вынула дорогіе часы, которыхъ стоимость Жилкинъ тотъ часъ же умѣлъ опредѣлить и его уже не такъ интересовала сама незнакомка, какъ ея часы.

— Возьметесь ли вы исправить мои часы и вставить выпавшій камень не позже какъ къ восьми часамъ вечера? спросила дама у часоваго мастера.

Внимательно разсматривая часы, мастеръ по видимому сомнѣвался въ возможности окончить заказъ къ сказанному времени. Жилкинъ тоже всматривался. У него созрѣвала уже геніальная мысль и наконецъ, не вытерпѣвъ, онъ вмѣшался въ разговоръ.

— Помилуйте какъ не окончить этого мастеру, считающемуся однимъ изъ лучшихъ въ столицѣ! Вы рискуете своею репутаціею.

Тутъ дама какъ то странно посмотрѣла на Жилкина, на лицѣ котораго сохранилось между тѣмъ невозмутимое спокойствіе.

— Какъ же! я дорожу своей репутаціей, замѣтилъ мастеръ, потому то и стараюсь выполнять заказы добросовѣстно.

— Въ этомъ публика пока не сомнѣвается, развязно замѣтилъ Жилкинъ.

Наконецъ мастеръ согласился.... и дама осталась даже довольна вмѣшательствомъ незнакомца, а магазинщикъ уже видѣлъ въ Жилкинѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ мужа или брата посѣтительницы.

— И такъ надѣюсь, что къ назначенному времени часы будутъ готовы, проговорила дама и отправилась къ дверямъ, которыя предупредительный Жилкинъ держалъ уже полурастворенными. Дама и Жилкинъ скрылись.

Жилкинъ долго еще послѣ этого прогуливался по Невскому, мечталъ о золотыхъ часахъ и пріискивалъ

способъ къ завладѣнію ими; въ то время онъ нуждался въ деньгахъ, наконецъ остановился на мысли предупредить незнакомку, заплатить за поправку часовъ слѣдующія деньги и овладѣть такимъ образомъ часами. Сообразивъ все это онъ отправился къ одному извѣстному ростовщику, за порядочные проценты занялъ нужныя, по его соображенію, на эту операцію деньги, и помечтавъ еще нѣсколько времени о суетѣ міра сего, совершенно довольный, возвратился домой.

Въ семь часовъ вечера, съ шумомъ остановилась карета, предъ магазиномъ часовыхъ дѣлъ мастера, изъ нея выскочилъ предпріимчивый Жилкинъ; важно вошелъ онъ въ магазинъ, небрежно поклонился хозяину и спросилъ:

— А что часы готовы?

— Помилуйте еще нѣтъ восьми часовъ, поспѣшилъ отвѣтить хозяинъ.

— Досадно,... какъ бы про себя заговорилъ Жилкинъ,... какая Маrіе не терпѣливая.... покрайней мѣрѣ могу ли я ихъ получить въ скоромъ времени? сказалъ онъ громко, обращаясь къ мастеру.

— Посидите я сейчасъ узнаю — и часовщикъ вышелъ въ мастерскую.

Тутъ Жилкинъ закурилъ папироску, развалился на диванѣ, не забывая однакожъ посматривать на двери магазина, чтобы, при неудачѣ, можно было счастливо ретироваться. Но счастіе служило ему; черезъ нѣсколько минутъ часы были вручены Жилкину, — за что тотъ честнымъ образомъ заплатилъ что слѣдовало, не позабывъ между прочимъ сказать:

— Ну теперь Marie будетъ мною довольна! теперь ничто не задержитъ ее ѣхать къ кузинѣ Блиндиной и во время поспѣть съ нею въ театръ. За тѣмъ онъ раскланялся съ хозяиномъ и былъ таковъ.

Не прошло и получаса послѣ отъѣзда Жилкина. какъ къ дверямъ магазина подъѣхалъ вновь экипажъ и въ магазинѣ появилась прекрасная незнакомка.

— Часы готовы? спросила она часовщика, входя въ магазинъ.

Мастеръ отъ изумленія не нашелся даже что и отвѣчать.

— Какъ-же.... какъ-же.... наконецъ проговорилъ онъ,—я отдалъ ихъ вашему супругу; который утромъ былъ съ вами, они заплатили мнѣ деньги и весьма остались довольны моею исправностію.

— Какому супругу? спросила въ свою очередь изумленная незнакомка.

— Ну такъ братцу или ужъ не знаю, какъ онъ вамъ приходится, проговорилъ запинаясь хозяинъ.

— Вы смѣетесь? холодно, и съ худо скрытою досадою проговорила дама.

— Помилуйте я!... я!... смѣю ли я смѣяться,... заговорилъ растерявшійся хозяинъ.

— Такъ берегитесь, чтобъ не пришлось вамъ за это поплатиться!... Отдать часы какому-то встрѣчному человѣку!... и въ довершеніе всего наговорить мнѣ дерзости.... Можно же вамъ другой разъ поручать заказы!

И разсерженная дама, не найдя нужнымъ продолжать дальнѣйшія объясненія, хлопнувъ дверьми, оставила магазинъ.

Въ тотъ же вечеръ въ часть поступило отъ полковника Р... объясненіе объ утратѣ мастеромъ Шлике золотыхъ дамскихъ часовъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. И въ тотъ же вечеръ принялись теребить Шлике. Запуганный нѣмецъ не зналъ, что дѣлать, путался въ показаніяхъ, конечно все это стоило ему не однихъ часовъ; въ то время Лука Сидоровичъ не только самъ обзавелся анкерными, но даже двухъ племянниковъ своихъ надѣлилъ таковыми же — кромѣ того со Шлике еще были взысканы деньги по стоимости пропавшихъ часовъ; они хранились въ части до открытія виновнаго, къ розысканію котораго, какъ обыкновенно у насъ говорится, въ каждомъ рѣшеніи, приняты дѣятельныя мѣры.

—«Казалось бы все должно быть шито и крыто, такъ продолжалъ мой разскащикъ, но судьба готовила Жилкину еще сюрпризъ.»—

Спустя нѣсколько времени послѣ пріобрѣтенія имъ часовъ, въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ дней, которые сначала бываютъ такъ отрадны, а потомъ такъ мучительны, особенно для поставляющихъ себѣ въ непремѣнную обязанность, расфрантившись елико-возможно, показываться на часъ или на два въ центрѣ нашихъ главныхъ улицъ, Жилкинъ тоже прогуливался по Невскому съ своего рода опредѣленными на сей предметъ цѣлями.

Погода была, по выраженію многихъ гуляющихъ, превосходная, мѣстами непротоптанный снѣгъ горѣлъ изумрудами, морозъ, смягчаемый ласковымъ взглядомъ солнышка, готовъ былъ превратиться въ оттепель и

уже изъ водоточныхъ трубъ и съ крышъ, начинало медленно капать. Время приближалось къ полудню; различные типы модныхъ дамъ и джентельменовъ, довольно густыми группами начинали появляться послѣ утренняго кейфа. Наступалъ тотъ завѣтный часъ прогулокъ по Невскому проспекту, въ который иногда урывкою покажется изъ какого нибудь департамента и труженикъ чиновникъ, чтобы насладиться, хотя нѣсколько минутъ, не пропитаннымъ подчиненностью воздухомъ и посмотрѣть на счастливыхъ, свободныхъ гулякъ, неимѣющихъ ни начальниковъ отдѣленій, ни директоровъ, ни другихъ кумировъ канцелярскаго міра,— день изъ такихъ, въ которые Сережа Жилкинъ, особенно какъ-то воодушевлялся наблюденіемъ нравовъ и обычаевъ Петербургскихъ обитателей, но на этотъ разъ Жилкинъ не могъ извлечь для себя никакихъ положительныхъ результатовъ изъ своей прогулки. Погода вскорѣ изъ ясной превратилась въ сумрачную, снѣгъ самымъ нецеремоннымъ образомъ мокрыми хлопьями падалъ на пышные наряды гуляющихъ и на тротуарахъ подъ ногами ихъ въ самомъ скоромъ времени образовалась слякоть. Вездѣ только и слышались однѣ плачевныя сѣтованія на такую быструю перемѣну погоды.

«О mon Dieu! какъ не кстати я обновила мой бархатный бурнусъ,» пискливо стонала своему спутнику какое-то эфемерное существо.

«Ну на что это похоже! съ досадою говорилъ улепетывая франтъ со стеклышкомъ, опять мой крашеный боберъ попалъ подъ снѣгъ.»

— O diable m'importe, чуть не кричалъ какой то, по видимому сановитый селадонъ, съ спутницею неопредѣленнаго званія, опять покупай тебѣ новую шляпку, да я на тебя просто раззорюсь.

Жилкинъ долженъ былъ также позаботиться о спасеніи своей единственной франтовской пары платья, и потому завернулъ въ первый ближайшій кафе-ресторанъ. Тамъ онъ сначала занялся просмотромъ различныхъ журналовъ, потомъ замѣтивъ довольно большое стеченіе загнанныхъ непогодою матушкиныхъ сынковъ, рѣшился спросить себѣ нѣчто болѣе питательное, не смотря на то, что не имѣлъ въ своемъ карманѣ ни одного пятачка. Впрочемъ вообще онъ рѣдко вѣдь когда расплачивался за подобныя мелочи, развѣ ужъ только при крайней необходимости. На этотъ же разъ и тутъ ему не посчастливилось: только что онъ собрался оставить занимаемый имъ постъ и юркнуть незамѣченнымъ къ выходу, какъ предъ нимъ предстала худощавая фигура кандитерскаго прислужника.

«Позвольтесъ! Вы позабыли разсчитаться.»

Жилкину приходилось на этотъ разъ какъ-то особенно не ловко, но находчивость и хладнокровіе всегда выручали его въ подобныхъ случаяхъ.

— Ты говоришь не разсчитался? проговорилъ онъ быстро, да я для этого и иду къ твоему хозяину... и скажу ему, чтобы онъ подобныхъ тебѣ негодяевъ не держалъ у себя въ услуженіи!....

Тутъ Жилкинъ отправился прямо въ буфетъ; слуга съ изумленіемъ молча сопровождалъ его.

Съ чувствомъ собственнаго достоинства Жилкинъ

выразилъ кандитеру свое неудовольствіе, на счетъ его прислуги, а также и то, что онъ вотъ уже около четверти часа ждетъ и не можетъ получить слѣдующей ему сдачи съ данной имъ трехъ-рублевой бумажки, и что онъ наконецъ никакъ не могъ предполагать, чтобы изъ такихъ пустяковъ могъ получить въ его кандитерской, столь славящейся,—такія непріятности.

При такомъ объясненіи Жилкина, слуга уже совершенно вытаращилъ на него глаза.

— Ну посмотрите, что эта за глупая фигура, продолжалъ Жилкинъ, вѣдь онъ не только не годится быть у васъ въ услуженіи, но даже я не рѣшился бы взять его къ себѣ въ домъ дворникомъ.

Однако глупая фигура, послѣ такого отзыва, вдругъ оживилась и приняла съ своей стороны охранительныя мѣры.

Но Жилкинъ стоическіи утверждалъ, что ему слѣдуетъ получить съ трехъ-рублевой бумажки сдачу и наконецъ, доведя по этому случаю свое краснорѣчіе до nec plus ultra, поставилъ кандитера въ необходимость разсчитаться съ нимъ.

Между тѣмъ въ это время новая вошедшая пара покупателей обратила особое вниманіе на ораторствовавшаго Жилкина. Вошедшая пара заключала въ себѣ интересную дамочку, у которой Жилкинъ такъ искусно поттибрилъ часики и почтеннаго ея супруга, въ особѣ тучнаго полковника Р....

Дамочка вѣроятно имѣла весьма хорошую память, потому-что взглянувъ на оратора, тотчасъ-же узнала

въ немъ своего знакомаго-незнакомца, встрѣтившагося съ нею у часовыхъ дѣлъ мастера и тотчасъ же сообщила свои замѣчанія мужу.

Полковникъ, какъ человѣкъ военный, должно быть любилъ всегда въ этихъ случаяхъ дѣйствовать скоро рѣшительно, а потому еще во время спора Жилкина у буфета, распорядился послать за двумя блюстителями порядка, и лишь только Жилкинъ, благополучно покончивъ съ кандитеромъ, хотѣлъ ретироваться къ выходу, какъ увидѣлъ въ фигурѣ полковника Р... новую преграду, а въ двухъ явившихся конвойныхъ, неожиданныхъ провожатыхъ.

Жилкинъ сначала было заерщился, да полковникъ Р... изволилъ представительно замѣтить блюстителямъ порядка, чтобы они брали Жилкина безъ всякаго разсужденія и что онъ всю отвѣтственность такого казуса беретъ на себя, а герой нашъ видя, что сопротивленіе въ этомъ случаѣ безполезно, безпрекословно отдался подъ предложенное покровительство двухъ охранителей.

Въ тотъ же вечеръ препроводили Жилкина въ мѣстную часть и въ тотъ же вечеръ явился туда полковникъ Р.... такой крутой, горячій, ну настоящій военный! Топаетъ ногами, шумитъ, кричитъ.... Потребовали изъ арестантской Жилкина, входитъ онъ такъ тихо, скромно, водой не замутитъ, а полковникъ-то какъ напустится на него:

— Ну что ты бездѣльникъ, бродяга! отопрешься? ну что скажешь, что-о? не ты укралъ часы?

Стоитъ Жилкинъ какъ праведникъ и даже глазомъ не мигнетъ, да вдругъ обратившись къ приставу говоритъ:

— Господинъ приставъ, такъ какъ я не изобличенъ еще въ преступленіи, то спросите полковника, на какомъ основаніи онъ оскорбляетъ въ моемъ лицѣ, званіе благороднаго человѣка?

— Ты!... мошенникъ!... ты благородный человѣкъ! выходя изъ себя закричалъ полковникъ.

Тутъ Жилкинъ обратился къ присутствующимъ:

—«Господа вы слышите?....»

Приставъ при этомъ случаѣ замѣтилъ полковнику Р..., что подобныя выраженія не допускаются!

— Какъ! я! заслуженный полковникъ не могу назвать вора надлежащимъ именемъ.

— Не можете; вы должны доказать его виновность и онъ будетъ судимъ по законамъ, замѣтилъ приставъ.

Полковникъ закусилъ губы и началъ писать объясненіе, въ которомъ, между прочимъ, показалъ, что прогуливаясь такого то числа съ женою, онъ вошелъ въ кандитерскую и тамъ по указанію ея приказалъ арестовать неизвѣстнаго ему человѣка, обвиненнаго въ похищеніи принадлежащихъ ей золотыхъ часовъ отданныхъ для исправленія часовыхъ дѣлъ мастеру Шликe.—Тутъ написалъ онъ и о долгѣ и о благородствѣ, что къ дѣлу совершенно не шло. Потребовали и отъ Жилкина объясненіе и о! геніальный человѣкъ! какъ онъ съумѣлъ всего коснуться! Вотъ его объясненіе:

Онъ, такой-то, находясь такого-то числа въ кандитерской П., по приказанію неизвѣстнаго ему офицера, который впослѣдствіи оказался полковникомъ Р..., былъ взятъ и отправленъ въ мѣстную часть, безъ всякаго къ тому со стороны его, Жилкина, повода, и кромѣ публичнаго оскорбленія, нанесеннаго его честному имени, подозрѣніемъ въ покражѣ какихъ то часовъ, въ настоящее время въ присутствіи пристава и другихъ лицъ неоднократно былъ названъ полковникомъ Р... бездѣльникомъ, мошенникомъ и другими оскорбительными, для благороднаго человѣка, названіями и потому онъ, Жилкинъ, требуетъ за таковой поступокъ законнаго удовлетворенія. Дѣло пошло обыкновеннымъ слѣдственнымъ порядкомъ. Потребовали Шлике, сдѣлали ему съ Жилкинымъ очную ставку, на которой онъ оказалъ стоическое хладнокровіе. По неимѣнію, въ похищеніи часовъ законнаго числа свидѣтелей, по неотысканію другихъ уликъ, и такъ-какъ, при повальномъ обыскѣ, поведеніе Жилкина было одобрено,—то отъ суда его и освободили.

Послѣ этого принялся уже Жилкинъ за полковника Р..., его жену и мастера Шлике. Подалъ въ судъ на нихъ жалобу за нанесенное будто-бы ему оскорбленіе, въ удостовѣреніе чего ссылался на какихъ то свидѣтелей. Всѣхъ снова стали вызывать для личныхъ ставокъ, объясненій; глядѣлъ, глядѣлъ полковникъ, махнулъ рукою, да и на мировую.

— Чѣмъ же эта мировая кончилась? не могъ не спросить я у разскащика.

— Да заплатили Жилкину за безчестіе и рады,

рады были, что только тремя сотнями отдѣлались. Жилкинъ же вскорѣ и поступилъ въ нашъ N*** смотрителемъ, добавилъ мой пріятель. Миръ праху твоему голубчикъ!!.....

ПРІЕМНЫЙ ДЕНЬ.

Робѣя, съ душою тревожной,
Въ передней просителей рядъ.
Всѣ ждутъ — скороль голосъ вельможный
Услышатъ—увидятъ ихъ взглядъ.
Все тихо. . . . до чуткаго уха,
Домчится жужжаніе мухи.
А личности личность мрачнѣй,
Лишь съ гордостью смотритъ лакей!...

Вздрогнули.... звонокъ раздается.
Глаза не спускаютъ съ дверей.;
У каждаго сердцѣ такъ бьется....
Движенія стали быстрѣй.
Звучатъ повелѣнія звуки,
Костюмъ поправляютъ всѣ руки
Всякъ лезетъ за просьбой своей;
Но тише—промолвилъ лакей.

Выходитъ.... и все преклонилось,
Всякъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать....
Вельможество жъ знать утомилось
Карету велѣло подать.
А можетъ быть было свиданье....
И всѣ съ затаенною бранью,
Пошли отъ вельможныхъ дверей,
Лишь съ гордостью смотритъ лакей.

Не дай Богъ мнѣ въ жизни тревожной
Въ пріемной вельможи стоять
И чтобъ изъ передней вельможной
Съ досадою тайной бѣжать.
Но нѣтъ!... не избѣгнешъ той доли,
Согнешся подъ часъ противъ воли;
Жизнь полна интригъ и страстей.
Кто въ жизни страстямъ не лакей?

ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ ДРУЗЕЙ

по «Новой Грамматикѣ».

Отъ Пролетаева къ Загребину

Николаі Иванович!

Забыл ты меня, совсем забыл, а у нас в Кіеве много новаго, про что ты узнаеш із моего піс'ма. Но прежде всего семеіные інтересы. Я уже стар, друг моі, служба мне не подсілу, почему вскоре і думаю оставіт' служебное попріще; тебе же, імеющему уже і в століце сілу, я желаю еще бол'шаго успеха; кстаті я хочу прислат' к тебе моего племянніка Антона, хот' он у меня не много і туповат, но надеюс', что в канцелярііі у тебя ісправітся і не будет лішнім. Что делат', любезныі друг, нужно пріспособіват' родственніков, давать' ім ход, хот' мертваго то добром помянут. А то нынешніе то ліберали (в канцелярії іх у меня довол'но) із рук вон как смотрят

на начал'ство, чут' не вслух бранят, но я все такі держу іх в страхе. У нас в Кіеве *тол'ко* і толку о новом правопісаніі і об упращеніі букв, а я, как ты сам знаеш' і по старому то не умел пісат' правіл'но, так вед' тоже не дают проходу, страм да і тол'ко, распустілі по городу не благонамеренные слухі, пасквілі і т. п. разные разності, что я де іх началнік із ума выжіл, даже канцелярскіе і подобная имъ дребеден' і та помешалас' на реформе, а экзекутор хочет даже *предложит*' проект, что бы пісат' некоторые слова еще через мен'шее чісло букв, как напрімер: тебе через буквы тб, железо через жлзо і проч. Вот істінно економіст, я даже і сам с нім в етом согласен, чрез то еще менее потребуется времені для перепіскі бумаг і соблюдется экономія в чернілах. Как відиш я сам следую современным понятіям і пішу к тебе по новым правілам. Я слышал, что отстроівавшіися по твоему ведомству дом пріходіт уже к концу, а потому і желаю тебе, в чісле прочіх благ, ізбрат' себе в нем самое удобное і лучшее помещеніе. Еще раз прошу тебя на счет племянніка Антона, он у меня не ліберал'ных ідеі, человек кроткіі. Жду ответа твоі друг і бывшіі сослужівец

Федор Пролетаев

Кіев.
18** Сентября 1 дня.

Отъ Загребина къ Пролетаеву

Федор Васіл'евіч!

Піс'мо твое, так современно напісанное, я получіл, но все такі с бол'шім трудом прочітал его. Вы Кіевляне в етом случае предупреділі нас. Впрочем і у нас в некоторых журналах толкуют об ізгнаніі із русскоі азбукі некоторых букв; по моему мненію пуст' ізгонят хот' все, в подведомственном мне месте, буквы очен' редко употребляются, а преімущественно цівры і ето нововведеніе меня ніскол'ко не безпокоіт, із уваженія же к тебе і раді староі дружбы, я рішілся отвечат' тебе также по новоі грамматіке. На счет определенія племянніка твоего, Антона, я уже успел распорядіт'ся і его ожідает одна хорошая вакансія. Что же касается до того, что племяннік твоі тупенек, то откровенно скажу тебе, что і у меня, в месте мне подведомственном, очен мало образованных і мыслящіх голов, я надеюс' что чрез протекцію мою племяннік твоі прослывет между всемі, едва лі не Сократом. Новостеі у нас особенных нет, разве тол'ко то, что подведомственныі мне дом, совершенно окончен і я в него переселілся. Хотел дат' в нем помещеніе для некоторых усердных і бедных чіновніков, но жена, доч' і родня, решітел'но воспротівіліс етому.

Поневоле прішлос' занят' почті что всю половіну дома. Но ето впрочем не беда: отопленіе і освещеніе казенное. Прісылаі скореі племянніка.

Твоі друг.

Ніколаі Загребін

Каменноградск.
18** Октября 1 дня.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Повѣривъ въ жизнь, въ семью людей,
Я сталъ совсѣмъ почти безъ вѣры,
Вся эта братья — лицемѣры,
Въ добро не вѣруютъ ей! ей!

Я думалъ:—въ ближнихъ есть душа,
Что и въ родствѣ есть тоже связи,
Но затонувъ въ житейской грязи,
Остался сиръ и безъ гроша.

Я вѣрилъ — въ искренность друзей,
Но скоро и у ихъ порога,
Закрылась для меня дорога;
И жизнь пошла еще мрачней.

Я даже вѣрилъ въ звукъ рѣчей,
Что всѣ должны быть братья, други,
Но гдѣ жъ они? гдѣжъ эти люди?
Я только зналъ льстецовъ, ханжей

Я вѣрилъ слѣпо — и сомнѣнье
Не тяготило грудь тогда;
Теперь прошли ужъ тѣ года, —
Прошло то чудное мгновенье

Повѣривъ въ жизнь, въ семью людей
Я сталъ со всѣмъ почти безъ вѣры.
Вся эта братья — лицемѣры,
Въ добро не вѣруютъ ей! ей!

ВЫГОДНАЯ ЖЕНИДЬБА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ N присутственнаго мѣста выходили чиновники. Время было лѣтнее и кажется предъ первыми числами, времени полученія жалованья, что можно было заключить и изъ весьма веселыхъ лицъ чиновниковъ. Передъ подъѣздомъ, ругаясь, толпились извощики, съ предложеніями: «прикажите подать-съ!», которыхъ суровый церберъ вратъ правосудія, сторожъ, по возможности старался разогнать;... словомъ картина была самая оживленная. Важно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, выходили начальники, при появленіи ихъ рука сторожа машинально приподнималась къ фуражкѣ. За ними шли столоначальники и другіе чины нисшаго достоинства, а наконецъ канцелярскіе. Отъ толпы послѣднихъ отдѣлились два молодыхъ чиновника: Медовиковъ и Носочовъ.

— Ну что Калистратъ Калистратовичъ, — проговорилъ Носочевъ своему спутнику — получили разрѣшеніе вступить въ законный бракъ?

— Не говори, Василій Еремѣевичъ, несчастіе — да и только!

— Отъ чего же?

— Представьте, генералъ приказалъ доложить сколько мнѣ производится жалованья, ну конечно, секретарь и доложилъ его превосходительству, что 114 р. въ годъ....

— Что-жъ его превосходительство?

— Говорятъ пощелкали себя указательнымъ пальцемъ по животу, усмѣхнулись и приказали: чтобъ я подобную глупость выбросилъ изъ головы, а ежели еще буду надоѣдать подобными просьбами, то выходилъ бы въ отставку.... ну какая тутъ глупость?

— Жалко.... а что она хороша?

— Кто?

— Невѣста-то?

— Ангелъ? ангелъ, Василій Еремѣевичъ, душка да и только!

— А ты бы, знаешь что, попросилъ свою мать сходить къ генералу.... дѣло женское....

— Слушать не хочетъ.... я тебѣ говоритъ, не позволю, начальника твоего попрошу,... не позволю!... я и говорю: маменька, я жить безъ нея не могу, я застрѣлюсь, я утоплюсь, я.... А они:—а я тебя подъ арестъ упрячу.... несчастіе! несчастіе!

Такимъ образомъ, продолжая разговаривать, Медо-

виковъ и Носочовъ пробирались къ Пескамъ, въ улицу, которую теперь по случаю перемѣны названій и не отыщешъ.

Но скажемъ нѣсколько словъ о родословной Медовикова. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей; отецъ его прослужа тридцать пять лѣтъ безпорочно канцелярскимъ чиновникомъ, умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, оставивши женѣ своей небольшую пенсію, малолѣтняго сына и.... болѣе ничего. Стараніемъ добрыхъ людей, Калистратъ или Калинка, помѣщенъ былъ въ Уѣздное училище, изъ котораго на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, снабженный аттестатомъ о поведеніи и успѣхахъ, поступилъ на службу и въ настоящую минуту нашего разсказа, пользовался почетнымъ званіемъ — коллежскаго регистратора столь лестнымъ для всякаго канцеляриста и столь пріятно звучащимъ для слуха чиновничьихъ дочекъ. О моральныхъ достоинствахъ Медовикова пока умолчимъ, въ такомъ ничтожномъ званіи, трудно отличить характерическія черты; но изъ канцелярскихъ достоинствъ, Медовиковъ обладалъ фигурнымъ почеркомъ, за что и былъ взысканъ милостями начальства, т. е. наградами.

Теперь коснемтесь предмета страсти Калистрата Калистратовича, его обожаемой Ольги Максимовны Вертушкиной.

Она была сирота и происходила изъ мѣщанскаго званія. Потерявъ на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ родителей, переселилась къ одной изъ родственницъ, мѣщанкѣ Оплетаевой, занимавшейся поставкою женихъ для невѣстъ и невѣстъ для женихъ,—словомъ,

разгуливавшей по всѣмъ угламъ Петербурга съ пламенникомъ Гименея. — Кромѣ того Оплетаева связывала молодежъ узами, хотя менѣе брачныхъ крѣпкими, но не менѣе пріятными, за что не оставалась безъ вознагражденій. У такой то женщины началась для Ольги Максимовны жизнь полная житейскихъ треволненій.

Опытный взглядъ Оплетаевой заранѣе предвидѣлъ: какая бабочка выйдетъ изъ этой куколки—и дѣйствительно, на семнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, Ольга Максимовна оправдала ея догадки: прекрасный ростъ, черныя выразительныя глазки, маленькая обольстительная ножка, при опытныхъ наставленіяхъ Оплетаевой были многими замѣчены, и уже многіе изъ сыновъ Марса и сынковъ купеческихъ часто сопровождали Ольгу Максимовну на пресловутые Пески; но счастливѣйшимъ изъ искателей былъ купеческій сынокъ Серебрянниковъ.

При двадцати-двухъ лѣтнемъ возрастѣ, оставшись по смерти отца полнымъ наслѣдникомъ мошеннически нажитаго богатства, Серебрянниковъ, какъ говорится, кутилъ и въ хвостъ и въ голову. Благодаря богатству, всевозможныя дебоширства сходили ему съ рукъ, содержатели увеселительныхъ заведеній обожали его за то, что онъ съ ватагою пріятелей напьетъ, наѣстъ чутъ ли не за всѣхъ гуляющихъ; вольныя женщины называли его душкой, Петунчикомъ и даже порядочные люди не стыдились потакать его разгулу, — называя все это молодецкою удалью. — Чего не сдѣлаетъ богатство? Вотъ каковъ былъ Серебрянниковъ!...

Не имѣя никакихъ занятій, Серебрянниковъ большую часть зимняго дня проводилъ въ разъѣздахъ по Невскому, занимаясь ловлею камелій, а при неблагопріятной погодѣ проводилъ время съ пріятелями (которыхъ замѣчу мимоходомъ у него было много) и моталъ деньги въ извѣстныхъ кафе-ресторанахъ, по вечерамъ же бывалъ или въ театрахъ, или у театральныхъ подъѣздовъ, въ которые входили и выходили жрицы Мельпомены.

Однажды послѣ сытнаго и нелишеннаго выпивки завтрака у Дюссо, сопровождаемый въ нѣкоторомъ отдаленіи щегольскою коляскою, Серебрянниковъ прогуливался. Онъ шолъ походкою человѣка ни чѣмъ не занятаго и ни отъ кого независимаго, въ это то время соблазнительная ножка Ольги Максимовны поразила его стройною формою и неукоризненною бѣлизною чулка, что заставило Серебрянникова освободить глазъ отъ стеклышка, ускорить шаги для пресѣченія дороги красавицѣ и взглянуть, по невыведшемуся еще и въ наше время обыкновенію, въ лицо незнакомки.

Ольга Максимовна лукаво потупила глаза предъ наглымъ взглядомъ Серебрянникова, что еще болѣе возбудило въ немъ страстныя желанія. Но не думайте читатели, чтобъ желанія эти были благородны, истекали изъ чистаго сердца.... нѣтъ, это было чисто пластическое, животное чувство.

— Позвольте быть вашимъ кавалеромъ? улыбаясь замѣтилъ Серебренниковъ.

— Благодарю я и одна дойду....

— Тьфу чортъ возьми! да я это и безъ тебя знаю... а впрочемъ не дурна.... даже и очень! подумалъ Серебрянниковъ. Но позвольте мнѣ узнать: гдѣ вы живете?

— На что вамъ?

— Я предложилъ бы къ услугамъ вашимъ коляску и счелъ бы за удовольствіе проѣхаться съ вами.

Красавица согласилась....

Такъ началось знакомство Ольги Максимовны съ Серебрянниковымъ, очень доходное для Оплетаевой и Ольги Максимовны, но Серебрянникову эта интрига, какъ и все, скоро надоѣла, а потому поплатившись нѣсколькими тысячами, похвастав кое-чѣмъ предъ товарищами, онъ пустился на новые подвиги, а Ольга Максимовна имѣла счастіе понравиться Калистрату Калистратовичу и поразить его благородное сердце.

На Пескахъ, какъ до пожара, такъ и послѣ, постояннымъ мѣстомъ прогулокъ и свиданій служитъ небольшой бульваръ на конной площади вблизи преображенскихъ казармъ. Тамъ то песковое населеніе и до нынѣ въ лѣтнее время наслаждается чистымъ воздухомъ, а молодое чиновничество встрѣчается съ обладательницами своихъ сердецъ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ сладостныхъ свиданій страстная любовь увѣнчивается въ церкви Рождества.

На этомъ бульварѣ роковая встрѣча сблизила Ольгу Максимовну съ Калистратомъ Калистратовичемъ и съ этого времени начались томительныя страданія послѣдняго.

Сначала Калистратъ Калистратовичъ боялся приблизиться къ этой, по его мнѣнію, очаровательной дѣвушкѣ, но очаровательная Ольга Максимовна замѣтила робкое ухаживанье Калистрата Калистратовича, его готовность услужить ей и по свойственному женщинамъ самолюбію, не лишала его надежды на взаимность. Въ слѣдствіе чего Калистратъ Калистратовичъ сопровождалъ ее; потомъ осмѣлился попросить позволенія поцѣловать ея ручку и чтобы достигнуть всего остальнаго предложилъ ей свою руку, на что Ольга Максимовна не сказала положительнаго «да», впрочемъ и не отказала.

Угожденіями, какія только находились въ средствахъ Калистрата Калистратовича, онъ достигъ неожиданнаго счастія — посѣтилъ ея дѣвственную обитель; гдѣ дышалъ съ нею однимъ воздухомъ и даже палъ предъ Ольгой Максимовной на колѣни, цѣловалъ руку Оплетаевой, которая въ душѣ называла его голышемъ чиновникомъ, и наконецъ,—о счастіе! сдѣлался женихомъ Ольги Максимовны.

Къ полному счастію Калистрата Калистратовича не доставало только согласія его матери, которая черезъ услужливыхъ кумушекъ знала всю подноготною Оплетаевой, а также и сокровенныя тайны Ольги Максимовны. Раздраженіе матери Калистрата Калистратовича достигло до высшей степени, она, для воспрепятствованія желаніямъ сына, увѣдомила обо всемъ экзекутора и для бѣднаго Калички преграждены были всѣ пути къ счастію.

Тамъ гдѣ служилъ Медовиковъ, находился на служ-

бѣ чиновникъ Никонъ Никоновичъ Хороводниковъ. Личность его во многихъ отношеніяхъ была замѣчательна: кого надуть — такъ ужъ надуетъ, занять гдѣ нибудь денегъ и при томъ безъ отдачи—такъ изъ земли выроетъ; сколько на него было жалобъ, но все это отскакивало отъ него, какъ отъ стѣны горохъ,— за что товарищи прозвали его Мефистофелемъ. Такому то человѣку однажды повѣдалъ Медовиковъ свое горе.

— Эхъ ты голова съ мозгами! замѣтилъ Медовикову Хороводниковъ — и тутъ-то не смыслитъ какъ повести.

— Да какъ же Никонъ Никоновичъ, вѣдь мимо экзекутора не пойдешъ, а матушка моя его уже предупредила.

— И это ты считаешь дѣломъ великой важности, а я душа моя, такъ досталъ бы на перекоръ всѣмъ, свидѣтельство на бракосочетаніе....

— Мудреное дѣло Никонъ Никоновичъ.

— Совсѣмъ не мудреное! что дашъ? наставлю на путь истинный.

Калистратъ Калистратовичъ пожертвовалъ бы полцарства, но къ несчастію не имѣлъ собственнаго аршина земли. Впрочемъ пріятели порѣшили на угощеніи и Никонъ Никоновичъ изложилъ свою спасительную мысль Медовикову.

— Вотъ что братецъ Калистратъ Калистратовичъ. чтобы не тревожить твою мать мы пріищемъ подставную.

— Какъ же это? и Калистратъ Калистратовичъ безсмысленно вытаращилъ глаза.

— Ты во всемъ положись на меня, а мать будетъ и за дешевую цѣну.... согласенъ ли?

Долго думалъ Калистратъ Калистратовичъ и наконецъ согласился.

Никонъ Никоновичъ жилъ въ одной изъ грязныхъ улицъ, въ домѣ населенномъ всевозможнымъ обществомъ; тутъ были: странствующіе музыканты, чиновники, ремесленники различныхъ націй и женщины неопредѣленнаго рода жизни. Въ этомъ домѣ съ утра до вечера жизнь проявлялась во всѣхъ ея направленіяхъ, такъ что и постороннему зрителю наблюдая ее трудно было соскучиться. Въ этомъ же домѣ проживала Мина Карловна Кракъ вдова нѣмца-сапожника, бывшаго въ свое время членомъ шустеръ-клуба, но, во время возліянію Вакху на Кулербергѣ, сломавшаго ногу и въ слѣдствіе этого покончившаго свое существованіе. Мина Карловна могла вполнѣ почесться обрусѣвшею нѣмкою: говорила довольно чисто по русски, кромѣ того держала при себѣ, по ея словамъ трехъ племянницъ: Гретхенъ, Юльхенъ и Мальхенъ, дѣвушекъ очень миловидныхъ и довольно свободной нравственности. На этой то Минѣ Карловнѣ, Никонъ Никоновичъ остановилъ свое вниманіе и основательно думалъ, что она приметъ на себя роль мадамъ Ме-

довиковой. Къ чему, со стороны Мины Карловны дѣйствительно не оказалось никакихъ сопротивленій.

За пять рублей серебромъ Мина Карловна согласилась быть матерью Калистрата Калистратовича. Предварительно сдѣлана была репетиція, въ которой она вполнѣ выказала свои сценическія достоинства, такъ что восторженный Никонъ Никоновичъ радостно воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Мина Карловна у васъ были должно быть дѣти?

— О я очень желала имѣть дѣтей, но на то не было соизволенія Божьяго.

— Да вѣдь вы отлично разыгрываете эту незнакомую для васъ роль.... Порадую же я Калистрата Калистратовича.

Назначивъ Минѣ Карловнѣ когда явиться въ присутственное мѣсто Никонъ Никоновичъ не позабылъ увѣдомить обо всемъ Медовикова, чтобы тотъ по неопытности не испортилъ дѣла.

Прошло нѣсколько времени. Однажды въ дежурную комнату пришла довольно пожилая женщина. Одѣта она была въ клѣтчатую мантилью яркихъ цвѣтовъ, которую нѣкоторые остряки чиновники уподобили шашельницѣ; шляпка окаймлявшая ея сморщенное и пожелтѣвшее лицо, для большаго эфекта, украшена была полинявшими искуственными цвѣтами и все это, взятое

вмѣстѣ съ ея физіономіей, напоминало огородъ въ осеннее время.

На вопросъ дежурнаго чиновника что вамъ сударыня угодно? она сдѣлавши что то въ родѣ реверанса отвѣчала:

— Можно видѣть его пр—во?

— Вамъ по какому дѣлу?

— Мнѣ нужно лично объясниться.

— Подождите.... я сейчасъ доложу его пр—у и дежурный чиновникъ еще разъ окинувъ ее взглядомъ, отправился съ докладомъ.

Вскорѣ раздался звонокъ и Мина Карловна очутилась въ кабинетѣ начальника.

— Что вамъ угодно? сурово посмотрѣвъ на Мину Карловну. спросилъ его пр—во.

— Подъ лестнымъ начальствомъ вашего пр—ва служитъ мой сынъ Коллежскій Регистраторъ Калистратъ Медовиковъ....

— Такъ что же?

— Тутъ его пр—во обратился къ секретарю чтобы узнать: какая это особа Медовиковъ.

— Это канцелярскій чиновникъ ваше пр—во, просившій о выдачѣ свидѣтельства на вступленіе въ бракъ. кланяясь отвѣтилъ секретарь.

— Такъ вы его мать? пожурите сударыня вашего сына.... На что онъ надѣется жить съ женою? и его пр—во насупилъ брови.

— Батюшка, ваше пр—во, кланяясь жалобно заговорила Мина Карловна,—единственный сынъ, жалко.

убивается бѣдный, я и пришла просить: разрѣшите ваше пр—во!

Его пр—во торопился куда то пораньше на обѣдъ, и не входя въ дальнѣйшее объясненіе приказалъ выдать Медовикову свидѣтельство и обязать его подпискою: не утруждать начальство записками о пособіи. Этимъ посольство Мины Карловны кончилось.

Радостно забилось сердце Медовикова, въ рукахъ его была драгоцѣнность,—свидѣтельство. На послѣднія деньги угостилъ онъ Хороводникова, который въ пылу признательности готовъ былъ при случаѣ снабдить Калистрата Калистратовича благороднымъ отцемъ и даже сестрами. Съ этого времени Калистратъ Калистратовичъ былъ неразлученъ съ Ольгою Максимовною, прогуливался съ нею и даже сорвалъ съ устъ ея нѣсколько поцѣлуевъ, а мадамъ Оплетаеву онъ называлъ уже мамашею.

Въ одну изъ прогулокъ Калистрата Калистратовича онъ встрѣтилъ особу его пр—ва; торопливо схватившись за козырекъ своей фуражки украшенной кокардою, онъ отвѣсилъ поясный поклонъ.

Поклонъ ли Калистрата Калистратовича или его спутница обратили вниманіе его пр—ва, только мановеніемъ руки. Начальникъ подозвалъ къ себѣ Медовикова.

— Вы Г. Медовиковъ?

— Точно такъ — ваше пр—во отвѣчалъ раскраснѣвшійся Каличка.

— А эта дѣвица ваша сестра?

— Никакъ нѣтъ — это моя невѣста ваше пр—во.

— А.... у васъ хорошій вкусъ Г. Медовиковъ. И его пр—во отправился далѣе впрочемъ изрѣдка посматривая на спутницу Медовикова.

Его пр—во былъ сангвиническаго темперамента и притомъ страстный поклонникъ прекраснаго пола, а потому и не мудрено ежели спутница Калистрата Калистратовича произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе.... Это то и вывело Медовикова на прекрасную дорогу.

Не долго продолжались свадебныя приготовленія. Его пр—во во многомъ оказалъ самую дѣятельную помощь Калистрату Калистратовичу, изъ угожденія его пр—ву, одинъ непосредственный начальникъ Медовикова за удовольствіе почелъ быть у него посаженнымъ отцемъ.... Свадьба во всѣхъ отношеніяхъ была превосходная, только ни одинъ изъ товарищей Медовикова не удостоился быть на оной и отплясывать восхитительныя кадрили.

Пять лѣтъ я не видѣлъ Медовикова а увидѣвши не вѣрилъ своимъ глазамъ. Фигура его была уже кругленькая, солидная, должность онъ занималъ помощника экзекутора, а съ нею имѣлъ казенную квартиру и довольно кругленькіе доходы; кромѣ того его пр—во приходилъ часто любоваться дѣтьми Медовикова, называлъ ихъ милыми крестниками, а Ольгу Максимовну кумушкою.

Я что то замѣтилъ одному изъ чиновниковъ о такомъ быстромъ повышеніи Медовикова; тотъ лукаво улыбнулся и сказалъ:

— Выгодно женился!

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Посвящ. А. Н. Гр....вой).

Надъ нашей царственной невою,
Нерѣдко лѣтнею порою
Природа смотритъ Сентябремъ:
То вихри съ градомъ и дождемъ,
То просто мочи нѣтъ отъ зною.
Потомъ туманъ какъ пеленою
Прикроетъ небо. — Съ полчаса
Іюльскимъ солнышкомъ пригрѣетъ,
А тамъ опять Борей повѣетъ
И вновь заплачутъ небеса.
Смотря на этотъ видъ печальный,
Припоминаю край тотъ дальній
И жизнь въ привольной сторонѣ,
Гдѣ такъ отрадно было мнѣ!

Гдѣ Волга, — Русскихъ рѣкъ царица,
Среди зеленыхъ береговъ,
Неся тяжелый грузъ судовъ
Далеко къ Каспію струится!

При самой Волгѣ — барскій домъ
Съ его цвѣтистымъ — мягкимъ лугомъ,
Направо садъ, поля кругомъ.
Открытъ равнинъ окрестныхъ видъ,
Деревни съ рощами, полями,
Далекій лѣсъ, какъ черный щитъ,
Холмы зелеными волнами
Встаютъ, — какъ будто въ панорамѣ.

Въ той свѣтлой, чудной сторонѣ
Пришлося повидаться мнѣ
Съ сестрой.... Я умолчу о встрѣчѣ,
Какъ и всегда была она
И слезъ и радости полна.
Привѣтственныя наши рѣчи
Лились изъ сердца — отъ души
Въ нихъ очень много было чувства
Воспоминанья дѣтскихъ дней,
Когда мы игрывали съ ней
Въ кругу семьи... Вся жизнь былая,
Картину дѣтства представляя,
Властила надъ моимъ умомъ.

Предъ мной рисуется тотъ домъ,
Гдѣ чрезъ сестру я былъ знакомъ.
Старикъ помѣщикъ всѣмъ извѣстный
Тамъ вѣкъ свой мирно доживалъ,

Съ женой и дочерью прелестной.—
Въ деревнѣ всякъ его звалъ
Помѣщикъ былъ прямой и честный;
Служилъ въ столицѣ, — но потомъ
Оставилъ свѣтскія знакомства.
Столичной спѣси, фанфаронства
Не замѣчалось тѣни въ немъ.
Въ усадьбѣ самъ хозяйствомъ правилъ
Былъ всѣмъ крестьянамъ какъ отецъ
И такъ имѣніе поставилъ,
Что стали ставить въ образецъ.
Крестьянъ умѣлъ отвесть отъ лѣни
И всѣмъ любовь къ труду внушить;
Пустую дворню уменьшить
А нерадивымъ дѣлать пени!...

Какъ онъ, — жена его была
Неподражаемо добра.
Съ манерой мягкой, благородной
Соединялось разомъ въ ней:
Умѣнье быть душой гостей,
Хозяйкой дома превосходной
И нѣжной матерью дѣтей.
Но грустно то воспоминанье,
Что сынъ счастливой той семьи,
Лишь за воззрѣнія свои,
Терпѣлъ отъ ближнихъ нарѣканье,
Онъ былъ съ довѣрчивой душой,
Исполненъ чувства, благородства;
Не снесъ моральнаго уродства
И жертвой сталъ толпы глухой.
Такъ часто путь избравши правый

Страдаетъ честный человѣкъ,
Межъ тѣмъ пролаза же лукавый,
Живетъ блаженствуя весь вѣкъ!
Земля частенько служитъ раемъ
Плутамъ, пронырамъ, негодяямъ.
А для простѣйшихъ же людей,
Она, — юдоль тоски, скорбей.

Еще одно воспоминанье
Въ душѣ осталося моей,
Про дочь ихъ милое созданье.
Семьнадцать лѣтъ лишь было ей,
Ея душа была полна
Любви, — восторженности дѣтской
И не казалася она
Бездушной львицей, куклой свѣтской.
Въ которыхъ чувстъ прекрасныхъ пылъ
Вихрь модной жизни охладилъ.
Анютѣ, какъ то не давались
Всѣ эти свѣтскіе дары.
Она была близка поры
Любви... и формы округлялись,
Прелестный станъ былъ нѣги полнъ,
Какъ звѣздочки глаза горѣли
А груди будто пара волнъ,
Уже вздымались и круглѣли....

Съ одной мгновенной нашей встрѣчи
Запомнились ея простыя рѣчи,
И этотъ простенькій нарядъ,
И этотъ юный еще взглядъ,
И это дѣтское стремленье

Скорѣй стараться побывать
Въ столицѣ, — жизнь ея узнать
И тамъ испить всѣ наслажденья!...
Ей трудно было разгадать
И эту жизнь, и блескъ мишурный,
Гдѣ тонъ дѣйствительно не дурный,
Но надобно умѣть играть!
Гдѣ подарить кого улыбкой
И то чтобъ не сочли ошибкой,—
Гдѣ простодушный юный смѣхъ
Сочтутъ пожалуй и за грѣхъ.
Балы, театры, маскарады
И рѣчи льстивой звукъ пустой,
Ей не замѣнятъ той отрады
Былой невинности святой.

Всего же памятнѣй тотъ часъ,
Когда въ послѣдній уже разъ
Я слушалъ шепотъ ея милый,
Ея послѣднія слова,
Слова любви, любви стыдливой.
Сквозь слезы сказанныхъ едва.
Тотъ чудный говоръ мнѣ потомъ
Для слуха не былъ ужъ знакомъ.
Въ немъ сердца звуки изливались
Вся рѣчь дышала простотой,
Любовью чистою святой,—
Всѣ чувства ею волновались!...
Съ душевной грустію внималъ
Я въ это чудное признанье
Но святость долга уважалъ
Въ часы послѣдняго свиданья.

Тогда!... весь мой сердечный пылъ
Въ душѣ истерзанной я скрылъ.
Ей руку пожалъ будто братъ,
И снова грустный, одинокій,
Свершалъ обратный путь далекій....
Я былъ тогда уже женатъ!

Павлоскъ
1 Мая 1862 года.

ПРІЕМЫШЪ.

(Быль).

Въ теплую весеннюю ночь, извилистою проселочною дорогою, по сторонамъ которой рисовались темные силуеты, только что позеленѣвшихъ, послѣ шести мѣсячнаго зимняго сна, деревьевъ, мчалась лихая тройка. Дорога эта вела въ село Лапино. Тишина ночи ничѣмъ не прерывалась, кромѣ возгласовъ ямщика, понукавшаго лошадей, да глухаго гула колесъ дорожной коляски. Въ углу ея, сидѣлъ молодой человѣкъ, котораго, по костюму, можно было признать за военнаго. Выразительное его лицо, освѣщаемое серебристыми лучами луны, носило отпечатокъ сладостной думы, а взоръ былъ устремленъ въ безконечную даль. То былъ Сергѣй Петровичъ Рощинъ, только что кончившій курсъ наукъ, въ одномъ изъ высшихъ военно-

учебныхъ заведеній, и ѣхавшій въ отпускъ въ деревню, къ своей одинокой матери. У ногъ его, дремалъ деньщикъ Иванъ.

Соскучившійся ямщикъ, желая съ кѣмъ нибудь вступить въ разговоръ, толкнулъ ногой дремавшаго Ивана.

— Ахъ батюшки свѣтъ, чуточку не упалъ! протирая глаза, проговорилъ полусонный Иванъ.

— Эхъ-ма служба, никакъ ты ужъ задремалъ, заговорилъ ямщикъ, возвыся голосъ, — вотъ ты бы посмотрѣлъ на насъ: чѣмъ не молодцы? Иное время дня три ѣздишь, такъ то есть день и ночь подрядъ. Разобьешься впрахъ, всѣ суставчики болятъ, а какъ настанетъ очередь, ну по вашему хоть отдыхъ, чтожъ думаешь спимъ? Не тутъ то было, чтобы не терять гулящаго времени, скорѣе заложишь сѣнца лошадямъ, да самъ и пойдешь.... Ну други, стали чтоли? крикнулъ онъ на лошадей, которыя во время его болтовни, начали плестись чуть ли не нога за ногу.

Иванъ, оправясь послѣ даннаго ямщикомъ толчка, и собравшись съ духомъ полюбопытствовалъ спросить у него.

— Да куда же ты пойдешъ?

— Куда, вѣстимо къ своей разлапушкѣ.

— Эге братъ! такъ у тебя, того, знать зазнобушка есть?

— А для-ча и не быть, вѣдь шесть лѣтъ, почитай живу въ одномъ ямѣ, и въ Лапинскомъ то всю подноготную знаю, всѣхъ дѣвушекъ не только видывалъ, даже вѣдаю, какъ которая живетъ? Вотъ примѣрно

завтра у насъ будетъ ярманка, анъ и надо, что нибудь подарить своей Матрешѣ, все хоть лишній разъ поцѣлуетъ. Продолжая разговоръ, ямщикъ до того воодушевился и возвысилъ голосъ, что даже заставилъ вздрогнуть, на время забывшагося Рощина.

— Молчи пустомеля, закричалъ на него проѣзжій, твое дѣло хорошенько везти, а не врать чепуху.

Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей и замолчалъ, но не много погодя заговорилъ снова, только уже, гораздо тише.

— Эхъ—ма, баринъ, для ча на меня сердиться? Чай не правду баю? Вѣдь не вы одни умѣете гоняться за барышнями. Глянька, такъ и нашъ братъ порою васъ поучитъ. Вотъ, хоть бы въ Лапинскомъ, не далече сказать, за нашей барышней увивается и угощается одинъ разодѣтый франтъ изъ сосѣдняго села. Почитай уже съ годъ, какъ онъ знакомъ съ нею, а по сю пору не женится. Знать не умѣетъ дѣла сладить!

— А хороша ваша барышня? какъ то не вольно спросилъ у него Сергѣй Петровичъ.

— Ужъ такъ-то хороша, что неча и баять, кабы и ваша милость изволила посмотрѣть, такъ, право слово, полюбилася бы и вамъ. Чудо, а не барышня! просто писанная краличка,—проговоривъ это ямщикъ, какъ то странно замоталъ головою.

— Примѣрно у насъ въ околоткѣ, хоша и много хорошенькихъ, а такой, какъ она ей! ей! не удавалось видывать. Завтра у насъ въ Лапинскомъ то, праздничный день, Матери Елены и Царя Константина,

этто она наша голубушка, имянинница, такъ съ батюшкой то своимъ, Лысковскимъ значитъ бариномъ и матушкой своей, постоянно бываютъ въ церкви. Вотъ тутъ то на ее голубушку вдостоль можно на глядѣться. А храмъ — отъ у насъ такой чудный, да большой. Да и въ самую то службу ни толкотни, ни давки, нѣтъ. У насъ коли всталъ, такъ ужъ тебя никто и не замаетъ. — Словоохотливый ямщикъ еще бы и далѣе продолжалъ розсказни о барышнѣ, если бы рѣчь его не перебилъ Рощинъ.

— Послушай любезный, при вашихъ станціяхъ есть постоялые дворы?

— Какъ не бывать, съ десятокъ найдется; въ другихъ такъ есть и оченно изрядныя свѣтелки.

— А далеко еще?

— До нашего то яма? да версты три съ половиною будетъ.

— Да развѣ ты не той станціи, откуда мы ѣдемъ?

— Я то? нѣтъ!...

— Какъ же ты насъ везешъ?

— Везу? вѣстимо везу отъ того, что лошадей другихъ, въ то время какъ вы пріѣхали, небыло, а ваша милость не желала ждать, такъ я и смекнулъ, что мнѣ съ руки, кони же были накормлены. Для ча не отвезти! конешно не слѣдъ бы чужой хлѣбъ заѣдать, ну да смотритель отъ станціи Кирюхѣ, брату моему приходитъ значитъ кумомъ. Оно и мнѣ то повольготнѣй.... Да какъ и вашу милость не уважить?

— Ты кажется врешъ что на умъ взбредетъ, толь-

ко бы выманить на водку, замѣтилъ ему на это Рощинъ и запахнулся по удобнѣе шинелью.

— Да что жъ сударь! подхватилъ Ямщикъ. Наше дѣло такое. Вотъ какъ ваша милость подаритъ что либо къ завтрашней ярманкѣ, такъ я и погуляю за твое здоровье.

— Такъ завтра у васъ ярмарка? велика бываетъ?

— Всяко случается; что нужно для нашего брата, такъ все можно купить. Знамо дѣло, разъ на разъ не приходится. О зимѣ то, что бываетъ около Николы, и порядочно наѣзжаютъ, отвѣтилъ ямщикъ и потомъ, немного погодя, энергически вскрикнулъ: завтра у нашего барина будетъ балъ, значитъ пиръ на весь міръ. Вотъ гдѣ отвѣдаю барской водки, лакеи то мнѣ почитай всѣ знакомы.

При мысли о предстоящихъ ярмаркѣ, попойкѣ и поцалуяхъ возлюбленной, краснобай ямщикъ до того замѣчтался, что чуть было не проѣхалъ поворотъ къ своей станціи, если бы, молчавшему до этого времени Ивану, не взбрело на умъ перекреститься и сказать: а вотъ кажись, слава Богу и селеніе.

Начинало уже свѣтать и изъ за ближнихъ холмовъ показалась церковь, принадлежавшая къ селенію Лапину—церковь, довольно сносной архитектуры. Лишь только завидѣлъ ямщикъ родное село, вновь прикрикнулъ на лошадей, которыя инстинктивно чуя близкій отдыхъ, не требовали уже понужденій и мигомъ добѣжали до станціоннаго двора. Предъ Сергѣй Петровичемъ представился скромный въ четыре окна домикъ.

*

— Станція? спросилъ онъ.

— Она-съ! отвѣчалъ ямщикъ слезая съ козелъ.

Отдавъ Ивану приказаніе на счетъ своихъ вещей, Рощинъ вылѣзъ изъ коляски и отправился къ станціонному дому.

Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, правую сторону занимали ширмы, съ постелью смотрителя, а съ лѣвой и къ окну находился столъ съ книгами и другими письменными необходимостями. Стѣны, обитыя ветхими обоями, были украшены различными картинками суздальской работы, зеркаломъ и двумя заржавившими ружьями; почти въ слѣдъ за Сергѣй Петровичемъ, вбѣжалъ въ комнату мужчина лѣтъ сорока, не бритый, съ заспаными глазами, это былъ смотритель. — Рощинъ, не успѣлъ еще вынуть подорожной, какъ смотритель, какъ бы на перекоръ своей несимпатичной наружности, произнесъ любезнымъ тономъ.

— Изволите отдохнуть сударь, или прикажите закладывать лошадей?

Сергѣй Петровичъ, нѣсколько подумавъ, объявилъ, что желаетъ отдохнуть.

— Не прикажите ли сударь, самоварчикъ поставить?

— Пожалуй! только если можно поскорѣй.

— Въ одну секунду; тѣмъ болѣе что вода у насъ подъ рукой и самая чистая.

Смотритель, получивъ подорожную, выбѣжалъ въ другую комнату, гдѣ отдавъ приказаніе на счетъ самовара, снова возвратился чтобы обратиться къ пріѣз-

жему за свѣденіями, есть ли у него свой сахаръ и чай.

— Рощинъ объявилъ, что сахаръ и чай имѣетъ.

— А не то такъ и у насъ есть, только можетъ быть не такой какъ у васъ, однако всѣ проѣзжіе находятъ сладкимъ, продолжалъ смотритель, но разговоръ его перебилъ ямщикъ.

— А что жъ баринъ на водку? вѣдь везъ ей Богу хорошо.

— Да, я и забылъ про тебя и полусонный Сергѣй Петровичъ, отдалъ подошедшему ямщику рубль.

— Ай да баринъ! правду я сказалъ, что ты добрый баринъ. Вотъ то сердце никогда не обманетъ; хоть и говорили на томъ ямѣ—не берись, а я все таки взялся, ни кого не послушалъ.

Хорошенькая полная дѣвушка внесла въ комнату подносъ, съ чайникомъ и чашкой, спрашивая куда прикажутъ его поставить; потомъ принесла самоваръ и спросила не надо ли сливокъ?

— Нѣтъ благодарю тебя миленькая, я со сливками не пью.

— Какъ угодно съ!...

— А вотъ узнай у своихъ хозяевъ, нѣтъ ли у нихъ хоть какого нибудь рому?

— Сей часъ узнаю сударь! отвѣчала дѣвушка и выбѣжала изъ комнаты; черезъ какихъ нибудь двѣ минуты, она возвратилась съ небольшимъ графинчикомъ темно-красной жидкости.

Сергѣй Петровичъ желая скорѣе предаться отдыху кое какъ управился съ пуншемъ и приказавъ слугѣ

не тревожить его, пока самъ не проснется, завалился по походному на диванъ и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Иванъ, докончивъ остатки барскаго чая, также поспѣшилъ на боковую.

Было около девяти часовъ утра когда Рощинъ проснулся.

— Бр...р...р... какой тяжелый сонъ, пробормоталъ вставая Сергѣй Петровичъ. Приснится же такая галиматья, что даже страшно станетъ.

Въ селѣ раздался благовѣстъ къ обѣдни.

— А что, не пробыть ли тутъ денекъ подумалъ Рощинъ, я что то порядкомъ измучился отъ этой безостановочноз ѣзды и онъ нѣсколько разъ потянулся.

Слова, вошедшаго Ивана, окончательно утвердили его въ намѣреніи провести день въ селѣ.

— Не думаете ли сударь подневать здѣсь; у господъ сегодня праздникъ, не загляните ль въ церковь,—отдѣлка говорятъ такая, что чудо, и ярманку то кстати бъ можно посмотрѣть, говорилъ деньщикъ, видимо стараясь соблазнить барина остаться.

— Отдохнуть? не дурно: и Сергѣй Петровичъ приказалъ достать другую пару платья.

Иванъ съ особеннымъ одушевленіемъ бросился исполнять его приказаніе.

Обѣдня была уже къ концу, когда Рощинъ вошелъ въ церковь. Прежде всего бросился ему въ

глаза, чудной работы иконостасъ. Онъ казался весь выдѣланнымъ изъ мрамора. Образовъ въ немъ было не много, но всѣ они были такъ прекрасно написаны, что производили глубокое впечатлѣніе на душу каждаго. По сторонамъ были устроены четыре колонны и, если бы самая церковь не была деревянною, то эти колонны можно бы было принять за мраморныя; на стѣнахъ была таже отдѣлка, но уже вышла не такъ удачно. Видно было, что церковь исправлялась за ново изъ старой, но слѣды прежнихъ стѣнныхъ изображеній все еще были нѣсколько примѣтны. Однако, все взятое вмѣстѣ, представляло въ храмѣ, дѣйствительно что то не сельское, вездѣ видна была рука опытнаго столичнаго строителя. Окинувъ все взоромъ, Сергѣй Петровичъ увидѣлъ у одного образа мужчину, съ двумя дамами, которые усердно молились. Одной изъ нихъ было лѣтъ за тридцать, другой около семнадцати; по описанію ямщика онъ безъ труда узналъ въ одной изъ нихъ дочь помѣщика. Съ перваго взгляда Рощинъ не нашелъ въ ней ничего особеннаго. Это была довольно стройная молодая дѣвушка, съ правильными чертами лица, съ какимъ то дѣтски беззаботнымъ выраженіемъ. Но чѣмъ больше всматривался онъ въ ея черты, тѣмъ болѣе находилъ первый свой взглядъ не основательнымъ. Выбивавшіеся изъ подъ ея шляпки локоны, какъ то особенно плѣнительно вились около небольшой ея головки; чудные голубые глаза соперничали съ черными какъ смоль волосами. Всѣ движенія и манеры ея были просты и обыкновенны, а между тѣмъ, невольно манили любоваться ими. Сер-

гѣй Петровичъ до такой степени углубился въ это созерцаніе, что не замѣтилъ даже конца обѣдни. Расходившійся по окончаніи службы народъ вывелъ его изъ задумчивости. Онъ вышелъ изъ церкви и отправился прогуляться по сельской ярмаркѣ.

Всѣмъ извѣстно, что ярмарка въ незначительныхъ селахъ, къ числу которыхъ принадлежало и Лапино, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго, потому Рощинъ не долго оставался на ней. На обратномъ пути, онъ встрѣтилъ ямщика, который привезъ его въ ямъ. Ямщикъ поровнявшись съ нимъ почтительно снялъ шапку и отвѣсилъ поясной поклонъ.

— Съ праздникомъ баринъ! чай отдохнуть вздумалъ у насъ въ селѣ. Милости просимъ! рады добрымъ людямъ. Никакъ изъ церкви, что какова? Такой антикъ что чудо? А все нашъ баринъ работалъ. Такая значитъ ужъ далась ему планида, — во всемъ мастакъ.

— А что, внезапно перебилъ ямщика Рощинъ, ты хвалился, что есть у васъ хорошіе дворы. Наймика мнѣ, на день, или на два, квартиру, да получше.

— Изволь! Да вотъ что баринъ, добавилъ ямщикъ почесываясь, у насъ задаточекъ не худо бъ.

Сергѣй Петровичъ вынулъ рублевую асигнацію и отдалъ ее ямщику.

— Смотри же скорѣе, не копайся.

— Ужъ не сумлѣвайтесь, на томъ стоимъ!

Дѣйствительно ямщикъ не заставилъ себя долго ждать. Сергѣй Петровичъ не успѣлъ еще подойти къ

станціи, какъ тотъ былъ уже тамъ, помогая Ивану вытаскивать, изъ коляски чемоданъ.

— Что ужъ нашелъ? спросилъ его Рощинъ.

— Только пожалуйте, все готово, а что за фатера, просто чудо. Во всемъ селѣ не найти лучше.

— Ну, полно хвалить, сперва покажи.

Ямщикъ взвалилъ себѣ на плеча чемоданъ; Иванъ захватилъ съ собою другія дорожныя вещи и всѣ трое двинулись къ постоялому двору.

— Вотъ и пришли, сказалъ ямщикъ, входя на крыльцо небольшаго домика съ соломенной вывѣской.

— По наружности онъ похожъ на хлѣвъ, замѣтилъ смѣясь Сергѣй Петровичъ.

— Не красна хата углами, а красна пирогами, вѣдь вы батюшка чай слыхивали эту пословицу?

— Какъ не слыхать!

— Такъ что же милость твоя по наружности судитъ объ эвтомъ постояломъ дворѣ, будьте благонадежны, вы ни гдѣ ни будете ѣсть такихъ вкусныхъ пироговъ, какъ въ этой хатѣ.

На встрѣчу имъ вышла довольно плотная хозяйка дома.

— Сюда! сюда желанный, милости просимъ. Вотъ тутъ влѣво и свѣтелка ваша. Тащите туда родимые все, сохранно будетъ.

Рощинъ вошелъ въ довольно чистую комнату. Она была съ двумя окнами, выходившими на небольшую дорожную площадку и представляла своею фигурою трапецію. Стѣны, вмѣсто шпалеръ, были залѣплены разноколиберными картинками, между которыми, въ

золоченой рамкѣ, какъ то особенно величественно, красовался блудный сынъ. По бокамъ комнаты разставлено было нѣсколько табуретовъ и два стула съ высокими досчатыми задками, окрашенными подъ черное дерево. Въ промежуткахъ ихъ, какъ бы для симметріи висѣло допотопное зеркало, нѣсколько далѣе, рисовался поставленный въ упоръ къ стѣнѣ, на трехъ ножкахъ диванъ, качество покрышки на немъ, за ветхостію, было опредѣлить трудно, во многихъ мѣстахъ измѣннически выглядывала изъ подъ обтертой матеріи мочала. Бѣлый дубовый столъ находился въ простѣнкѣ двухъ оконъ и тщательно былъ прикрытъ синею скатертью, довольно сомнительной чистоты. Въ углу комнаты выдавалась изразцевая печка, нѣсколько покривившаяся уже набокъ.

Сергѣй Петровичъ однако остался доволенъ пріисканной для него комнатой и поблагодаривъ за то ямщика, былъ въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, что даже отпустилъ своего Ивана поглазѣть на ярмарку.

Оставшись одинъ, Рощинъ закурилъ трубку, развалился на диванѣ и задумался.

— Однако, что это со мной дѣлается, чего я хочу, задавалъ онъ себѣ мысленно вопросы. Давно ли я, съ такою жадностію, считалъ проѣханныя версты. Давно ли, такъ спѣшилъ въ имѣніе, мечталъ о радостномъ свиданіи съ матерью и вотъ теперь, на прасно убиваю время, да кажется готовъ пробыть здѣсь и долѣе, и что здѣсь хорошаго? Сергѣй Петро-

вичъ окинулъ грустнымъ взглядомъ занимаемую имъ комнату.

Но напрасно онъ старался отдалить главную побудительную причину своей остановки. Она такъ ярко возставала передъ нимъ. Еще свѣжи были рѣчи ямщика о предстоящемъ у помѣщика вечерѣ; еще живо рисовался въ его памяти прелестный образъ имянинницы и онъ наконецъ невольно проговорилъ. Да, хороша! Чудо какъ хороша.

Вошедшая хозяйка прервала нить его размышленій.

— Не изволите ли отвѣдать нашего хлѣба—соли? проговорила она низко кланяясь.

— Не мѣшаетъ, а чтоже у тебя есть?

— Все кормилецъ: и щи и пирогъ съ кашей.

— Ну такъ давай же мнѣ и щей и пирога.

— А еще чаво не угодноли?

— Подай пожалуй, что нибудь и на жаркое.

Хозяйка вновь отвѣсила поклонъ и вышла; Сергѣй Петровичъ снова возвратился къ мысли о предстоящемъ у помѣщика вечерѣ.

— Я воображаю какое разнообразное общество должно быть на этомъ балу. Сколько можетъ быть встрѣтится тамъ занимательныхъ личностей, право не дурно бы побывать на немъ.... А какъ должна быть хороша она въ бальномъ нарядѣ?... Да и какъ не пріискать случая быть на этомъ вечерѣ! проговорилъ онъ уже съ какою то энергіею.

Между тѣмъ, хозяйка накрывала столъ и разставляла на немъ всѣ обѣденныя принадлежности,

Вскорѣ на столѣ появилась и миска дымящихся щей и выхваляемый ямщикомъ пирогъ.

— Ужъ извини батюшка! ложки то у насъ не барскія, какими вы тамъ ѣдите кормилецъ, а простыя деревянныя, за то ужъ нашенскими—рта никогда не обожжешь.

Сергѣй Петровичъ молча вынулъ изъ дорожнаго сакъ-вояжа свою ложку и присѣлъ къ столу.

— А вотъ намъ то не вповадъ вашими свѣтляками ѣсть. Не съ умѣемъ и взяться за нихъ, продолжала говорить словоохотливая хозяйка.

Чрезъ нѣсколько минутъ она внесла и жаркое.

— Ну, что хороши ли щи, батюшка?

— Хороши! отвѣчалъ машинально Рощинъ, но мысли его были далеки отъ гастрономіи.

Послѣ обѣда Сергѣй Петровичъ два раза брался за фуражку, чтобы пройтись еще разъ по ярмаркѣ. но каждый разъ передумывалъ; наконецъ вдоволь находившись взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ къ окну и началъ смотрѣть на толпу бродившихъ мимо крестьянъ.

Ярмарка была въ полномъ разгарѣ. Въ одномъ концѣ продавались и покупались ножи, серпы, косы, а также разные съѣстные припасы и водка; въ другомъ подъ дребежжащіе звуки балалайки плясали дѣвки съ парнями, строившими имъ лясы; въ третьемъ, подпившіе мужички, составляя изъ себя небольшой кружокъ. подъ унылыя звуки деревенскаго торбана, затягивали каждый на свой ладъ пѣсни, въ сторонѣ отъ нихъ двое рьяныхъ ратоборцевъ тѣшили толпу кулачнымъ разбирательствомъ. Толпа праздныхъ зѣвакъ, по временамъ

гигикала и крикомъ одобряла удачно наносимые удары. Въ общей суматохѣ шмыгали въ различныхъ направленіяхъ ребятишки выдѣлывая, на только что купленныхъ глиняныхъ уточкахъ различныя трели. По всюду раздавались шумъ, гамъ и веселье сельской ярмарки.

Наступилъ уже вечеръ и полная луна серебрилась въ вышинѣ; Рощинъ все еще сидѣлъ у окна. Вдругъ лицо его приняло какое-то улыбающееся выраженіе и онъ быстро началъ собираться въ дорогу. Вернувшійся съ ярмарки Иванъ получилъ тотчасъ же приказаніе укладывать всѣ вещи обратно въ коляску. Когда все было уложено, Рощинъ отправился на станціонный дворъ и потребовалъ для себя самыхъ лучшихъ лошадей. По выходѣ изъ станціоннаго двора, встрѣтился съ нимъ тотъ же ямщикъ который привезъ его въ ямъ.

— Что-жъ баринъ, гостилъ такъ мало? али соскучился у насъ, али харчи пришлись не понраву? говорилъ онъ, подозрительно покачиваясь и какимъ-то обиженнымъ тономъ.

— А балагуръ! Тебя-то мнѣ и нужно. Ты кажется подгулялъ, но все же — лихой ямщикъ. Не возмешься ли опять ѣхать со мною?

Ямщикъ раззадоренный такою похвалою съ радостію вызвался исполнить желаніе Рощина.

— Ужъ удружу сударь, лучше роднаго отца прокачу ужъ такъ прокачу, что ну! чуть не крикнулъ онъ въ азартѣ, медленно взбираясь на козлы.

— Не лучше ли бы вамъ взять другаго; прогово-

рилъ тихо смотритель, помогая усѣсться Сергѣю Петровичу въ коляску, а то этотъ пожалуй того!...

— Ничего! улыбаясь отвѣчалъ Рощинъ, еще лучше прокатитъ. Потомъ пригнувшись къ уху ямщика скоро проговорилъ: смотри же, везти лихо, особенно мимо помѣщичьяго дома, хоть и колесо долой, ничего! тамъ починимъ! понимаешъ?

— Смекаемъ, молодцовато наматывая на руки возжи, отвѣчалъ ямщикъ. Гикнулъ на лошадей—коляска понеслась, и вмигъ скрылась изъ глазъ смотрителя.

Село Лапино имѣло довольно красивое и удобное мѣстоположеніе. Широкая длинная улица, раздѣляла ее на двѣ неровныя части, первую, по теченію рѣки занималъ домъ помѣщика, съ принадлежащимъ къ нему огромнымъ садомъ; рядомъ съ домомъ, тянулись другія хозяйственныя строенія, какъ-то: гумно, скотскіе дворы и проч. Другая часть была застроена скромными и правильно расположенными домиками крестьянъ. Ихъ было въ селѣ до пятисотъ душъ и всѣ принадлежали одному помѣщику, отставному полковнику Григорію Ивановичу Лыскову.

Григорій Ивановичъ считался на селѣ за самаго правдиваго и добраго барина. Безъ его содѣйствія и мимо его рукъ не проходила ни одна крестьянская постройка. Онъ вовсе входилъ и всякій оставался доволенъ его вмѣшательствомъ. Домашнимъ хозяйствомъ

завѣдывала жена его Анна Прокофьевна, женщина, очень любившая уединеніе и самаго тихаго нрава. При нихъ находилась одна только дочь, Елена Григорьевна, дѣвушка весьма хорошо воспитанная. Въ жизни Лысковыхъ она была единственною отрадою и утѣшеніемъ. Жизнь ихъ текла мирно и была далека отъ житейскихъ треволненій. Обыкновенно рано утромъ Лысковъ выходилъ осматривать свое хозяйство, или, какъ онъ самъ иногда выражался: шелъ на моціонную работу, и дѣйствительно куда бы онъ не зашелъ, вездѣ оставлялъ послѣ себя слѣды своихъ трудовъ. Въ столярной, объясняя какой нибудь планъ придуманной имъ модели, тутъ же бралъ у кого нибудь работу и съ полчаса трудился надъ ней собственноручно. На мельницѣ совѣтами своими облегчалъ труды мельника; даже изъ кузницы не выходилъ безъ того, чтобы не сдѣлать нѣсколько ударовъ по отдѣлываемой подковѣ. Потомъ аккуратно въ часъ возвращался домой и садился съ своей небольшой семьей обѣдать. Послѣ обѣденнаго отдыха, жена и дочь Лыскова приходили въ его кабинетъ и вслухъ попеременно читали получаемыя ими книги и газеты. По вечерамъ Елена Григорьевна обыкновенно садилась за рояль и часто далеко за полночь очаровательныя звуки музыки раздавались въ Лысковской усадьбѣ. Казалось чего бы не доставало къ этой тихой семейной жизни. Но Лысковъ часто, какъ будто бы былъ не доволенъ ею и скучалъ. По временамъ на него находила такая хандра, что онъ не говорилъ съ своей семьей по цѣлымъ днямъ.

Трудно было тогда разгадать, что у него было на душѣ! лицо его принимало какой-то болѣзненный видъ, какая-то невыразимая грусть виднѣлась въ его взорѣ. Онъ видимо о чемъ-то страдалъ, но страдалъ молча, отталкивая отъ себя даже родственное участіе. Не разъ, замѣтивши такое состояніе отца, Елена Григорьевна тихо садилась возлѣ него и ласкаясь къ нему, старалась разсѣять его, но всѣ усилія ея почти всегда оказывались тщетными. Такое ипохондрическое состояніе, Лысковъ обыкновенно называлъ своею родовою болѣзнію и тѣмъ нѣсколько успокоивалъ семейство. Но надо было заглянуть въ его прошлое, лѣтъ двадцать пять назадъ, чтобы опредѣлительнѣе объяснить такія приливы тоски къ его сердцу.

Григорій Ивановичъ Лысковъ, былъ сынъ богатыхъ, хорошей фамиліи родителей, блистательно окончивъ курсъ, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, онъ по желанію отца, поступилъ въ военную службу. На тридцати лѣтнемъ возрастѣ Лысковъ былъ уже въ чинѣ подполковника и ему предстояла блестящая карьера. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Страшная холера тогда еще впервые коснулась Россіи. Въ одинъ годъ молодой Лысковъ потерялъ почти всѣхъ своихъ родственниковъ; мать, отца и двухъ сестеръ. Изъ всего семейства у него оставалась только одна меньшая сестра Лидія. Возвратившись въ родовое имѣніе отца своего, съ убитой и разтерзанной душою, онъ обратилъ тогда всю любовь на свою единственную сестру. Для развле-

ченія сестры, Григорій Ивановичъ переселился на постоянное жительство въ столицу, и сталъ продолжать службу свою на гражданскомъ поприщѣ. Въ столицѣ онъ очень хорошо сблизился съ сыномъ одного откупщика, бывшаго его товарища по воспитанію—Громинымъ. Громинъ скоро сдѣлался въ домѣ его какъ свой и сначала шутя называлъ себя женихомъ сестры его, потомъ серьезно заговорилъ о томъ и наконецъ сдѣлался формально женихомъ. Сестра Лыскова, Лидія Ивановна, которой только что минуло семнадцать лѣтъ, вполнѣ цѣнила любовь брата и почти раболѣпно повиновалась ему во всемъ; къ тому же Громинъ былъ ей непротивенъ. Изъ всего этого можно было заключить, что свадьба должна бы была состояться, но къ несчастію между женихомъ и невѣстою вмѣшалось постороннее лицо.

Спустя недѣлю послѣ формальнаго обрученія Лидіи съ Громинымъ, они были приглашены на балъ къ Баронессѣ Р. На балѣ, въ числѣ прочихъ гостей, находился, только что пріѣхавшій къ Баронессѣ, племянникъ ея Нолинъ. Это былъ самый пустой, безхарактерный и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлинькій человѣкъ. Но въ обществѣ, Нолинъ умѣлъ съ особеннымъ искуствомъ прикрывать всѣ свои моральные недостатки, благодаря свѣтскому лоску. Онъ былъ красивый мужчина, служилъ адъютантомъ при одномъ значительномъ лицѣ, имѣлъ богатыхъ дядюшекъ и тетушекъ, и считался у многихъ матушекъ въ спискѣ жениховъ, хотя не изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ. Увидѣвши въ первый разъ Лыскову, онъ, по

врожденной влюбчивости характера, былъ очарованъ ею. Лидія Ивановна почувствовала къ нему также какое-то невольное влеченіе. Спустя мѣсяцъ послѣ знакомства ея съ Нолинымъ, она замѣтно похудѣла и стала уже совсѣмъ не тою, какою была прежде. Григорій Ивановичь не зналъ, что и подумать о такой быстрой перемѣнѣ въ сестрѣ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, что бы разсѣять ее. Окружилъ ее самою нѣжною внимательностію, чаще сталъ вывозить въ свѣтъ, но больше всего бывалъ съ нею у Баронессы, къ которой, она имѣла болѣе всего симпатіи. Между тѣмъ день свадьбы приближался, а сама невѣста все дѣлалась пасмурнѣе и страннѣе, наконецъ даже захворала. Нолинъ въ это время успѣлъ уже получить отъ нее признаніе въ взаимности и сознавая, что съ такимъ сильнымъ соперникомъ какъ Громинъ, вести открытую войну не возможно, старался подкопаться подъ него тайно. Разъ показавъ Лидіи Ивоновнѣ подложныя любовныя записки Громина, онъ даже успѣлъ вызвать ее на тайное свиданіе. Лидія Ивановна боялась открыться прямо брату въ своей любви къ Нолину, потому что Лысковъ всегда объ немъ отзывался съ самой дурной стороны, кромѣ того обрученіе ея съ Громинымъ, еще болѣе вынуждало ее хранить все это въ тайнѣ. Григорій Ивановичь долго не подозрѣвалъ объ интригахъ Нолина, наконецъ услужливые язычки лакеевъ донесли ему о тайныхъ свиданіяхъ сестры. Въ первую минуту такого извѣстія онъ едва могъ усидѣть на стулѣ; доносчикъ же чуть живымъ, выбрался изъ его кабинета. Но вскорѣ представили

ему фактъ и онъ неожиданно накрылъ у себя въ саду влюбленныхъ. Племянника Баронессы Лысковъ безцеремонно отстегалъ нагайкою, какъ школьника, а Лидію на другой же день отправилъ въ деревню. Обида, нанесенная Нолину, тяжелымъ свинцомъ запала ему въ душу, но при своей мелочности, онъ не смѣлъ просить у оскорбителя открытаго удовлетворенія. Любовь его къ Лидіи Ивановнѣ, какъ и у всѣхъ подобныхъ мелкихъ натуръ успѣла уже остыть и онъ думалъ только о томъ, какъ бы тайными козьнями повредить семейству Лысковыхъ. Лучше всего понравилась ему мысль, обольстить Лидію, которая при своей неопытности и расположеніи къ нему могла легко ему поддаться; на этомъ низкомъ намѣреніи онъ остановился. Узнавъ въ какую деревню Лидія Ивановна уѣхала, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и выѣхавъ изъ столицы отправился вслѣдъ за Лысковой. Но одно обстоятельство нѣсколько измѣнило его планъ. Проѣзжая чрезъ городъ N, онъ нечаянно сошелся съ очень бѣднымъ семействомъ, одного служащаго въ томъ городѣ, чиновника; семейство это состояло изъ трехъ малолѣтнихъ дочерей и одного новорожденнаго сына. Мать младенца спустя мѣсяцъ послѣ родовъ умерла, и бѣдный отецъ, не имѣя ни средствъ, ни родни, рѣшительно не зналъ что дѣлать съ малюткой. Бѣднякъ жилъ вблизи той гостинницы, гдѣ остановился Нолинъ; нечаянно разговорившись съ лакеемъ его, онъ, жалобно разсказалъ ему про свое несчастное положеніе, а тотъ передалъ все барину. Нолинъ съ особеннымъ вниманіемъ выс-

лушалъ разсказъ своего слуги, и съ минуту подумавши, отправился въ домъ бѣднаго семейства.

— Я слышалъ про ваше бѣдственное положеніе. сказалъ Нолинъ, усаживаясь въ тѣсной комнаткѣ бѣдняка.

— Не нахожу словъ благодарить васъ за такое неожиданное для меня участіе, съ поспѣшностію проговорилъ несчастный отецъ, положеніе мое самое горестное, жалованья получаю всего шесть рублей въ мѣсяцъ. вотъ за этотъ подвалъ плачу рубль. Ну посудите сами, пять рублей остается, что я съ ними могу сдѣлать, при такой семьѣ. Цѣлый день на работѣ, а тутъ еще смерть похитила у меня жену, а она все таки что нибудь бывало да выработаетъ, да и хозяйствомъ наведетъ на экономію.... Да что, глухо добавилъ бѣдняга, и утеръ рукавомъ навернувшіяся слезы,... вдвоемъ все какъ то было попригожѣ, бывало и погорюемъ и посмѣемся, все вмѣстѣ, а теперь!... Онъ не выдержалъ и зарыдалъ.

Тяжело было смотрѣть на эту картину нищеты и слушать его отчаянныя рыданія, Нолинъ, какъ небылъ хладнокровенъ къ подобнымъ сценамъ, но и самъ не выдержалъ, даже на его лицѣ выразилось состраданіе. —

— Неужели при такомъ бѣдственномъ положеніи вамъ и по службѣ не оказали пособія.

— Выдали батюшко, выдали, лихорадочно проговорилъ страдалецъ, да много ли три рубля помогутъ?

Нолинъ сдѣлалъ еще два, три вопроса, касательно его службы и тутъ же предложилъ отдать новорож-

деннаго ребенка на воспитаніе къ одной изъ его родственницъ.

Какъ ни жалко было бѣдняку разстаться съ послѣдней памятью о его любимой женѣ, но нужда заставила согласиться на предложеніе.

Нолинъ, разставаясь съ чиновникомъ, помогъ ему нѣсколько и въ денежномъ отношеніи. Возвратившись въ гостинницу онъ записалъ у себя въ памятной книжкѣ «12 Іюня 1833 г. взялъ на воспитаніе изъ «города N, отъ титулярнаго совѣтника Красина, сына «его Сергѣя.»

На другой день пріискавши кормилицу, Нолинъ почти семьяниномъ, выѣхалъ изъ города.

По пріѣздѣ въ Лысковскую усадьбу, онъ, при свиданіи съ Лидіей Ивановной, разсказалъ ей о взятомъ ребенкѣ, при чемъ выставилъ себя съ наиболѣе гуманной стороны, а также неприминулъ придать разсказу всевозможно трогательный характеръ, сказавъ, что ребенокъ не имѣя родственниковъ совершенно былъ брошенъ на произволъ судьбы и вообще придалъ всему такую обстановку, что Лидія по свойственному ей простодушію, невольно повѣрила ему и даже предложила свою временную помощь, принятому ребенку. Нолинъ только этого и желалъ. Исторію пріемыша, до времени, условились держать въ тайнѣ. Кромѣ того Нолинъ съ своей стороны, обѣщалъ дальнѣйшее воспитаніе младенца устроить у Баронессы. Пріемыша отдали въ сосѣднее село къ одной надежной женщинѣ. Лидія Ивановна чуть не каждый день навѣщала его, вовсе не подозрѣвая, какая

страшная туча готова была разразиться надъ ея головою.

Обстоятельства, какъ нельзя лучше, помогли Нолину осуществить его низкіе замыслы. Лысковъ, устраивая свои дѣла, почти цѣлое лѣто оставался въ столицѣ, и когда собрался ѣхать къ сестрѣ, то передъ самымъ отъѣздомъ, получилъ отъ Нолина письмо:

— «Григорій Ивановичъ! писалъ онъ, уѣзжая за границу и быть можетъ на долго, я обязаннымъ считаю себя объяснить вамъ нѣкоторыя подробности отношеній моихъ къ вашей сестрѣ. Прежде всего скажу вамъ, что вы напрасно въ послѣднее свиданіе наше обошлись со мною такъ деспотически, я уже и тогда имѣлъ на Лидію болѣе правъ, чѣмъ женихъ ея Громинъ, но вы оттолкнули меня, оттолкнули самымъ непозволительнымъ. образомъ. Вините же себя за послѣдствія. Во время пребыванія сестры вашей въ деревнѣ, я услышалъ, что она благополучно разрѣшилась отъ бремени и подарила меня сыномъ, а васъ племянникомъ. По этому случаю я заѣзжалъ въ вашу деревню, чтобы взять къ себѣ моего ребенка, но получилъ отъ Лидіи Ивановны самый положительный отказъ. Быть можетъ, при теперешнемъ моемъ чистосердечномъ признаніи, она измѣнитъ свое рѣшеніе, то я убѣдительно прошу васъ передать ребенка теткѣ моей Баронессѣ, которую я уже обо всемъ предувѣдомилъ, и которая обѣщала принять его на свое попеченіе. Весьма сожалѣю, что теперь я не въ силахъ загладить свой проступокъ, и жениться на вашей сестрѣ. Дѣло стало уже слишкомъ гласнымъ, а я не хотѣлъ бы еще до сихъ поръ

оставаться ребенкомъ и вашимъ покорнѣйшимъ слугою.»

Лысковъ судорожно скомкалъ письмо Нолина. Трудно было опредѣлить, что перечувствовалъ онъ во время чтенія письма. Лице его было блѣдно и время отъ времени покрывалось темными пятнами, и какъ то страшно подергивалось. Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ его, выкатилась слеза, слеза, которую, ни смерть матери, ни смерть отца, не могли вызвать у него и онъ съ полчаса просидѣлъ почти безъ движенія. Вдругъ на минуту лице его оживилось, сомнѣніе ярко отразилось на немъ и менѣе чѣмъ черезъ часъ, онъ сидѣлъ уже въ дорожной коляскѣ, на пути въ свое родовое имѣніе.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ онъ къ себѣ въ село. Блѣдный, изнуренный, еле держась на ногахъ, взошелъ онъ въ усадебный домъ. Сестра не встрѣтила его, ея небыло дома.

— Гдѣ Лидія? спросилъ онъ у старика управляющаго.

— Кажется, гулять изволятъ въ рощѣ, отвѣчалъ тотъ спокойно, съ удивленіемъ смотря на своего измѣнившагося барина.

Лысковъ молча отправился въ комнату Лидіи и первый предметъ, бросившійся ему на глаза, была крошечная дѣтская шапочка, съ вязательною иглою, измѣннически лежавшая на туалетѣ.

Какъ ужаленный, выбѣжалъ онъ изъ комнаты сестры и не сознавая, что дѣлается съ нимъ, очутился на дворѣ.

— Гдѣ она? кричалъ онъ неистово, обращаясь къ каждому встрѣчному.

Собравшаяся около него прислуга, до того была изумлена видомъ и рѣчами барина, что рѣшительно не знала, что отвѣчать ему.

— А, трусы, подлецы! боитесь сказать куда она пошла, боитесь измѣнить ей и на его лицѣ выступилъ холодный потъ.

Наконецъ одинъ изъ слугъ указалъ Лыскову ту тропинку, по которой еще не давно шла молодая барыня. Григорій Ивановичъ отправился по указанію въ сосѣднюю рощу и безъ труда отыскалъ домъ кормилицы. Лидія Ивановна дѣйствительно была тамъ; ничего не подозрѣвая, она спокойно сидѣла у люльки младенца и разговаривала съ молочной его матерью.

— Ишъ шалунъ какой, улыбаться началъ, говорила она, играя съ дитятею.

— А ужъ какой тихій матушка моя, сударушка, такъ и сказать нельзя, проговорила ходившая за ребенкомъ женщина. Ужъ видно такой же выйдетъ добрый ангельчикъ, какъ и ты моя брилліантовая.

— Какъ я то? простодушно смѣясь, сказала Лидія.

Лысковъ стоялъ у полуотворенной двери, вслушиваясь въ происходившій разговоръ; при послѣднихъ словахъ сестры, онъ сильно распахнулъ дверь и появился въ комнатѣ.

Лидія Ивановна увидѣвъ брата, такъ неожиданно и въ такомъ страшномъ видѣ, какъ прикованная оста-

лась около ребенка, а между тѣмъ Лысковъ, съ самыми неистовыми жестами, подбѣжалъ къ кормилицѣ.

— Чей это ребенокъ? говори чей, повторилъ онъ и толкнулъ ее въ грудь.

— Перепуганная женщина ничего не произнесла, но только рукою указала на Лидію.

— А! языкъ не подымается продолжалъ кричать Лысковъ, подходя къ сестрѣ.

Лидія, сидѣвшая до этого времени, въ какомъ то оцѣпенѣніи, при его приближеніи, вдругъ безсознательно вскочила съ табуретки и инстинктивно загородила собою дитятю.

— Что? ты думаешь, я убью его? Нѣтъ! пусть онъ живетъ на твое мученіе и Лысковъ безъ всякаго сознанія бросился на сестру. . . . . ; чрезъ минуту Лидія лежала безъ чувствъ возлѣ колыбели ребенка, едва дыша.

— Прощай несчастная мать! закричалъ Лысковъ, въ послѣдній разъ, кидая на свою, почти безжизненную жертву дикій, блуждающій взглядъ.

Когда онъ выбѣжалъ изъ дома кормилицы, воздухъ нѣсколько освѣжилъ его и онъ зарыдалъ, то были самыя горькія и послѣднія слезы въ его жизни.

Забѣжавъ къ себѣ въ усадьбу на самое короткое время, онъ тотчасъ же уѣхалъ обратно въ столицу.

Прошелъ уже мѣсяцъ послѣ разыгравшейся между братомъ и сестрою сцены, Лидія Ивановна, только что начала нѣсколько поправляться, приводя себѣ на память все случившееся, какъ вдругъ новый ударъ разразился надъ нею. Братъ, при своемъ письмѣ,

выслалъ ей актовый выдѣлъ изъ родоваго имѣнія, вмѣстѣ съ принадлѣжащими къ тому, по ихъ раздѣлу, ломбардными билетами и настоятельно требовалъ самаго скораго удаленія изъ его имѣнія. Въ заключеніи письма, Лысковъ присовокуплялъ что онъ, уже не считаетъ ее болѣе своею сестрою и что всякое съ ея стороны домогательство вступитъ съ нимъ или съ кѣмъ нибудь изъ общихъ ихъ знакомыхъ въ объясненія, ни къ чему хорошему повести не можетъ. Лидія Ивановна, оскорбленная такимъ поступкомъ брата и смутно понимая причины побудившія его къ этому, черезъ силу собралась въ дорогу и въ тотъ же день, вмѣстѣ съ пріемышемъ, оставила село, незная еще рѣшительно куда направить путь. Громинъ узнавъ объ этомъ происшествіи, весьма сожалѣлъ о Лидіи, но какъ и многіе смертные, вскорѣ утѣшился, отыскавъ себѣ другой предметъ любви на которомъ въ послѣдствіи и женился.

Лысковъ около полугода хворалъ, хандрилъ и никого не принималъ къ себѣ. Оправившись кое какъ отъ болѣзни, онъ передалъ свое родовое имѣніе, напоминавшее ему такъ много грустнаго, одному изъ своихъ дальнихъ родственниковъ и вскорѣ выѣхалъ совсѣмъ изъ столицы. Проѣздомъ ему понравилось одно мѣстечко въ Н—ской губерніи, узнавши, что оно продается, онъ не долго думалъ, купилъ его и окончательно водворился въ новоприобрѣтенномъ имѣніи. Вскорѣ послѣ своего переселенія, Григорій Ивановичъ познакомился съ семействомъ одного сосѣда вдовца, и найдя въ одной изъ его дочерей, хорошень-

комъ и добромъ существѣ, соединеніе тѣхъ нравственныхъ достоинствъ, которыя, по его взгляду на жизнь, могли сдѣлать его счастливымъ и уврачевать разбитое послѣдними событіями въ жизни, сердце, онъ вскорѣ женился на ней, и весь предался заботамъ о женѣ и о хозяйствѣ. Счастливая семейная жизнь и сельскія занятія нѣсколько успокоили его. Родившаяся дочь Елена, почти со всѣмъ помирила его, съ грустнымъ прошедшимъ. Но и тутъ не суждено было ему испытать полнаго счастія. Спустя пять лѣтъ послѣ женитьбы, онъ получилъ отъ Баронессы письмо. Лысковъ совершенно разставшись съ свѣтскимъ кругомъ своихъ знакомыхъ, съ особеннымъ волненіемъ развернулъ его. Баронесса писала, что племянника ея Нолина нѣтъ уже въ живыхъ, но что онъ передъ смертію своей, откровенно признался ей во всемъ и между прочимъ въ выдуманной исторіи, касательно отношеній своихъ къ Лидіи Ивановнѣ и представила Григорію Ивановичу всю опрометчивость поступка его съ сестрою. Въ подтвержденіе своихъ словъ, она обозначила городъ и адресъ Красина, гдѣ предлагала обо всемъ справиться у отца ребенка.

Лысковъ, съ замирающимъ сердцемъ, нѣсколько разъ перечиталъ строки Баронессы; тяжелая тоска снова запала въ его душу, все прошлое такъ живо проходило въ его памяти, сердце болѣзненно билось въ груди.

— Да! я долженъ найти тебя.... Я найду тебя милая, дорогая сестра, говорилъ онъ мысленно, складывая осторожно полученное письмо. Я заставлю те-

бя забыть мой безумный съ тобой поступокъ, я на колѣняхъ вымолю у тебя прощеніе.... Но вдругъ лице его приняло еще болѣе угрюмое выраженіе.... А что, если она умерла, тихо проговорилъ онъ... умерла, и его судорожно подергивало.

Въ тотъ же день Григорій Ивановичъ, скрывъ, по возможности, отъ жены тревожное состояніе свое, снарядился въ путь.

Прежде всего онъ отыскалъ Красина. Старикъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о своемъ ребенкѣ, также сильно горевалъ. Баронесса, хотя выдала ему небольшую помощь, но положеніе его отъ этого мало облегчилось. Григорій Ивановичъ, съ особеннымъ вниманіемъ, выслушалъ разсказъ Красина о его сынѣ, и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы отыскать ребенка.

По совѣту Баронессы, онъ отправился въ Н* на теплыя воды, гдѣ по слухамъ Лидія Ивановна думала прожить нѣкоторое время. Но всѣ старанія отыскать, хотя прежнее мѣсто жительства сестры оказались тщетными, и онъ еще съ большею грустію возвратился къ себѣ въ усадьбу. Съ тѣхъ поръ прошли для него на всегда счастливые дни. Съ тѣхъ поръ часто нападала на него та тоска, которая такъ пугала всѣхъ въ домѣ, тихо грустилъ онъ наединѣ съ самимъ собою, съ своими воспоминаніями и никто изъ домашнихъ не могъ постигнуть завѣтной тайны его сердца.

Красину Лысковъ доставилъ хорошее мѣсто.

Спустя десять лѣтъ, когда Красинъ умеръ, дочери

его были всѣ уже замужемъ и ни въ чемъ не нуждались.

Въ день праздника, село Лапино было въ большемъ оживленіи. Григорій Ивановичъ былъ также какъ то особенно веселъ, поминутно выбѣгалъ въ садъ, гдѣ устраивалась иллюминація и разставлялись различные транспоранты, даже шутилъ съ рабочими.

— Вотъ такъ, такъ ребята, работай дружнѣй. Неударь лицемъ въ грязь. Вензеля-то вверхъ ногами не ставьте и фонарики всѣ по своимъ мѣстамъ.... А это у тебя что Митроха, говорилъ онъ, обращаясь къ одному довольно бравому дѣтинѣ, никакъ ты ужъ успѣлъ себѣ подъ глазъ фонарь подставить, это не совсѣмъ ладно, да и къ иллюминаціи лишнее украшеніе.

— Да ужъ энто такъ изъ усердія баринъ, отвѣчалъ Митроха, поглаживая зашибленное мѣсто.

Старикъ навѣдывался и на половину находившуюся въ распоряженіи жены, подтрунивалъ надъ происходившею тамъ суетнею и вообще былъ такъ веселъ, что еще никто его изъ домашнихъ такимъ не видывалъ. Мать и дочь были въ восторгѣ отъ веселаго расположенія его духа.

Начинало смеркаться, солнце склонялось на западъ разливая свои послѣдніе розовые лучи на усадьбу, долину и чернѣвшій въ далекѣ лѣсъ. Вечеръ былъ

тихъ и ясенъ. Луна гордо и тихо выплыла на голубой сводъ неба, кокетливо отражаясь въ зеркалѣ водъ. Вода чистая, какъ кристаль, казалось засыпала въ своихъ пологихъ берегахъ и только изрѣдка бороздилась шаловливою рыбкой; гдѣ то въ глубинѣ лѣса кричала кукушка, да слышался заунывный голосъ иволги. Иногда нѣжный зефиръ потрясалъ вершины деревъ и пугалъ трусливаго кролика, который прячась въ кустарники, шелестилъ разсѣяннымъ по лѣсу хворостомъ. Вечернія тѣни ложились по долинѣ. Многіе изъ гостей Лыскова, пользуясь чуднымъ Майскимъ вечеромъ, вышли для прогулки въ садъ. Огненные транспоранты и другія, придуманныя Лысковымъ украшенія, разливали по аллеямъ сада радужные и разнообразные цвѣта, представляя самый прелестный оживленный видъ.

Дама высокаго роста съ правильными чертами лица, по нѣкоторомъ молчаніи обратилась къ своей спутницѣ.

— Марья Ивановна, вы не знаете, почему у нихъ нѣтъ сегодня никого изъ Содомцовыхъ?

— Развѣ вы не слышали, что сама Содомцева при смерти? отвѣчала другая.

— Слышала! Но сынъ то хоть по позже, а вѣрно пріѣдетъ?

— Сынъ пожалуй пріѣдетъ, проговорила какъ то не охотно, Марья Ивановна, я слышала, что онъ уже сватался къ Еленѣ Григорьевнѣ, и будто бы получилъ формальный отказъ отъ Лыскова?

— Едва ли это правда, Петръ Петровичъ во всѣхъ

отношеніяхъ, завидный женихъ и богатъ и молодъ, а кротокъ какъ агнецъ.

— Но Григорій Ивановичь имѣетъ на это совершенно другой взглядъ.

— Взглядъ! Много ли у насъ въ провинціи такихъ женіховъ? Ну дожидайся когда какой нибудь странствующій полкъ, богатый бѣдными женихами, подаритъ бездомнымъ поручикомъ.

— Поручикомъ! обиженнымъ тономъ перебила Марья Ивановна. Куда же своихъ то дѣть намъ женіховъ: Грязновы, Лужины, чѣмъ же тѣ то ей не пара? да наконецъ и мой Жоржъ мѣтитъ въ женихи, по окончаніи курса, добавила она какъ то нерѣшительно, и вдругъ замолчала.

Но тишина прекраснаго вечера была неожиданно нарушена. За садовымъ частоколомъ раздался громкій и хриплый голосъ: лови, держи, вправо! влѣво! вонъ тамъ, тамъ, лѣвѣе и по всѣмъ направленіямъ начали вторить голоса, все въ домѣ также забѣгало, засуетилось, но ни отъ кого нельзя было добиться толку о томъ, что случилось. Вездѣ слышались только одни отрывочныя восклицанія: сломалась!... разбился!... молодой!... коренная!... военный! Однако черезъ нѣсколько времени Григорій Ивановичъ удовлетворилъ любопытство гостей, объявивъ, что проѣзжему офицеру попала въ упряжъ одна бѣшеная коренная лошадь, которая его понесла, ямщикъ не могъ удержаться и коляска опрокинулась въ сосѣдній оврагъ, но что повидимому, ни кто опасно не ушибся. Но такое объясненіе, для нѣкоторыхъ наи-

болѣе любопытныхъ гостей, показалась неудовлетворительнымъ. Многіе допытывались, куда ѣдетъ проѣзжій? За чѣмъ? Не ихней ли губерніи? Не новый ли городничій? а главное желали лично увидѣть проѣзжаго.

Между тѣмъ Рощинъ, это былъ онъ, дорого поплатился за удовольствіе побывать на балѣ. Ямщикъ превзошелъ даже его ожиданія и до такой степени гналъ лошадей, что, при одномъ поворотѣ, недалеко отъ барской усадьбы, не въ силахъ былъ сдержать коней и экипажъ опрокинулся, въ находившійся вблизи оврагъ. Рощинъ упалъ почти съ саженной вышины прямо на камень. Ударъ въ лѣвую руку былъ такъ силенъ, что онъ цѣлыя пять минутъ пролежалъ безъ чувствъ. Опомнившись отъ паденія, онъ увидѣлъ около себя большое стеченіе крестьянъ, и между ними своего ямщика и деньщика Ивана. Послѣдній потиралъ ушибленныя ноги, а ямщикъ приподымалъ его, стараясь успокоить всѣхъ присутствующихъ.

— Ничаво... Такой ужъ значитъ случай вышелъ... Вотъ мы де на ноги слетѣли, а ихъ то милость на бокъ!... Что сударь, ручьку то больненько знать зашибъ, добавилъ ямщикъ, помогая Рощину выйти изъ ямы.

Сергѣй Петровичъ выбравшись изъ оврага, лицомъ къ лицу столкнулся съ самимъ Лысковымъ. Помѣщикъ, съ живѣйшимъ участіемъ, распросилъ его объ ушибѣ, и тутъ же въ первой избѣ, предложилъ осмотрѣть поврежденную руку и чѣмъ только можно пособить причиненному ушибу. Рощинъ, чуть не черезъ силу, ста-

рался быть спокойнымъ, благодарилъ помѣщика за вниманіе къ нему, но рѣшительно отказался отъ всякаго медицинскаго пособія. На предложеніе же Григорія Ивановича нѣсколько отдохнуть у него и раздѣлить съ нимъ вечеръ, охотно изъявилъ согласіе и они отправились въ домъ.

Между тѣмъ Лысковскіе люди окружили Ивана и ямщика, оправлявшихся еще на дорогѣ.

— Эка пьяница, мало рожу то разбилъ, кричали ямщику со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ ужо будетъ тебѣ на орѣхи. Чай барина то совсѣмъ искалѣчилъ?

— Чаво искалѣчилъ? Ну зашибъ, и ничаво не буде! Вотъ такъ таки и не буде. Самъ баринъ-отъ прытокъ больно. Вези, говоритъ, во весь махъ. Вотъ я и везъ! Наше дѣло такое, что велятъ, то и дѣлай, грубо проворчалъ ямщикъ.

— Да не въ оврагъ же онъ тебѣ лѣшій велѣлъ въѣхать, проговорилъ съ сердцемъ Иванъ, все еще потирая себѣ колѣна.

— Знамо дѣло что не въ оврагъ, а очутились тамъ, такъ свыше значитъ дано.

— Вотъ будетъ тебѣ свыше дано. Погоди! ужотко стянутъ, кричали ему со всѣхъ сторонъ.

— А ничо не буде, снова твердилъ ямщикъ и расталкивая толпу пробирался къ вырвавшейся изъ упряжи и уже пойманной лошади.

— А что служба, далеконько баринъ то твой путь держалъ? спрашивали Ивана другіе.

— Ну васъ съ разспросами! съ досадою отвѣтилъ

Иванъ, и выразилъ свою досаду крѣпкимъ словцомъ. Нашли время разспрашивать. Нешто не видите, что человѣкъ чуть живъ! Тутъ махнувъ рукою, онъ ковыляя поплелся къ барскому дому.

Прошло уже съ полчаса, послѣ случившагося, а Рощинъ все еще не показывался въ залѣ. Разговоръ между тѣмъ преимущественно продолжался на ту же тему, только съ разными варіяціями. Однако большинство занималось проѣзжимъ.

— Annete, говорила довольно толстенькая брюнетка, ходившей съ нею подругѣ. Бѣдняжка! вѣдь военный?

— Да, mon ange! гвардеецъ, даже! отвѣтила ей подруга и при этомъ какъ то невольно начала поправлять свой блестящій фермуаръ. А гдѣ же имянинница? спросила она, и подруги отправились отыскивать дочь Лыскова.

— Василій Ивановичъ! кричала чуть не на всю залу, пожилая уже помѣщица, мать говорившей въ фермуарѣ. Скажите пожалуста, не знаете ли вы въ какомъ чинѣ проѣзжій?

— Не знаю матушка, я не былъ на мѣстѣ происшествія, отвѣчалъ ей довольно плотный мужчина, съ обстриженной подъ гребенку головой и съ огромными усами; проговоривши это, онъ обернулся къ сосѣду, и что то шепнулъ ему на ухо.

— Да! да! басомъ отвѣтилъ тотъ, закидываетъ удочки!... раненько что то.

— А экипажъ то свой? снова обратилась къ Василію Ивановичу дама.

На этотъ разъ усачъ уже съ досадою отвѣтилъ короткое—не знаю, и вновь обратился къ своему сосѣду.

— А что Семенъ Гавриловичъ, пожалуй изъ за этой исторіи еще на часъ отложатъ вистъ?

— Пожалуй, пожалуй, отложатъ, пробасилъ сосѣдъ. Скверно... А я ужъ придумалъ такой ходъ, что ну! всѣхъ бы въ тупикъ поставилъ. Два дня картъ не выпускалъ изъ рукъ, все дѣлалъ соображенія.

— Евстафій Антоновичъ, снова заговорила мать дѣвицы въ фермуарѣ, поймавъ чуть не за фалду, какую то пожилую худощавую фигурку. Что вы, мой милый исполнили мою просьбу, наказали вашего умника Сеньку.

— Наказалъ-съ, Елена Никаноровна! отвѣтила худенькая фигура.

— Ну, за это очень благодарна вамъ, такъ ему и надо! ишь газетчикъ какой, всю мою дворню взбудоражилъ. Бывало, повѣрите ли, только моргнешь, такъ уже совсѣхъ ногъ къ тебѣ бѣгутъ услуживать, а теперь, кричишь, звонишь, и хоть бы одинъ человѣкъ пожаловалъ на барынинъ зовъ... Такими полубарами всѣ смотрятъ.

— Какъ же! какъ же съ, чистые стали разбойники, говорила худощавая фигура, стараясь подъ какимъ нибудь предлогомъ отретироваться отъ осаждавшей его провинціальной, гуманной аристократки.

— Охъ ужъ этотъ мнѣ вашъ Сенька! Бывало привезете его съ собою, а онъ, бестія этакая, соберетъ

около себя моихъ то олуховъ, ну и разсказывалъ бы имъ о Бовѣ королевичѣ, а то начнетъ имъ разныя завиральные вымыслы читать. Ну всѣ и взбудоражились. Хорошо, что еще рано накрыла вашего проповѣдника, вѣдь его вездѣ чуть не за оракула чтутъ. Вотъ поди и распространяй послѣ этого грамотность.

Дама говорившая эти слова, живо напоминала собою пословицу: знайка бѣжитъ, а незнайка на печкѣ лежитъ.

Наконецъ вошелъ въ залу всѣми ожидаемый Сергѣй Петровичъ Рощинъ. Лицо его было блѣдно. Лѣвая рука висѣла на перевязи, видно было, что онъ сильно мучился ушибомъ, а между тѣмъ старался казаться спокойнымъ. Все общество на перерывъ изъявляло ему сочувствіе. Лысковъ тотчасъ же рекомендовалъ его хозяйкѣ дома и представилъ виновницу праздника—свою дочь. Елена Григорьевна съ особеннымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на Рощина.

— Я думаю вы очень страдаете? Оврагъ у насъ довольно глубокъ. Не вывихнули ли вы руку? быстро и съ участіемъ спросила она.

— Благодарю васъ! за ваше участіе, но ушибъ мой не такъ великъ, да и мнѣ кажется всякій ушибъ долженъ быть позабытымъ, когда находишься въ столь пріятномъ обществѣ, въ которое я такъ неожиданно попалъ, проговорилъ Рощинъ, силясь улыбнуться, но улыбка не ложилась на его блѣдное, мучимое болью лицо.

Въ сосѣдней комнатѣ музыка заиграла ритурнель къ кадрилю.

— А вотъ мы откроемъ для вашего прибытія танцы, привѣтливо произнесъ проходя мимо Сергѣя Петровича хозяинъ.

— Вы вѣроятно танцуете? Не угодноли со мной визави? предложилъ Рощину какой-то молодой франтикъ съ усиками.

— Что ты Петя въ умѣ-ли? произнесъ ему на это тутъ же появившійся усачъ. Человѣкъ едва только оправился, а онъ ему плясъ предлагаетъ. Ужъ извините, молодо-зелено, ему бы все танцовать. Это рекомендую племянничекъ мой, Петръ Петровичъ Содомцовъ, онъ только что пріѣхалъ и кажется не совсѣмъ хорошо разслушалъ о случившемся съ вами, такая ужъ забубенная головушка.

Забубенная голова глупо улыбнулась, оскаливъ рѣдкіе зубы, извинилась въ сдѣланномъ промахѣ и пошла отыскивать себѣ другаго vis-a-vis. Кадриль начался. Содомцевъ стоялъ въ парѣ съ имянинницею. Она была дѣйствительно очень мила въ своемъ бѣленькомъ кисейномъ платьицѣ и съ прекрасною таліею, кокетливо обхваченною голубымъ кушакомъ. Легкое прозрачное покрывало небрежно скользило по чудной бѣлизны и округленности плечь, поэтично набрасывая на всѣ ея формы какую то воздушную дымчатую оболочку. Лицо ея однако выражало мало веселости, чаще всего взглядъ обращался въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ съ ея отцемъ Рощинъ.

— Такъ вотъ-съ какъ, говорилъ Григорій Ивановичъ, Сергѣю Петровичу. Вы ѣдете въ отпускъ къ матушкѣ. Весьма сожалѣю, что невольно избранъ ору-

діемъ отдалить на время ваше свиданіе съ maman. Я немогу отпустить васъ изъ моего дома въ такомъ положеніи. Вы видимо страдаете ушибомъ. Нужно хорошенько осмотрѣть вашу руку.

— Благодарю васъ, право... заговорилъ было Сергѣй Петровичъ. Но въ эту минуту его такъ сильно кольнуло въ ушибленное мѣсто, что онъ закусилъ губы и замолчалъ. На блѣдномъ лицѣ его, выступилъ холодный потъ.

— Да! да! продолжалъ добрый старикъ. Нечего слушать васъ молодежъ. У васъ на лицѣ написано мученіе. Пойдемъ-те ка лучше въ вашу комнату, да сдѣлаемъ сейчасъ же осмотръ и перевязку. Вамъ нуженъ покой. Полно храбриться-то, послушайте ка лучше меня старика и Лысковъ почти силой повелъ Рощина изъ зала. Сергѣй Петровичъ еще разъ кинулъ взглядъ на виновницу своихъ страданій и глаза его встрѣтились съ ея взоромъ. Въ первый еще разъ Елена, съ какимъ то непонятнымъ замѣшательствомъ опустила свои рѣсницы и задумалась.

— Пріѣзжій-то, должно быть дѣйствительно сдѣлалъ неудачный курбетъ, обращаясь къ Еленѣ Григорьевнѣ, со смѣхомъ проговорилъ Содомцевъ.

— А это васъ веселитъ? быстро спросила Елена Григорьевна.

— Конечно одно это веселить не можетъ, запинаясь отвѣтилъ Содомцевъ, но я съ вами, такъ я же не могу скучать?

— Полноте, у васъ нѣтъ никакихъ чувствъ и никакого соболѣзнованія къ ближнему.

— Чувствъ? говорите вы, повторилъ Содомцевъ, попавъ на свою любимую тему.—Да давно-ли я вамъ выражалъ ихъ?.. говорилъ онъ уже съ жаромъ, размахивая безтолково руками.

— Я вамъ уже сказала, что мнѣ рано думать и понимать про тѣ чувства, о которыхъ вы мнѣ въ послѣдній разъ говорили, тихо и въ какомъ то раздумьѣ произнесла Елена Григорьевна. Теперь я говорю про чувства состраданія и соболѣзнованія. Вы просто не хотите понимать меня!

Содомцевъ надуто выслушалъ ее и цѣлый вечеръ, какъ бы въ отмщеніе своей возлюбленной занимался съ другими. Елена Григорьевна весь вечеръ была разсѣянна и часто внутренно задавала себѣ вопросъ: отъ чего бы это происходило?

Между тѣмъ Рощинъ пришелъ въ отведенную ему комнату, насилу, съ помощію слуги и Лыскова, снялъ съ себя сюртукъ. Опухоль у локтя была такъ велика, что сначала хотѣли даже разрѣзать рукавъ. При осмотрѣ ушиба, Лысковъ нашелъ его довольно опаснымъ и сомнительно покачалъ головою.

Наконецъ рука была натерта по указанію Григорія Ивановича какою то бѣловатою житкостью, по его словамъ унимающею жаръ, и Рощинъ улегся въ постель. Однако сонъ долго не хотѣлъ сковать его глазъ, долго еще слышались ему отдаленные звуки музыки, долго еще въ ушахъ звучалъ чудный мелодическій голосъ хорошенькой Елены Григорьевны. Черезъ нѣсколько времени боль въ рукѣ его, начала нѣсколько утихать, за то жаръ въ головѣ увеличился, но из-

неможеніе превозмогло все и онъ уснулъ какъ только можетъ уснуть человѣкъ, испытавшій за разъ, такъ много потрясеній.

Когда Рощинъ проснулся, солнце было уже высоко. Въ комнатѣ его находился Лысковъ. и тихо разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ господиномъ. То былъ ихъ губернскій докторъ Карлъ Карловичъ Штремъ, котораго онъ уже успѣлъ предупредить о больномъ, такъ какъ тотъ находился вблизи ихъ у больной Содомцевой.

Штремъ считался по городу за весьма исправнаго и добросовѣстнаго доктора.

— Ну што! ви хорошъ спаль! спросилъ его докторъ и не дожидая отвѣта сталъ слушать пульсъ его руки.

Рощинъ поблагодарилъ хозяина за его милую предусмотрительность, сообщилъ доктору что спалъ плохо и только подъ утро лучше, но что боль въ рукѣ съ каждымъ часомъ усиливается и жаръ въ головѣ не стерпимый.

Карлъ Карловичъ внимательно продолжалъ слушать пульсъ, молча осмотрѣлъ руку, при этомъ осмотрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлалъ легкія нажатія, при чемъ Сергѣй Петровичъ не могъ уже удержаться отъ боли и не разъ вскрикнулъ. Наконецъ не велѣвъ Рощину, вставать съ постели, дѣлать движенія больною ру-

кою, мѣрнымъ шагомъ удалился съ Лысковымъ изъ комнаты.

Въ столовую куда они пришли, жена и дочь Лыс кова сидѣли за чаемъ и встрѣтили доктора самыми нетерпѣливыми вопросами на счетъ положенія больнаго.

— Sehr schlecht! отвѣчалъ имъ Штремъ, давать мнѣ бумагъ, я будетъ писатъ, и онъ живо написалъ два рецепта.

— Вотъ этотъ мазь говорилъ онъ, показывая на одинъ изъ рецептовъ Fihr mall, и онъ движеніемъ руки показалъ, чтобы ею натирать, а это пустъ будетъ пьетъ добавилъ онъ, показывая на другой рецептъ.

— Такъ вы находите докторъ переломъ очень даже опаснымъ, спросилъ Григорій Ивановичь!

— Та! та! еще таже больше костъ раз...бильсь можетъ нужно руку прочъ.

— Что вы докторъ? съ испугомъ спросила Елена Григорьевна.

— Та! та! упорно говорилъ нѣмецъ, прочъ! прочъ! пустъ лучше онъ ее потеряйтъ а жизнь получайтъ, нежели на уборотъ, сказавши это нѣмецъ засуетился, потому что еще собирался куда то на консиліумъ, и обѣщавшись на другой день пріѣхать къ нимъ съ другимъ врачемъ, тотчасъ же уѣхалъ.

— Бѣдненькій!—проговорила по уходѣ доктора жена Лыскова, легко ли руки лишиться.

— Да! жалко молодой такой, покачивая головой и со вздохомъ сказалъ старикъ, а если ужъ Штремъ

говоритъ, что нужно отнять руку, такъ это ужъ вѣрно. Онъ человѣкъ знающій и никогда ни въ какую крайность не впадаетъ. Жалко, жалко! дай Богъ чтобъ дѣло обошлось безъ ампутаціи, а то пожалуй и не вынесетъ.

Елена съ особеннымъ вниманіемъ вслушивалась въ слова отца и двѣ слезинки сверкнули на ея глазахъ.

— Что съ тобою Леночка спросилъ ее старикъ. Жалко тебѣ молодца. Что дѣлать такъ ужъ Богу угодно, каждый изъ насъ не знаетъ, гдѣ упадетъ; и гдѣ придется распрощаться съ жизнію, а это должно же когда нибудь случиться, и лицо Григорія Ивановича приняло грустное выраженіе.

Все семейство принимало въ больномъ самое живое участіе. Елена Григорьевна каждый разъ когда видѣла деньщика Рощина, обращалась къ нему съ вопросомъ, что лучше ли его барину?

— Стонетъ! стонетъ сударыня. Значитъ тяжело очинно, отвѣчалъ ей обыкновенно Иванъ.

Съ этихъ поръ спокойствіе духа и безпечность прошли для нея. Иногда цѣлую ночь полусидя на своей кроватки, она все думала, а очемъ думала въ томъ и сама не могла хорошенько дать себѣ отчета. Придетъ ей иногда такая свѣтлая, такая чудная и вмѣстѣ грустная мысль, что такъ бы все и плакала.

«Вотъ и я, думала Елена Григорьевна могу пользоваться всѣми прелестями данной мнѣ отъ Творца жизни? родители любятъ меня, окружаютъ своею заботливостію. Чего же мнѣ не достаетъ?... И послѣ этой мысли грудь ея сжимала какая то непонятная тоска и

она мечтала: зачѣмъ не властна я распоряжаться этою чудною жизнію. Зачѣмъ такъ неожиданно могу и сама ея лишиться, при этомъ мысленно переносилась къ Рощину.

«Бѣдный! бѣдный! быть можетъ въ эту минуту онъ страдаетъ, не спитъ, вспоминаетъ свою старушку мать... и часто заря заставала ее въ думахъ и слезахъ.

Прошло около трехъ дней послѣ прибытія въ семейство Лыскова Рощина, Сергѣю Петровичу все дѣлалось хуже и хуже. Карлъ Карловичъ на дню пріѣзжалъ къ нему два раза, привозилъ съ собою другихъ докторовъ, но облегченія больному не было. Наконецъ рѣшено было окончательно переговорить съ больнымъ и предложить ему необходимую для спасенія его жизни ампутацію. Рощинъ не безъ тягостнаго чувства выслушалъ про необходимость отнять ему руку, но такъ какъ другаго исхода не предвидѣлось, при томъ же страданія стали для него уже не выносимыми, то не безъ внутренней борьбы согласился онъ на предлагаемое ему средство. Лысковъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отослать деньщика въ усадьбу къ матери Рощина съ письмомъ, въ которомъ осторожно извѣщалъ ее о случившемся. Весь этотъ день для Сергѣя Петровича прошелъ какъ то особенно мучительно.

Было уже около 12-ти часовъ ночи, когда онъ метался на своей постели, по временамъ издавая глухія стоны и поминутно почти требуя у паходившагося при немъ слуги приготовленное питье. Жажда мучила его. Мысль о предстоящихъ мученіяхъ и опасности не оставляла его и онъ втайнѣ обвинялъ себя, что такъ

скоро согласился на ампутацію. — «Матушка, милая матушка! Неужели не придется мнѣ еще разъ обнять тебя? Неужели сдѣланная мною опрометчивость разлучитъ меня съ тобою... и твоя любовь ко мнѣ и твои заботы обо мнѣ пройдутъ не вознагражденными, ни моею ласкою, ни моею заботою о тебѣ?... Нѣтъ! это будетъ ужасно...» и онъ еще болѣе предавался отчаянію. Потомъ представлялся ему прелестный образъ Елены Григорьевны и онъ въ забытьи произносилъ ея имя.

Вдругъ онъ схватилъ себя за голову. У самой кровати его послышался шелестъ платья.

— Что это не ужели она, Елена, сплю я, или разсудокъ оставляетъ меня, говорилъ онъ съ судорожнымъ движеніемъ.

Елена Григорьевна дѣйствительно стояла возлѣ его кровати, а позади ея въ нѣсколькихъ шагахъ находилась пришедшая съ нею старушка няня, которая набожно крестилась.

Бога ради успокойтесь, чуть слышно произнесла Елена Григорьевна.

— Такъ это не призракъ? нѣсколько уже спокойнѣе, но съ видимымъ удивленіемъ спрашивалъ Сергѣй Петровичъ.

— Нѣтъ! это я... я слышала, что завтра будетъ у васъ консиліумъ, произнесла она дрожащимъ голосомъ... вы дали свое согласіе... на операцію... а я пришла просить васъ... умолять... отмѣнить ваше согласіе... не давать отнимать руку... быть можетъ поправитесь и такъ... я не знаю отъ чего это, прого-

ворила она еще тише,—а мнѣ васъ такъ жаль... такъ жаль!... и она закрыла лице платкомъ.

— Полно, полно моя золотая, Господь съ тобою, произнесла жалобно старушка и перекрестила свою питомицу. Извини батюшка, что побезпокоили твою милость такъ поздно, ужъ такая она у меня, Христосъ съ нею, жалостливая. Пойдемъ, говоритъ, няня къ нему пойдемъ, не спитъ онъ вѣрно, а насъ молъ и не запримѣтятъ. Уговоримъ молъ мы его не давать этимъ бусурманамъ руку то рѣзать. Ну брилліантовой мой, отчего же христіанское дѣло не сдѣлать, добрую душу не спасти. Вотъ и я старая челомъ тебѣ бью, не губи себя родимый, положись ка во всемъ па Царицу Небесную.—Спасетъ тебя и безъ этихъ страстей, право спасетъ.

— Доброе существо! чѣмъ я заслужилъ такое къ себѣ участіе, говорилъ Еленѣ Григорьевнѣ нѣсколько успокоившись Сергѣй Петровичъ. Вы мнѣ явились въ эту минуту, какъ ангелъ облегчитель, какъ посланница неба... Благодарю, тысячу разъ благодарю васъ.

— Такъ вы недадите отнимать себѣ руку, съ какимъ то одушевленіемъ спросила Елена Григорьевна.

Рощинъ тяжело вздохнулъ.

— Но вѣдь это единственный благополучный исходъ для моей болѣзни... Неужели вы думаете... продолжалъ онъ съ энергіею, что и мнѣ жизнь не дорога... да вѣдь я еще не видалъ этой жизни, еще не знаю ея! сказалъ овъ съ какимъ то отчаяніемъ и закрылъ рукою глаза.

Въ это время послышались изъ противоположной комнаты чьи то шаги, и когда Рощинъ вновь очнулся, то въ комнатѣ его, уже никого не было.

Елена цѣлую ночь не смыкала глазъ. Передъ нею постоянно рисовалось блѣдное, но все таки пріятное лице Сергѣя Петровича а въ ушахъ по переменно повторялись звуки, произнесеннаго при первоначальномъ входѣ ея въ комнату имени своего и послѣднихъ словъ, сказанныхъ съ такою силою Рощинымъ: «не ужели вы думаете, что и мнѣ жизнь не дорога...» и она не разъ становилась на колѣни предъ Распятіемъ. И тепло, и горячо молилась она о поданіи облегченія больному. Дума ея была въ эту минуту далеко отъ всего земнаго. Одна мысль, одно стремленіе руководили ею. Это была самая чистая, безкорыстная любовь къ ближнему.

На другой день въ усадьбѣ Лыскова было замѣтно необыкновенное движеніе. Все суетилось, бѣгало, а между тѣмъ, ни чей слухъ не поражался даже обычными возгласами. Какая то таинственность была во всей этой суетливости. Григорій Ивановичъ, дожидая прибытія докторовъ и начала ампутаціи, счелъ не лишнимъ удалить изъ дому жену и дочь, предложивъ имъ на это время погостить у ихъ родственницы. Въ этихъ случаяхъ, онъ всегда руко-

водился мыслію: что женщины въ подобныхъ обстоятельствахъ по слабости своей иногда могутъ ввести еще въ лишніе хлопоты. Кромѣ того къ этому удаленію у него была и другая болѣе побудительная причина. Лысковъ, не смотря на короткое время пребываніе въ его домѣ Рощина, не могъ не замѣтить сильной перемѣны въ его дочери. Черезъ-чуръ уже большое сочувствіе къ проѣзжему, такъ ярко проглядывалось во всемъ, что нельзя было сомнѣваться въ ея сердечномъ расположеніи къ Рощину. Хотя Лысковъ и не имѣлъ еще никакихъ предположеній, касательно будощности Елены, но все же боялся, что бы ея пылкое молодое воображеніе не привело къ какой нибудь опрометчивой привязанности. Удаленіе дочери отъ заинтересовавшаго ее Рощина, онъ считалъ въ настоящее время даже необходимостію.

Когда жена и дочь Лыскова уѣхали, онъ уже болѣе въ спокойномъ состояніи духа отправился въ комнату больнаго.

— Ну что подѣлываетъ ваша проказница рука! все еще продолжаетъ васъ мучить? спросилъ у Рощина, Григорій Ивановичъ.

— Сегодня какъ будто получше, а все... и Сергѣй Петровичъ покачалъ головою.

— Ничего! будьте тверды духомъ, это вамъ необходимо. Вы должны будете сегодня же показать намъ силу вашего характера.

Рощинъ молчалъ.

— Вы не отказываетесь ли уже отъ ампутаціи?

смотря пристально на больнаго, спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Нѣтъ, глухо отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ и снова задумался.

Между тѣмъ время приближалось къ полудню. Ожидаемые доктора явились. Первый вошелъ уже нѣсколько намъ знакомый докторъ Штремъ, за нимъ слѣдовалъ какой то сгорбленный старичокъ съ весьма пріятною и добродушною физіономіею: это былъ одинъ изъ профессоровъ хирургіи, бывшій когда то наставникомъ Штрема, черезъ нѣсколько времени слѣдомъ за ними явился Губернскій операторъ Левъ Львовичъ Маркевичъ, человѣкъ довольно худощавой наружности, съ неподвижными сѣрыми глазами и вообще съ какою то апатичною наружностію. Занимъ вошелъ фельдшеръ изъ семинаристовъ прозывавшійся Никольскимъ, а за нѣкоторые удачные совѣты и леченіе по селамъ и деревнямъ, прозванный знахаремъ и даже пользовавшіися между мелкопомѣстными званіемъ лекаря.

Доктора уселись около кровати больнаго по временамъ перекидываясь между собою фразами на нѣмецкомъ діалектѣ, съ прибавленіемъ къ нему и латинскихъ словъ. Фельдшеръ между тѣмъ раскидывалъ на окнѣ за гардиною всѣ нужные для ампутаціи инструменты. Вскорѣ между докторами завязался маленькій диспутъ. Маркевичъ съ особенною энергіею отклонялъ мнѣніе своихъ собратій давать передъ ампутаціей больному хлолоформъ. Онъ ссылался и на здоровую комплекцію больнаго, который можетъ вы-

нести ампутацію безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, и на наболѣвшее мѣсто въ которомъ небудетъ ощущаться уже такой боли, какая бы чувствовалась при рѣзаніи здороваго мѣста; говорилъ о томъ какое разрушительное свойство оказываетъ въ послѣдствіи хлороформъ на легкіе и наконецъ въ заключеніе приводилъ нѣсколько несчастныхъ случаевъ отъ употребленія его при операціяхъ. Но Штремъ и профессоръ оспаривали эти доказательства. Наконецъ всѣ рѣшили дѣлать ампутацію съ вспомогательными средствами. Когда все было уже готово, больнаго усадили въ кресло и привязали къ нему, Штремъ поднесъ къ носу его напитанный хлороформомъ платокъ.

— Умоляю васъ! окончить все скорѣй, проговорилъ Сергѣй Петровичь и тотчасъ же погрузился въ лихарадочный сонъ.

Маркевичъ засуетился около своей жертвы и прехладнокровно съ какою то любовію занялся отнятіемъ руки. Глухія стоны и невнятный бредъ издаваемые Рощинымъ не возбуждали въ операторѣ никакого смущенія, лицо его было покойно.

Лысковъ, при началѣ слѣдившій за ампутаціей не могъ долѣе оставаться вблизи и отошелъ.

— Неужели и въ этомъ человѣкѣ въ настоящее время есть чувство и душа, думалъ онъ, смотря издали на дѣйствія Маркевича.

Дѣйствительно въ это время Маркевичъ былъ скорѣе похожъ на автомата. Спокойствіе духа въ немъ было изумительное, онъ рѣзалъ руку живаго человѣ-

ка, съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будтобы рука эта, принадлежала неодушевленному трупу.

Черезъ десять минутъ, у больнаго рука была уже отнята по-локоть—и Маркевичъ занимался окончательною отдѣлкою на чисто. Это было самое мучительное ощущеніе для Рощина. Наконецъ боль превозмогла усыпленіе и полуоткрытыя глаза больнаго оживились вновь жизнію.

— Воды! воды! простоналъ Сергѣй Петровичъ.

Лысковъ тотчасъ же бросился къ нему со стаканомъ воды.

— Бога ради укрѣпитесь, говорилъ онъ, подавая ему пить. Мужайтесь еще нѣсколько секундъ, а между тѣмъ, у самаго дрожали руки и вода выплескивалась изъ подаваемаго стакана.

— Ничего, все будетъ хорошо: почти совсѣмъ готово, спокойно говорилъ Маркевичъ и самъ вертѣлся около больнаго, стягивая вновь пойманную жилу.

Сергѣй Петровичъ отъ боли впалъ въ сильный обморокъ.

Маркевичъ окончивъ ампутацію, забинтовалъ больное мѣсто и приложилъ ледъ. Перевязаннаго больнаго перенесли на постель.

Когда Сергѣй Петровичъ открылъ глаза, въ комнатѣ было все уже убрано и около постели его, лишь изрѣдка доктора тихо перекидывались отрывистыми фразами. Фельдшеръ чѣмъ то смачивалъ его виски и давалъ нюхать пузырекъ съ какою то эссенціею.

— Чего вы хотите отъ меня? какъ то дико закричалъ Рощинъ на окружающихъ: вы хотите выр-

вать у меня это сознаніе?... Нѣтъ сердце,... сердце прежде всего и онъ силился вырваться изъ подъ стягивающихъ его бинтовъ.

— Бредъ! качая головою проговорилъ профессоръ, ощупывая пульсъ здоровой руки.

Маркевичъ и Штремъ заговорили вновь о комплекціи больнаго. Между тѣмъ Лысковъ поправляя подушки у страдальца, прислушивался къ ихъ словамъ. У полуоткрытыхъ дверей толпились люди его и поминутно выставлялась то одна, то другая голова.

Вскорѣ Лысковъ и доктора удалились въ другіе комнаты. Они продолжали толковать о больномъ.

— Да! да! говорилъ профессоръ, молодость и настоящее хорошее время года, могутъ возвратить его къ жизни. Но такая быстрая горячка все таки господа опасна, и даже очень опасна! Тутъ профессоръ обратился къ самому Григорію Петровичу: велите вашимъ людямъ, какъ можно рѣже приходить въ комнату больнаго. Окружите его теперь всевозможнымъ спокойствіемъ, а время и переломъ горячки покажетъ намъ, что нужно дѣлать.

Доктора потолковали еще кое о чемъ между собою, прилично выпили и закусили у гостепріимнаго хозяина и заглянувши еще разъ въ комнату больнаго, выѣхали изъ усадьбы Лыскова. Черезъ нѣсколько минутъ, на пути, они уже весело трактовали совершенно о постороннихъ предметахъ.

— А что господа, какъ вамъ нравится современный взглядъ и направленіе литературы? смѣясь говорилъ

Маркевичъ. По моему мнѣнію направленіе чисто горячечное.

— Впрочемъ подобное направленіе необходимо, съ важностью проговорилъ профессоръ, оно родилось въ слѣдствіе потребностей общества, его цивилизаціи. Но вотъ скверно, къ чему хотятъ въ медицину-то, въ медицину вводить измѣненія. И онъ вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдниковъ.

— Да, я совершенно съ вами согласенъ, г. профессоръ; это дерзость измѣнять науку; т. е. правила перешедшія къ намъ отъ *Иппократа*; тутъ Маркевичъ началъ какъ-то осязательно перещупывать и припоминать весь старинный ученый хламъ.

— О та! та! нюхая табакъ замѣтилъ Штремъ. Наукъ святъ, наукъ родился съ опитъ, а опитъ... тутъ не договоривши, онъ такъ великолѣпно чихнулъ, что даже заставилъ вздрогнуть ко всему равнодушнаго Маркевича.

Между тѣмъ въ это самое время, паціентъ ихъ въ бреду метался на постели, по временамъ обращаясь къ сидѣвшему возлѣ него Григорію Ивановичу.

— Ты вѣдь знаешь ее.... ее.... поминутно твердилъ больной. Это вѣдь Елена.... мать моя.... она была прежде старухой.... вонъ тамъ.... тамъ!

Лысковъ еще разъ кинулъ взглядъ на больнаго, безсознательное положеніе котораго и безсвязный бредъ навѣяли на него особенную грусть, и онъ съ тяжелымъ настроеніемъ духа, вынужденъ былъ удалиться отъ постели больнаго.

Прошла уже цѣлая недѣля со дня ампутаціи, больной все не поправлялся. Доктора навѣщали его почти каждый день. Часто спорили они между собой о методѣ леченія, но потомъ обыкновенно мирились, безпрестанно перемѣняли лекарства и уходили всегда съ лицами ничего не обѣщавшими. Въ тотъ день, въ который по соображеніямъ ихъ, долженъ былъ послѣдовать переломъ болѣзни Сергѣя Петровича, жаръ и бредъ у него усилились. Доктора окончательно выразили сомнѣніе въ возможности его выздоровленія.

Григорій Ивановичъ сильно призадумывался: его безпокоила мысль, отчего нѣтъ такъ долго никакихъ извѣстій отъ матери Рощина, наконецъ, присутствіе умирающаго въ домѣ и разлука съ семействомъ производили на него въ высшей степени тягостное впечатлѣніе.

Казалось сама природа въ этотъ день сочувствовала мрачному характеру всего происходившаго въ усадьбѣ Лыскова. Дождь крупными каплями колотилъ въ стекла. Порывы сильнаго вѣтра, врываясь въ трубы дома съ завываніемъ отдавались въ комнатѣ. Сѣрыя облака заслонили весь небосклонъ, суетливо носясь по необозримому пространству неба. Вотъ блеснула гдѣ то молнія. Гулъ громоваго удара донесся до дому, потомъ удаляясь съ раскатами, отдался еще разъ въ далекѣ и замеръ.

Лысковъ подошелъ къ окну. Гдѣ же это счастіе, думалъ онъ. Неужели мы всѣ только гоняемся за нимъ? Или дѣйствительно, въ сущности оно мечта, и мо-

жетъ существовать при извѣстныхъ только условіяхъ, и онъ погрузился въ воспоминанія прошлаго. Новые раскаты грома вывели его изъ забытья. Лысковъ, прошедшись нѣсколько разъ, отправился въ комнату Рощина.

Больной тяжело дышалъ, глаза его были полузакрыты и нѣсколько закатившись, на губахъ выступала пѣна.

Григорій Ивановичъ поспѣшно приложилъ ко лбу больнаго руку и безнадежно опустился въ кресло возлѣ его кровати. Вотъ наша жизнь, думалъ онъ: давно ли былъ онъ такъ свѣжъ, полонъ жизни, и вотъ въ какія нибудь полторы недѣли, что изъ него сдѣлалось; старикъ съ особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ на больнаго.

Вдругъ вблизи, кто то назвалъ его по имени, Лысковъ обернулся и увидѣлъ предъ собою фигуру фельдшера Никольскаго, неотлучно находившагося при больномъ.

— А, это ты! Ну что Никольскій, больной-то нашъ кажется ужъ очень плохъ?

— Плохъ-съ! плохъ-съ! да все не ладно около него творится, при другомъ началѣ страждущій могъ бы поправиться, проговорилъ бывшій семинаристъ.

— Что же такое не ладно то? спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Да вотъ-съ, хоть бы сказать вамъ примѣрно на счетъ медицины нашей. Ну, всмотритесь хорошенько въ положеніе больнаго и уразумѣете, что его доктора лечили, лечили, а какъ залечили такъ и обра-

тились вспять. А я значитъ хочу рѣчь подержать про себя. Человѣкъ я маленькій, ученыхъ ихъ писаній не то чтобы сочинить, а и понимать порядкомъ не могу. Право такъ, а крестьянскіе недуги случалось вылечивалъ удачно, безъ хвастовства скажу, что подымалъ такихъ, что ужъ на ладонъ дышали; а чѣмъ и пользовалъ, самымъ простымъ средствомъ. А наши то ученые, сказалъ онъ, раздражительно махнувъ рукою терпѣть не могутъ нашихъ снадобій, а вотъ многоли своею то латинью пользы надѣлали? Ну, докторъ Штремъ дѣйствительно знаетъ свое дѣло, да ужъ къ наукѣ зело строгъ и значитъ ни на шагъ отъ нея не отступаетъ. Маркевичъ славный операторъ, да въ этомъ одномъ и доблестенъ, а ужъ лечить, ни, ни, тяжелъ! Профессора то, я мало знаю. Ну и выходитъ всѣ розно думаютъ, всѣ розно лечутъ, а страждущій между тѣмъ умираетъ.

Григорій Ивановичъ выслушалъ съ большимъ вниманіемъ Никольскаго, отошелъ отъ кровати и сѣвъ къ окну пригласилъ фельдшера сдѣлать тоже.

— Что же ты находишь особенно неправильнаго въ ихъ леченіи?

— Да все Григорій Ивановичъ, во первыхъ, по крайнему моему разумѣнію, тотчасъ послѣ ампутаціи больному никакихъ лекарствъ давать бы не слѣдовало, выходитъ что всѣ эти зелья, онъ указалъ при этомъ на батарею стклянокъ, стоявшихъ на окнѣ, по наукѣ то и очень пользительны, да къ нашему то больному примѣрно не подходящія. Прежде всего нужно было бы похлопотать о прекращеніи воспалительнаго состо-

нія, отрѣза руки больнаго, какъ на главную причину горячечнаго его состоянія, а во вторыхъ не мучить бѣдняка каждый день излишними перевязками, и на рану то прикладывать что нибудь подѣльнѣе спуску.

Въ эту минуту молнія ярко освѣтила комнату и надъ самымъ домомъ Лыскова раздался громовой ударъ. Фельдшеръ вздрогнулъ и набожно перекрестился. Больной въ забытьи простоналъ.

— Такъ что же бы по твоему нужно было дѣлать? снова спросилъ Григорій Ивановичъ.

— А вотъ что-съ, перво на перво значитъ нужно... началъ было Никольскій, да и остановился, потомъ посмотрѣвъ на больнаго продолжалъ: да что Григорій Ивановичъ, теперь ужъ надо бы не то, чтобы, такъ сказать мудрствовать, а значитъ за дѣло приниматься, да вотъ званіе то мое этого значитъ не дозволяетъ.

— Да что же наконецъ! говори толкомъ, сказалъ съ нетерпѣніемъ Лысковъ.

— Есть у меня Григорій Ивановичъ эдакая значитъ мазь, составленная изъ деревенскихъ нашихъ травъ и такое это она цѣлебное свойство имѣетъ, что самые страшные ушибы и разрѣзы вылечиваетъ въ самое скорое время, а ужъ вреда ни, ни, только жаръ унимаетъ и затягиваетъ. Потомъ есть у меня Григорій Ивановичъ, изволите видѣть, другая трава, для питья употребляемая, имѣетъ она это успокоительное и укрѣпительное свойство. Вотъ этими то средствами надо бы лечить больнаго,—и потомъ онъ какъ то пе-

чально добавилъ,—да гдѣ же лечить-то, права-то на это я никакого не имѣю.

Григорій Ивановичь задумался.

— А вотъ каковскій случай былъ позапрошлую весну: Въ сосѣднемъ селѣ у насъ живетъ крестьянка Букина, лѣтъ семидесяти этакъ будетъ. Водянка съ ней случилась, да такая, что инда къ горлу стала подступать. Доктора сначала интересовались ею, но походили, походили, да и бросили. Значитъ не сегодня такъ завтра, въ гробъ клади. Случись я на ту пору, и думаю себѣ, дай облегчу хоть передъ смертью то старуху. Вотъ, помню какъ теперь, досталъ это я бутылочку мадеры, да съ три золотничка морскаго луку, смѣшалъ да настоялъ по крѣпче ну и наказалъ ей принимать рюмочку утромъ, да рюмочку вечеромъ, а на ноги то пластыри намазалъ, значитъ уже изъ острой мази, что же вы думаете? Настойка то моя совсѣмъ старуху укрѣпила и вода то отошла, а на ногахъ то пластыри нарвали волдыри и съ нихъ вода пошла. Старуха то и по сихъ поръ живетъ, да и баба то молодецъ еще какой. Доктора то какъ опосля ее увидали, такъ таки и ахнули. Ну, а я, конечно зарокъ далъ старухѣ, обо мнѣ ни говорить ни слова, а вотъ молъ милость Божія вышла. Оно такъ то такъ, а все же наше деревенское леченіе очень и очень въ пору приходится иной разъ.

— Да откуда же ты самъ почерпнулъ всѣ эти свѣдѣнія, спросилъ его Григорій Ивановичь.

— Да отъ покойнаго батюшки маненнечко наслѣдовалъ, тотъ любилъ значитъ заниматься этимъ, ну и

самъ то завсегда бывало травку муравку разбираю, да варю, такая у меня охота ужъ была, съ охотки то я и въ фельдшара пошелъ.

Лысковъ попросилъ его объяснить составъ предлагаемыхъ для больнаго средствъ, сдѣлалъ кое-какія справки по имѣвшимся у него медицинскимъ книгамъ и наконецъ, видя такое безнадежное положеніе больнаго, рѣшился испытать на дѣлѣ эти средства. Вскорѣ больному была сдѣлана новая перевязка, при которой онъ въ безпамятствѣ сильно бился и кричалъ. Потомъ дали ему приготовленное изъ травъ питье и онъ въ скоромъ времени забылся, но забытье его въ первый разъ походило нѣсколько на натуральный сонъ.

— Видите! говорилъ радостно фельдшеръ. Это у него значитъ теперь не то безсознательное оцѣпеніе, а сонъ настоящій. Посмотрите какъ это укрѣпитъ больнаго и бредить меньше будетъ?

Григорій Ивановичъ и самъ былъ доволенъ такому скорому дѣйствію составленныхъ травъ, хотя чрезъ то рѣшительно ничего не могъ заключить о дальнѣйшемъ ихъ дѣйствіи.

Погода пачала нѣсколько разгуливаться. Дождь пересталъ. Громъ слышался далеко въ сторонѣ, по временамъ проглядывало изъ за тучъ солнышко, разсыпая брилліантовыя отраженія на оставшихся отъ дождя капляхъ.

Григорій Ивановичъ вышелъ на терассу, съ которой былъ видъ на проселочную дорогу. Свѣжесть и благоуханіе воздуха пріятно пахнули въ его лицо.

Вдругъ глаза его приковались къ дали. По дорогѣ чуть чуть виднѣлся тарантасъ.

— Ужъ не мать ли Рощина проговорилъ онъ, не зная радоваться, или печалиться ея пріѣзду.

Тарантасъ подъѣзжалъ все ближе, ближе и наконецъ вырисовались ясно фигуры деньщика Ивана и ямщика.

Иванъ, подъѣхавъ къ дому и увидѣвъ Лыскова на терассѣ, почтительно снялъ шапку. Въ это же самое время Григорій Ивановичъ замѣтилъ сидѣвшую внутри повозки женщину и тотчасъ же отправился на встрѣчу гостьѣ.

Довольно пожилая дама, одѣтая вся въ черное, суетливо вылѣзала изъ тарантаса.

— Скорѣе, скорѣе, говорила она опережая Ивана. Веди меня къ нему, гдѣ онъ? и съ необыкновенною поспѣшностію бросилась она въ домъ. Еще нѣсколько шаговъ и она была бы въ комнатѣ больнаго, но при входѣ въ залу пріѣзжая неподвижно остановилась. Передъ нею стоялъ Лысковъ. Оба какъ бы прикованные съ минуту простояли другъ передъ другомъ молча. Наконецъ Григорій Ивановичъ первый вышелъ изъ оцѣпененія и съ восторгомъ вскрикнулъ:

— Сестра! и бросился въ ея объятія.

Лидія Ивановна, это была она, смотрѣла какъ то смутно на все происходившее около нея. Встрѣча съ

братомъ была такъ неожиданна, что ни ласки Григорія Ивановича, ни живые родственные вопросы, ничто не могло вывести ея изъ какого то остолбенѣнія.

Разскажемъ же какъ все это случилось.

Выѣхавши послѣ исторіи съ братомъ изъ родоваго имѣнія, Лидія Ивановна, какъ уже мы сказали, не имѣла въ виду ничего положительнаго куда ей ѣхать? Прибывъ въ ближайшій отъ усадьбы городъ, она расположилась въ немъ отдохнуть нѣкоторое время, но вслѣдствіе сильныхъ потрясеній, до такой степени ослабѣла, что принуждена была снова лечь въ постель и не могла уже продолжать пути далѣе. Тутъ то случайно познакомился съ ней докторъ Рощинъ.

Въ жизни нашей на каждомъ шагу встрѣчается много нечаяннаго, необъяснимаго. При томъ же и самъ человѣкъ весьма рѣдко можетъ противиться силѣ обстоятельствъ. Развѣ только натуры съ энергическимъ умомъ, глубоко проникнутые нравственными началами жизни, удерживаютъ за собою, при житейскихъ треволненіяхъ, принятыя ими правила для жизни. Чаще же человѣкъ не думая, не гадая попадаетъ на путь, по которому ведетъ его совершенно случай и куда дѣваются всѣ его предположенія, всѣ расчеты. Къ счастію впрочемъ благое Провидѣніе устроило такъ, что при всей слабохарактерности человѣка, оно неисповѣдимо. невидимыми путями, кажущимися для обыкновеннаго глаза случаемъ, ведетъ его всегда къ лучшему. Такъ было и съ Рощинымъ, это былъ пожилой уже человѣкъ. но съ весьма пріятнымъ и добродушнымъ лицемъ, на которомъ вполнѣ отражались прекрасныя стороны его

внутренней жизни. Одинокій, независимый, долго для ученыхъ занятій жившій за границею, онъ въ это время ѣхалъ въ нашу сѣверную столицу повидаться съ другомъ дѣтства—собратомъ по наукѣ, чтобы подѣлиться съ нимъ вновь пріобрѣтенными знаніями и открытіями въ наукѣ. Проѣздомъ онъ остановился въ одномъ домѣ съ Лидіею и нечаянно узнавъ о болѣзни сосѣдки навѣстилъ ее. Занявшись же серьезно леченіемъ больной, онъ остался въ городѣ долѣе чѣмъ предполагалъ. Лидія Ивановна пролежала почти два мѣсяца въ страшномъ тифѣ и только неусыпное попеченіе Рощина спасло ее отъ смерти. Поправившись отъ болѣзни, она была такъ признательна своему избавителю, что подарила его полною довѣренностію и откровенно разсказала о своемъ грустномъ, безпомощномъ положеніи. Докторъ хотѣлъ сначала вступиться за нее и самъ объясниться съ ея братомъ, но Лидія Ивановна упросила его не дѣлать этого. По совѣту Рощина она отправилась на минеральныя воды, Рощинъ получилъ позволеніе ей сопутствовать, подъ предлогомъ окончить начатое имъ леченіе. Участіе его и искренность до такой степени разположили Лидію къ нему, что спустя мѣсяцъ послѣ пріѣзда на воды, она нисколько не задумалась изъявить согласіе на предложеніе Рощина быть спутницею его въ жизни. Скоро потомъ состоялась и свадьба ихъ. Въ знакъ своего уваженія къ Лидіи, Рощинъ усыновилъ даже и ея пріемыша. Но спустя два года послѣ своего замужества Лидія Ивановна внезапно овдовѣла. Это потрясеніе, разстроило снова, еще не совсѣмъ поправившееся ея здоровье, и она уѣхала лечиться за гра-

ницу. Возвратившись въ Россію, Рощина купила въ одной изъ южныхъ губерній небольшое имѣніе и поселилась въ немъ, ведя совершенно отшельническую жизнь и посвятивъ себя вполнѣ воспитанію усыновленнаго пріемыша. Подроставшій ея воспитанникъ нашелъ въ ней и нѣжную мать и умную наставницу. Получивъ весьма удовлетворительное домашнее воспитаніе, онъ безъ труда могъ потомъ продолжать образованіе въ одномъ изъ столичныхъ корпусовъ.

При началѣ нашего разсказа, Сергѣй Петровичъ окончивъ прекрасно курсъ ѣхалъ къ матери послѣ пятилѣтней съ нею разлуки.

— Что со мною! это вѣрно сонъ, говорила Рощина брату.

— Нѣтъ это не сонъ моя дорогая сестра, это самая счастливая въ жизни моей дѣйствительность. Ты наконецъ возвращена мнѣ. Если бы ты знала, въ какомъ я теперь нахожусь восторгѣ. Твое возвращеніе даетъ мнѣ возможность сколько нибудь загладить предъ тобою ту дикую выходку, которую я себѣ когда то позволилъ. Вѣдь совѣсть мнѣ не даетъ покоя съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ о всей несправедливости моей къ тебѣ. Прости же меня, прости! Я кажется довольно уже выстрадалъ за свой необдуманный поступокъ.

— Я тебя во всемъ давно простила, проговорила тихо Лидія Ивановна и если ты считаешь меня вполнѣ достойною твоей братской любви, то я охотно готова протянуть тебѣ снова руку прежней любящей тебя сестры и забыть все!... все, повторила она тяжело вздохнувъ и снова съ любовію взглянула на

брата. — А мой Сергѣй. скажи Бога ради, что съ нимъ?

Григорій Ивановичъ собралъ всѣ свои силы, чтобы не выразить даже въ лицѣ своемъ, то критическое положеніе, въ которомъ находился Сергѣй Петровичъ, и успѣвъ наконецъ успокоить и убѣдить сестру отложить на время такое неожиданное для больнаго свиданіе, употребилъ всѣ мѣры чтобы окружить ее, во время пребыванія у него въ домѣ, всевозможными удобствами. Братъ и сестра успокоившись передали другъ другу прошедшее. Рощина болѣе всего интересовалась разскаааами брата о фамиліи Краеилиныхъ.

— Такъ у него еще и сестры есть, спросила быстро Рощина, по окончаніи разсказа брата о родословной ея пріемыша.

— Какъ же, и слава Богу въ настоящее время всѣ пристроены. Но, неужели онъ еще ничего не знаетъ о своемъ происхожденіи.

— Ничего! я не хотѣла чтобы онъ думалъ, что онъ сирота, его вѣдь это очень, очень разстроило бы.

Съ обѣихъ сторонъ наступило молчаніе. Казалось оба, не смотря на радость свиданія, имѣли на душѣ что то тяжелое. Наконецъ Рощина снова начала просить у брата позволенія посмотрѣть на больнаго.

— Покажи мнѣ его, я его такъ люблю, что не знаю, могла ли бы любить роднаго сына также; онъ былъ единственною поддержкою моей жизни.

Григорій Ивановичъ на этотъ разъ рѣшительно отказалъ ей въ этомъ, а самъ между тѣмъ съ какимъ то замираніемъ сердца отправился къ больному.

Никольскій встрѣтилъ его съ самою одушевленною, даже веселою физіономіею.

— Спитъ Григорій Ивановичъ, спитъ отецъ родной, вотъ изволите увидѣть какъ это будетъ благодатно.

Лысковъ подошелъ къ кровати больнаго и сѣлъ возлѣ него. Сергѣй Петровичъ спалъ дѣйствительно довольно спокойно, только дыханіе его было нѣсколько прерывисто. У Григорія Ивановича и у самаго голова шумѣла, било въ виски и стучало въ ушахъ.— Боже мой! подумалъ онъ, какое стеченіе обстоятельствъ и все это такъ вдругъ, неожиданно.

Больной въ это время повернулъ голову и открылъ глаза.

Лысковъ притаилъ дыханіе.

— Это вы, тихо проговорилъ очнувшися Сергѣй Петровичъ. Ахъ, какъ я страдаю, какая боль въ рукѣ и онъ какъ бы припоминая что-то, окидывалъ комнату глазами.

— Потерпите... это ничего такъ... хорошо... говорилъ Григорій Ивановичъ въ замѣшательствѣ.

— Пить... дайте мнѣ пить, и больной застоналъ.

Фельдшеръ бросилси со всѣхъ ногъ за питьемъ, у него отъ радости, что больной пришелъ въ память, на глазахъ показались слезы.

— Ну слава Богу, слава Богу, теперь вамъ не въ примѣръ лучше! А мы получили отъ вашей матушки письмо, она сюда ѣдетъ и скоро будетъ здѣсь, говорилъ Григорій Ивановичъ.

— Матушка! гдѣ же это письмо, покажите мнѣ

его скорѣе съ жаромъ проговорилъ Сергѣй Петровичъ.

— Не говорите много, ради Бога не говорите, упрашивалъ его фельдшеръ, дѣлая какіе-то знаки Лыскову.

— Да, да, это не хорошо, вамъ вредно много говорить, повторилъ въ свою очередь растерявшійся старикъ. Погодите, послѣ мы съ вами обо всемъ потолкуемъ.

— Милая, дорогая матушка, Боже мой, какъ я радъ, говорилъ между тѣмъ Сергѣй Петровичъ и чрезъ нѣсколько минутъ снова забылся.

Лысковъ тихонько всталъ со стула и чуть слышно удалился изъ комнаты.

На другой день въ гостинной Лыскова происходилъ слѣдующій разговоръ между братомъ и сестрой.

— Другъ мой, говорилъ съ чувствомъ Григорій Ивановичъ, я тебѣ еще разъ повторяю, что хотя опасность повидимому миновалась, но все таки нужно имѣть осторожность. Нечаянная радость можетъ имѣть гораздо худшія послѣдствія, чѣмъ мы думаемъ.

— Такъ нельзя-ли хоть издали взглянуть на него братецъ?

— Подожди еще не много, вѣдь ты пожалуй не выдержишь и войдешь въ комнату или вскрикнешь, а это можетъ стоить больному даже жизни.

— О сохрани Боже! съ испугомъ проговорила Лидія Ивановна, я лучше подожду.

Лысковъ съ участіемъ пожалъ ей руку.

— Да, потерпи Лидія. Лучше увидѣть его когда нибудь, чѣмъ никогда!

Въ это время послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа и вскорѣ Штремъ и Маркевичъ вошли въ комнату.

— Ну, што какъ? спросилъ Штремъ.

— О! больному гораздо лучше, даже въ память пришелъ, поспѣшно отвѣтилъ Григорій Ивановичъ.

— Я говорилъ вамъ, сказалъ Маркевичъ Штрему, я говорилъ, что быть можетъ молодость больнаго спасетъ его.

Штремъ съ Маркевичемъ отправились въ комнату Рощина.

— Нужно посовѣтоваться съ докторами на счетъ твоего свиданія съ Сергѣемъ, сказалъ Григорій Ивановичъ сестрѣ.

— Хороши-ли у васъ доктора? спросила она.

— Всѣ хвалятъ, самые лучшіе въ околоткѣ! отрывисто отвѣчалъ Лысковъ и о чемъ-то задумался.

Въ скоромъ времени доктора возвратились. На самодовольныхъ ихъ лицахъ, можно было прочесть о благополучномъ состояніи больнаго.

— Опасность нашего паціента совершенно миновалась, проговорилъ важно Маркевичъ.

— Ну а что рука его? спросила торопливо Лидія Григорьевна.

— Булъ бы самъ здоровъ, а рукъ, это нишего, сказалъ Штремъ.

Григорій Ивановичъ представилъ докторамъ свою сестру, какъ мать больнаго и просилъ ихъ совѣта, какъ поступить въ отношеніи свиданія ея съ сыномъ.

— Теперь никакъ нельзя, мы даже отложили дѣлать ему перевязку, чтобы только не безпокоить его. Прежде всего нужно слегка ему дать знать о вашемъ пріѣздѣ, а потомъ можно устроить и свиданіе.

— Та, та! Das ist recht, бормоталъ между тѣмъ Штремъ.

Наконецъ по общему согласію рѣшено было назначить это свиданіе на третій день. Доктора потолковавъ за тѣмъ нѣсколько времени, касательно ухода за больнымъ, уѣхали.

Между тѣмъ возвратились жена и дочь Григорія Ивановича. Онъ далъ имъ знать о пріѣздѣ Рощиной, и онѣ поспѣшили увидаться съ пріѣзжею.

Елена Григорьевна въ это отсутствіе такъ похудѣла, что казалось и сама требовала пособія доктора. Первымъ вопромъ по пріѣздѣ ея было, какъ больной? Во время разсказа о болѣзни Сергѣя Петровича, Елена Григорьевна нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ и нѣсколько слезъ тайкомъ упали съ ея очаровательныхъ рѣсницъ.

Лысковъ въ короткихъ словахъ разсказалъ о близкомъ родствѣ своего семейства съ Рощиными.

— Такъ это мой cousin, ну теперь я ужъ не отойду отъ него!

— Какъ можно, душенька! Это надобно покуда

держать въ секретѣ. Теперь особенно слѣдуетъ беречь больнаго, всякая внезапность для него опасна, сказалъ ей отецъ.

Въ тотъ же вечеръ жена и дочь Лыскова навѣстили больнаго, Елена Григорьевна взглянувъ на измѣнившагося Рощина не могла уже владѣть собою и горько заплакала.

— Вѣдь я говорила вамъ чтобы вы не давали рѣзать руки, а вы вотъ какъ послушались. Богъ съ вами! Да какъ же вы страдали должно быть въ это время?

— Благодарю за вашу память обо мнѣ, теперь я чувствую себя не много лучше, тихо произнесъ Рощинъ.

— А мы получили еще письмо отъ вашей мамаши.

— Что же она пишетъ? быстро спросилъ больной.

— Пишетъ, что сегодня, или завтра, по ея разсчету должна быть здѣсь.

— О! неужели это правда. Какъ это меня радуетъ. Я уже и теперь отъ одного этого извѣстія становлюсь бодрѣе.

— Да! да! вы увидитесь съ нею и скоро увидитесь, говорила радостно Елена Григорьевна, а я буду теперь постоянно навѣщать васъ Сергѣй Петровичъ, буду читать вамъ что нибудь. Вѣдь вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи, сказала она какъ то оживленно.

— Какъ вы добры, я право не знаю какъ и благодарить васъ за такое искреннее участіе.

Сергѣй Петровичъ по уходѣ Лысковыхъ, много размышлялъ о родственномъ ихъ расположеніи къ нему.

— Какое же это милое и доброе существо, говорилъ онъ про себя, припоминая нѣжный и пріятный голосъ Елены Григорьевны.

Наступилъ наконецъ день, назначенный для свиданія Рощина съ матерью. Въ первую минуту ни онъ, ни она не могли произнести ни одного слова. Больной поднялся даже съ постели, чтобы встрѣтить мать, но въ изнеможеніи упалъ опять. Не смотря на это пріѣздъ Рощиной былъ для него блгодѣтеленъ. Здоровье его послѣ того начало быстро возстановляться. Семейство Лысковыхъ часто сбиралось у него въ комнатѣ и развлекало его разговорами. Елена ухаживала за нимъ какъ за братомъ. Она повеселѣла и прежняя свѣжесть начала появляться на ея прелестномъ личикѣ. Рощину сказали о близкомъ родствѣ его съ семействомъ Лысковыхъ; и странно, это извѣстіе его нисколько не обрадовало, напротивъ, казалось еще опечалило.

Вскорѣ онъ уже имѣлъ на столько силы, что могъ прохаживаться по комнатѣ. Никольскій постоянно водилъ его. Григорій Ивановичъ, только изъ приличія выслушивалъ умствованія докторовъ, а самъ продолжалъ прежній способъ домашняго леченія. Сергѣй Петровичъ поправлялся болѣе и болѣе, Елена Григорьевна была уже съ нимъ въ самыхъ дружескихъ родственныхъ отношеніяхъ, называла его милымъ кузеномъ, но Сергѣй Петровичъ о чемъ то гру-

стилъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе задумывался.

Въ одинъ изъ Іюльскихъ вечеровъ, когда утомленная зноемъ природа предается отдыху; яркое солнце смягчая лучи свои склоняется къ западу, въ видѣ громаднаго огненнаго шара а ближній лѣсъ становится все темнѣе и темнѣе, бросая по полю гигантскую тѣнь, когда торжественная тишина изрѣдка прерывалась трелями соловья, да пѣніемъ малиновки, а рѣчка медленно катила свои полусонныя воды, позлащенныя закатомъ солнца, Рощинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна и любовался этою картиною. Лысковъ вошелъ къ нему и расположился противъ него на стулѣ.

— Послушай Сергѣй, я пришелъ къ тебѣ поговорить о весьма серьезномъ дѣлѣ.

Сергѣй Петровичь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Я полюбилъ тебя съ перваго дня нашего знакомства, теперь люблю еще болѣе, какъ роднаго сына, потомъ нѣсколько переведя духъ, онъ спросилъ его шутливымъ тономъ. Да я впрочемъ не знаю еще. спросилъ хочешь ли ты имѣть такого отца?

Рощинъ молча, но почтительно протянулъ ему руку.

— Такъ вотъ видишь ли мой другъ, у тебя нѣтъ отца, и вотъ я тебѣ предлагаю себя въ отцы. Повѣрь я отъ души говорю это.

— Но,... что вы хотите сказать этимъ, невольно вырвалось у Рощина.

— Что?.... и старикъ замялся.

— Говорите, говорите, быстро схвативъ его за руку, упрашивалъ Рощинъ, я чувствую что съ моею жизнію связана какая то тайна, которую матушка не хочетъ мнѣ объяснить. Эта загадочность стала для меня мучительна. Говорите! Умоляю васъ!

— У тебя есть сестры Сергѣй. но Лидія тебѣ не мать, проговорилъ Лысковъ.

Съ обѣихъ сторонъ послѣдовало молчаніе. Григорій Ивановичь какъ будто испугался высказаннаго имъ а Сергѣй Петровичь былъ до крайности изумленъ такимъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Не мать! тихо повторилъ онъ.

— Да, но она тебя любитъ какъ сына, ты это знаешь. а я тебѣ еще разъ повторяю что готовъ замѣнить отца. А сколько есть несчастныхъ, для которыхъ слово отецъ, мать, родные, существуютъ только по звуку. Ты долженъ благодарить Бога Сергѣй, а не роптать на него и Григорій Ивановичъ разсказалъ ему о его родословной. Когда онъ передалъ ему обо всемъ, по лицу Сергѣя Петровича текли слезы.

— Гдѣ же сестры мои? спросилъ онъ.

— Тебѣ о нихъ тужить нечего. поправляйся скорѣе и мы къ нимъ съѣздимъ, я отрекомендую имъ моего новаго сына, а ихъ дорогаго братца. Теперь вѣдь въ полкъ не поѣдешь съ отрѣзанной то рукой, а будемъ здѣсь вмѣстѣ хозяйничать, сказалъ старикъ улыбаясь и обнявъ, поцаловалъ Рощина въ лобъ.

Рощинъ все еще не могъ вполнѣ придти въ себя.

— Ну полно же горевать, что было то прошло.

Да о чемъ и грустить то, нашелъ отца и даже сестеръ, чего же тебѣ еще надо? Ты смотри не разлюби воспитательницу то свою. Да знаешь что? не говори покуда нечего ей о нашей бесѣдѣ, еще разстроишь пожалуй. Знаешь, бабье дѣло.

Сергѣй Петровичъ долго не могъ заснуть въ эту ночь. Онъ думалъ, думалъ и думамъ его казалось не было конца.

Спустя полгода послѣ описанныхъ нами произшествій, въ одинъ зимній вечеръ, около церкви села Лапина былъ большой съѣздъ. Церковь была ярко освѣщена, крестьяне густыми кучками толпились около нея, по дорогѣ къ селу мчалась лихая тройка. Ямщикъ съ рвеніемъ погонялъ лошадей. Въ кибиткѣ сидѣли мужчина среднихъ лѣтъ, закутанный въ шубу и молодая дама, между ними былъ мальчикъ лѣтъ семи.

— Что близко? спросилъ проѣзжій у ямщика.

— Рукой подать сударь, всего двѣ версты какихъ нибудь осталось, отвѣчалъ ямщикъ и потомъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ. По этой самой дорогѣ сударь, я везъ по веснѣ Сергѣя то Петровича. Вотъ недалече и овраго-тъ, куда мы слетѣли. Такъ значитъ ужъ судьба такая. А вотъ теперь нашу кралечку барышню за себя беретъ, такъ ужъ значитъ Богу угодно. А зашибусь же я сегодня на барскомъ

пиру!... Ямщикъ прикрикнулъ на коней, они помчались вскачь.

— А гостинцы будутъ у дяди, спросилъ мальчикъ.

— Будутъ... Будутъ душенька, отвѣчала дама укутывая его хорошенько.

Черезъ четверть часа, повозка подъѣхала къ церкви, гдѣ только что изъ другихъ саней выходилъ Рощинъ.

— Братъ! братъ! закричала дама высунувшись изъ кибитки.

Сергѣй Петроввичъ поздоровавшись съ сестрой и шуриномъ, благодарилъ что они пріѣхали къ нему на свадьбу.

— А судя по вашему письму, я признаться на это удовольствіе уже не надѣялся.

— Да что Сергѣй Петровичъ просто тихонько удралъ со службы. Жена и слушать ничего не хотѣла, никакихъ резоновъ не приняла, долженъ говоритъ быть. Ну и поѣхали.

Невѣста не заставила долго себя ждать и въ церкви пѣвчіе, выписанные на этотъ случай изъ губернскаго города, грянули концертъ: Господи силою твоею да возвеселится Царь!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Нѣсколько словъ объ отношеніи литературы къ общественной жизни и о пользѣ гласности . . 1
II. Находка. 15
III. Три рода любви 39
IV. Смотритель (очеркъ) 69
V. Голубчикъ (физіологическій очеркъ) 81
VI. Переписка двухъ друзей по «новой грамматикѣ» 101
VII. Выгодная женидьба 107
VIII. Пріемышъ (быль) 127

Стихотворенія.

1. Ты помнишь ли? 13
2. Зимній вечеръ (элегія) 35
3. Послѣдняя весна (элегія) 37
4. Ночь 65
5. Сирота 77
6. Игрокъ 79
7. Пріемный день. 99
8. Разочарованіе 105
9. Мои воспоминанія 121

Цѣна 1 руб. сер.

При продажѣ каждаго экземпляра 10% отчисляется въ пользу бѣднѣйшихъ изъ пострадавшихъ отъ пожаровъ въ Маѣ мѣсяцѣ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

1-D